

ISSN 1993-9477

XXI ВЕК **ВОЛГА** 3-4 2019

Литературно-художественный журнал

РАБОТЫ ХУДОЖНИЦЫ ОЛЬГИ ЧЕРЕНЦОВОЙ

«На остановке автобуса»

Из серии «Зеркало»

Из серии «Портреты». «Глэн»

XXI ВЕК

ВОЛГА

3-4 2019

Литературно-художественный журнал

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

- А.Ю. Аврутин** – член Союза писателей Беларуси (Минск)
А.Б. Амусин – член Союза писателей России, председатель Ассоциации Саратовских Писателей
А.А. Бусс – член Союза писателей России (Саратов)
В.И. Вардугин – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Е.А. Грачёв – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Д.Е. Кан – член Союза писателей России (Оренбург)
О.И. Корниенко – член Союза писателей России (Сызрань)
В.В. Ковалёв – член Союза художников (Рига)
В.А. Кремер – член Союза писателей России (Саратов)
М.А. Лубоцкий – член Союза писателей Москвы, ответственный секретарь Ассоциации Саратовских Писателей
В.Д. Лютый – член Союза писателей России (Воронеж)
М.С. Муллин – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Г.П. Муренина – директор музея Н.Г. Чернышевского, член Ассоциации Саратовских Писателей

3-4
2019

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭТОГРАД	
Валерий КРЕМЕР. Жажда солнца	3
ОТРАЖЕНИЯ	
Виктор БИРЮЛИН. Нам ли горевать?	7
НЕЗАБЫТЫЕ ИМЕНА	
Светлана МИХЕЕВА. «Как некий местный лейтмотив...»	19
Вячеслав ТЮРИН. Как птица певчая без хора...	26
ОТРАЖЕНИЯ	
Я. УДИН. Туфли с певучим скрипом	32
ПОЭТОГРАД	
Александр ЛАЙКОВ. Письмо в прошлое	69
ОТРАЖЕНИЯ	
Светлана ПАНКРАТОВА. Изгнание	77
ПОЭТОГРАД	
Анна МОРКОВИНА. На отуманенном стекле...	81
ДЕСЯТАЯ ПЛАНЕТА	
Ольга ЧЕРЕНЦОВА. Сочинительница	87
В САДАХ ЛИЦЕЯ	
Елизавета КУРДИКОВА. Мой дерзкий свет...	96
ОТРАЖЕНИЯ	
Антон ХАЛЕЦКИЙ. Флористка	99
ПОЭТОГРАД	
Натэлла ЛЕВИЦКА. Приятно быть растением в саду...	110
КАМЕРА АБСУРДА	
Нелли КРЕМЕНСКАЯ. Жар-птица, любовь и возмездие	113
ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТУДИИ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ	
Александр ГОРНОСТАЕВ. Осенние яблоки	122
В МИРЕ ИСКУССТВА	
Евгений НОВИКОВ. «Гениальный скульптор с берегов Волги»: жизнь и творчество Дмитрия Цаплина	126
НА ВОЛНЕ ПАМЯТИ	
Эдуард АНАШКИН. Народный писатель России	155
СТАТЬИ	
Наталья ТЯПУГИНА. Не роль, но жизнь... (О поэзии Сергея Кабакова)	168
РЕЦЕНЗИИ	
Наталья ТЯПУГИНА. «Всё это было бы смешно, когда бы не было так грустно...»	176
Елизавета МАРТЫНОВА. «Духовное соавторство... в рамках проекта»	180
ЮБИЛЕЙ	
Лилия АЛИФЕРОВА. К 100-летию Пушкинской библиотеки	182

**Валерий
КРЕМЕР**

ЖАЖДА СОЛНЦА

Никому никуда никогда
не дано возвратиться.
Ты глядишь мне в глаза,
только кто я – никак не поймёшь.
Ты меня ещё помнишь камнем,
а я уже птица.
Ты меня уже видишь свечой,
а я ещё дождь...

Отзвуки дальних вьюг
Ветер несёт.
Многое сходит с рук,
Только не всё.
Тем, кто прожил свой век
Наискосок,
С неба летящий снег –
Камнем в висок.

Вселенная объята тьмой.
В ней всё иначе.
И блудный сын бредёт домой
И горько плачет.
С лица стирает соль и гной
И, коченея,

-
- Валерий Адольфович Кремер родился в 1954 году в Саратове. Окончил филологический факультет СГУ. Служил в армии, работал учителем в сельской школе, корреспондентом в различных газетах Саратова. Член Союза писателей России. Публикуется в периодической печати с 1973 года. Стихи печатались в саратовской периодике, коллективных сборниках Приволжского книжного издательства, журналах «Волга», «Волга–XXI век», «Новая Немига литературная» (Беларусь), в литературно-художественных альманахах «Саратов литературный», «Зелёный остров», «Сюжет», «Моргенштерн» (Союз российских немецких писателей), «Тритон» (Москва), «Трёхцветная кошка» и «Сквозь тишину» (Санкт-Петербург). Лауреат фестивалей поэзии в Волгограде и Сызрани. Автор восьми книг стихов: «Путь» (1990), «Время вдоха» (2000), «Путешествие к Центру Вихря» (2005), «Свидетельство о жизни» (2007), «Под небом молодым» (2010), «Другие дни» (2014) «Любольш» (2016), «Странник» (2018) и прозаической книги «Спрятанный свет» (2015).

Он лишь твердит: «Домой, домой,
Домой скорее...»
И видит, что не перейти
Сквозь ночь итога.
И шепчет, падая: «Прости» –
Как имя Бога.

Метался по ночи, как раненый зверь,
Пил с неба летящую воду.
Погоня отстала. Куда ты теперь?
Во что заколотишь свободу?
На сколько вестей занавесишь свой страх?
На сколько зароешь ответов,
Стараясь не помнить песок на зубах
И мстительность хлещущих веток?
Храня как последнее – веру в бросок
Спасительный в бездну оконца.
Так погреба темень взрывает росток
Картофельный – жаждою солнца.

ГАМЛЕТ

*Я – Гамлет. Холодеет кровь,
Когда плетёт коварство сети.*

Александр Блок

Я – Гамлет. Я уже убит.
Яд расползается по крови.
Судьба, нахмутив грозно брови,
В глаза мне пристально глядит.
Я мстил, сражаясь в одиночку,
И пламя ярости мне грудь
Сожгло. Пора поставить точку.
Клинку меж нами равен путь.
Вот он – удар последний Злу!
Победу торжествуйте, трубы!
Ночь пересчитывает трупы
На окровавленном полу.
Весь мир, как он, страдал, хитрил,
И лицедействовал, и злился,
Кому-то мстя. И отомстил.
Собою только не родился.

Пойми меня хоть раз,
Ведь стоит постараться.
Слова одни у нас,
Но трудно докричаться.

Не долетает крик,
И шёпот тает снова.
Несложен мой язык.
Скажи на нём хоть слово!

Что тебе подарить в ответ
На любви лепет?
У меня ничего нет.
Только слов трепет.
Будет день до конца спет,
Надо лишь посметь.
Ведь у нас ничего нет,
Только жизнь и смерть.

Ничего не случилось. Ты утром выходишь из дома.
Как всегда. Город заспанный в сизом дыму.
«Ничего не случилось?» – привычно окликнет знакомый.
«Ничего», – отвечаешь привычно ему.
«Ничего не случилось!» – кричат, обгоняя, трамваи.
«Ничего не случилось», – как отзвев, бормочут дома.
Стольких встреч избежала ты, спрятавшись, не узнавая,
Закрываясь ладонью, что жизнь не случилась сама.
Но однажды всё это отыщется и назовётся,
Как до времени скрытая небом звезда.
Это глупо, быть может. Но вдруг затрепещет, забьётся...
А казалось, уже ни за что... никогда...

Мы пусты и нелепы под небом, пока
Прячем в тёмном углу потайную любовь.
Улыбаясь по-детски, плывут облака.
Закипает воронкой незрячая кровь.
И от взрыва до взрыва под взглядом планет,
Безнадёжно не равный себе самому,
Я бегу на пустырь, чтоб обнять целый свет,
Я бреду на вокзал, чтоб побыть одному.
Если, нежность зажав, лишь зашторивать взгляд,
Зубы стискивать, жизнь рассекая плечом,
Ожиданье любви превращается в яд,
Сердце глухонемое стучит ни о чём.
Я, как дерево в карцере, всё же расту,
Повторяя спиной предел потолка.
Научившись лишь чужья врага за версту,
Всё твержу, что ещё догоню облака.
Это время бикфордово тлеет пока
И цианистым кормит детей молоком.
Только там, в глубине, где плывут облака,
Вызревает зерно, что взорвётся цветком.

Если хочется плакать и петь,
Значит, кончилась эта зима.
Посмотри – и увидишь сама:
Пару дней дотерпеть.
Пару дней добродить, домолчать.
Пару дней. Чтоб, как морок, прошла
Эта злая тоска по ночам
От бессилья крыла.
Видим мы, закрывая глаза,
В наши окна вливаются уже
Дней весны синева, бирюза,
Льдины плавя в душе.

Я – узник своего лица.
Я – узник голоса и тела.
Но свету взгляда нет предела,
И зову света нет конца.

Дороги и слова провисли,
Но всё хранит душа твоя
Путь смертной оболочки мысли,
Летящей к тайне бытия...

Бессонной комариной ночью
Пригрезится, что Бог незряч,
А мир лишь крови, крови хочет,
И каждый жертва иль палач.
Но есть рассвет, и, слава Богу,
Он неизменен, и тогда
Виднее из окна дорогу,
Что бесконечна и тверда.
И что бы ни напела тьма,
Мир слеплен из любви и праха,
Но каземат возвёл из страха
И сходит в нём теперь с ума.
Когда ж хотя бы на мгновенье
Свой страх он сможет побороть,
Светящаяся мощь Творенья
Вольётся в алчущую плоть.

**Виктор
БИРЮЛИН**

НАМ ЛИ ГОРЕВАТЬ?

СТАРЫЙ УДИН

Старый удин легко оторвал голову от подушки. Так же легко, несмотря на внушительный вес, встал, прошёл в ванную комнату, потом на кухню и вскоре с чашкой дымящегося чая устроился перед компьютером – так устраивались свободные от дел старики перед окошком в его далёком селе. Жена ушла на службу, дочка замужем и живёт на другом конце большого города, значит, впереди ещё один день благословенного одиночества.

За спиной на полке стоят его книги рассказов о жителях старинного кавказского села, малой родине, по которой он так и не перестал тосковать, хотя и обрусел порядком. Со временем просторные сельские подворья, заросшие орешником окрестности, по которым бегал в детстве, леса, поля и луга, в которых когда-то охотился на зайцев и фазанов, благоухающие сады и радушные односельчане стали представляться ему земным раем. Но, видно, умирать придётся вдали от него.

Свои лучшие страницы он написал в молодые, крепкие, полные надежд, праздничных застолий и душевных разговоров годы, когда страстно влюбился в русскую литературу, упорно преодолевая всё, что мешало рассказывать на щедром языке Пушкина и Чехова о горестях и радостях своего уходящего в небытие древнего народа.

Да, он сомневался, колебался, отчаивался, но во многом был прав. Как же трудно, оказывается, продираться через жизненные терновники и не терять при этом радостных ощущений от полёта бабочки, лепета младенца, лёгкой походки женщины. Нет ничего сладостнее жизни, но и горше её ничего нет.

Старый удин пощёлкал «мышкой», экран засветился.

КОСТРИЦА БОЛЬШЕ НЕТ

Из-за винодельни пришлось убрать молодой абрикос, собрав с пару килограммов прощальных ароматных плодов. Я его вёл с саженца, проклюнувшегося из косточки, пересаживал, ухаживал, ждал первого урожая.

-
- Виктор Владимирович Бирюлин родился в 1951 году. Окончил филологический факультет Саратовского государственного университета. Автор сборников литературно-критических статей, книг публицистики и эссе. Печатался в различных российских и зарубежных журналах, альманахах. Живёт в Саратове.

Пришлось убрать и кострище.

Всего-то, казалось бы, небольшой круг обожжённой земли, обложенный дикими камнями, пара самодельных лавок и шаткий круглый стол в тенистом углу. Но камни были не случайными, со своей историей. Старый стол, слегка подлатанный, навевал мягкие мысли о давно прошедших временах.

Огонь кострища притягивал. В колеблющихся под любым ветерком и настойчиво рвущихся вверх языках пламени можно было найти покой, порой, напротив, затаённую угрозу и одновременно подсказку, как выйти из очередного жизненного тупичка. Вокруг кострища по большей части молчали, а если говорили, то не о том, как день прошёл. Прошёл и прошёл...

Возле винодельни соорудили широкую «палубу» из толстых досок. Поставили на неё пару пластмассовых стульев. Сели на них с сыном, призадумались.

Днём по садовым дорожкам ползал опоздавший на праздник своей короткой жизни жук-олень. Жалко тыкался во все стороны. Всё было при нём – блеск чешуи, грозные рога. Но уже не было самок, соперников, и сок дубовый оказался не нужен.

Красота, решили мы, спасает мир, а спасёт или нет – кто знает? Даже ночью, бывает, чувствуешь присутствие солнца.

Эх, кострище, где ты?

МОИ ПАРИКМАХЕРШИ

Обычная парикмахерская с двумя креслами перед большими зеркалами с заставленными флаконами полками. По стенам вьются растения. В одном углу фикус, в другом телевизор на подставке. У входа круглая вешалка и стулья. Только хожу я в неё со студенческих времён. И уже двадцать с лишним лет стригусь у одних и тех же мастеров. Они давно не спрашивают, как меня стричь, и знают все особенности моих курчавых волос.

Устраиваешься в кресле и на время отстраняешься от насущных забот и хлопот. Укутавший тебя от шеи до пят фартук выглядит коконом, из которого готовишься выбраться с обновлённой причёской и приподнятым настроением.

Прерываясь на минуту-другую, женщины разговаривают по телефону с близкими людьми. Невольно вникаешь в чужие жизненные подробности и перекидываешь мысленные мостики к своей семье. Все мы немного философы и жаждем радостей.

Голова, оказавшись во власти умелых и чутких женских рук, бывает, склоняется в гипнотический сон, но, как правило, мелькание ножниц и жужжание машинки сопровождает незатейливая беседа. Поводом может послужить задевшее слово из постоянно работающего телевизора, взбудоражившая новость, выкрутасы погоды – всё что угодно. Стараюсь не настаивать на своей точке зрения, тем более спорить. Так же сдержанны и мои парикмахерши.

Разговор с колдующим над твоими волосами мастером сродни тем, что ведётся в железнодорожных вагонах. Но, поговорив с попутчиками в купе, расстаёшься с ними навсегда. Отсюда и зашкаливающая порой откровенность. А с парикмахером встречаешься вновь и вновь, продолжая ни к чему не обязывающее общение. Поэтому и разговоры более мягкие, хотя и не без острых ноток на потребу дня.

Парикмахерши замечают, что волосы мои поредели и побелели. Я тоже подмечаю возрастные изменения в их лицах, фигурах и не говорю, конеч-

но, об этом. В отличие от них, старающихся улучшить мой облик, ничего не могу им предложить.

Наконец моя голова подстрижена, вымыта и аккуратно причёсана. Завершается сам собой и приветливый, ненавязчивый разговор.

НАМ ЛИ ГОРЕВАТЬ?

Тихо уходит ласковая золотая осень. От пустых полей и просвечивающих лесов веет печалью. Не за горами холодные затяжные дожди с неизменной дорожной грязью.

В такие дни, бывает, донимают мысли: так ли живёшь, перебрав немало профессий. А тут ещё приятель в разговоре посетовал не без горечи, что, мол, наше время прошло.

Довелось жарким летом в дружной родственной компании проехать около двух тысяч километров по землям бывшей Области Войска Донского. Наш путь пересекали реки и речушки, по сторонам завораживали взгляд поля, лощины, леса, перелески и холмы.

Ехали не ради праздного любопытства, а по памятным местам детства и юности свата. Остановливаясь, мы разговаривали с казаками, которые по-прежнему живут и здравствуют на родной земле.

В Волгодонске нас взял под свою надёжную опеку друг свата, за плечами которого участие в строительстве с нуля атомной электростанции.

В хопёрской станице Кумылженской попали в радушные объятия ещё одного сватова друга. Что-то было в нём, балагуре и весельчаке, от шолоховского деда Щукаря, несмотря на солидную внешность и занимаемые важные должности. С трепетом поведал нам о казачьих весенних боевых играх в роскошной речной пойме.

Однажды разговорился с пожилой женщиной. Несмотря на семейные беды и немалые годы, она по-прежнему любит поплавать в Волге, попариться от души в баньке, одна управляет в саду, раздавая излишки урожая, собирается к больной подруге в Краснодар, чтобы помочь ей в хозяйственных делах.

Проводил жену на дачную остановку. Смотрел вслед, пока не скрылась за поворотом. Есть в ней некая опорность, уверенность, что она живёт правильно. Это чувствуют и другие, особенно дети и внуки, которые от неё не отходят.

С одним из них, внуком Никиткой, ходили смотреть с обрыва на Волгу с её волнующими воображение островками, застывшими на лодках рыбаками и быстрыми катерами. По пути внука увлёк глубокий овраг, в который он ту же собрался спуститься, потом сухая берёза с обломанной верхушкой, напомнившей ему лицо человека с глазами, носом и ртом. Вернувшись из похода, он потащил меня к стоявшему возле соседней дачи древнему «жигулёнку» пятой модели. С его владельцем мы ещё успели порассуждать об итальянских «фиатах» и новинках отечественной автомобильной промышленности...

Поговорил с соседкой о её виноградных кустах. Она была без лифчика, соски скульптурно оттопыривали футболку. Пышная, молодая, налитая. Почувствовала ли она, о каких гроздьях я думал, когда говорил с ней о виноградных?

Нет, друзья, далеко ещё до последних дней, которые сметут наши жизни со всеми радостями и печальями, словно пучки высохших трав.

Нам ли, в самом деле, горевать?

ПРИГОРШНЯ ИЗ МЕШКА РАДОСТЕЙ

Полуденное солнце осыпает землю жаркими лучами. Но в укрытой виноградными листьями садовой беседке свежо, уютно. Пью заваренный на родниковой воде индийский чай со свежей клубникой и наблюдаю за сорокой. Вот она опустилась на бак с водой. Попила, балансируя хвостом, слетела и запрыгала к дубам, где у неё гнездо. А вот уже объявилась на грядках. Вертит головкой с хитрыми глазками, высматривая, чем поживиться.

Как же приятно расслабиться, ничего не делать и никуда не спешить!

Вчера весь день провёл с семьёй младшего сына Ивана.

Утром вместе рвали раннюю вишню, сладкую и душистую. Весело хороводились вокруг зелёного пушистого деревца, усыпанного бордовыми ягодами.

Потом молодёжь отправилась рыбачить на Волгу, несмотря на начавшийся мелкий дождь, впрочем, вскоре закончившийся. И поймали, к восторгу внука Тимохи, несколько штук мелкой густеры, плотвы и одного небольшого линя.

В обед наслаждались тушённым в казане ароматным картофелем с нежным куриным филе и овощами. Его не спеша приготовил Иван, убеждённый, что торопливость превращает всякое дело в суету сует.

К вечеру натопил, не жалея дров, баню – сын с невесткой Татьяной отвели душу. Из бани всегда выходишь как из котла с живой водой.

Уже затемно опять собрались в беседке, разговаривая о всякой всячине.

Перед сном подошёл к большому окну в мансарде, отвёл шторы. Пшеничная лепёшка луны привычно катилась за густыми ветвями дубовой грядки. Вздохнул и отправился спать.

У МАГАЗИНА

У крыльца продуктового магазина встретил пожилого мужчину, можно сказать, старика. В каком-то малахае на голове, в поношенной зимней куртке, с рюкзачком на согнутой спине, клюшкой в руках и летних кроссовках на распухших ногах. Он просяще посмотрел на меня, пробормотав, что, мол, скользко, не за что ухватиться, чтобы на крыльцо подняться. Помог ему зайти в магазин. Возле кассы опять встретились. Он укладывал в рюкзачок покупки. Увидев меня, заулыбался. Придержал ему тамбурные двери. С крыльца его снял, обхватив руками за бока, как ребёнка, заходивший в магазин большой высокий парень.

Старик, осторожно передвигая ногами по ледяным колдобинам, отправился восвояси. Вид у него жалкий, неухоженный. Но он не бездомный. Об этом говорило и спокойное выражение лица, и то, как он привычно расплатился за покупки.

Скорее всего, живёт один.

ЯБЛОНИ В БУРКИНЕ

Как же приятно зайти в гости к друзьям, коротающим лето в загородном саду. Неважно, что путь к нему лежит через поле длиной в четыре километра. И небо с утра хмурится, того и гляди заморосит. Дорога ровная. Вокруг разноцветье и разнотравье. Глаз радуют растущие вдоль обочины знакомцы – синий цикорий, нежно-розовый татарник, ярко-жёлтая пижма, шёлковые белёсые метёлки ковыля... И появившийся кружочек солнца среди облаков выглядит окошком в иной, может быть, лучший мир.

В конце пути дорога пошла в гору. Открывшаяся взгляду широкая долина покрыта густыми грибными лесами вперемежку с дикими лугами. По долине ещё стелется утренний туман. Перешёл на другой склон холма и увидел наконец Буркино. Внизу рассыпались разноцветными кубиками дома дачных посёлков. На улочках тихо. Поверх заборов свешиваются зреющие плоды.

И вот я у заветной калитки. Хозяйка с дочкой приветливо открывают её.

– Как добрались?

– А вы как поживаете, сударыни?

По заведённому ритуалу вначале последовал осмотр сада. У моих друзей он немного небрежен, не по линейке рассажен, как, впрочем, и все наши сады, но изобилен, на удивление.

Меня встретили целые поляны цветов с розами и рододендронами во главе. Там и тут бросались в глаза земляничные, помидорные и овощные гряды. Мы долго блуждали среди вишен, слив, абрикосов, алычи, груш, орехов, виноградных шпалер, кустов смородины, крыжовника, барбариса, декоративной туи, можжевельника и даже черёмухи, сосен и берёз!

Но царствовали здесь яблони. У некоторых кроны уходили, казалось, в самое небо. Их необъятные ветви были щедро увешаны разноцветными плодами. Перед пышными в своих зелёных нарядах яблонями хотелось снять шляпу и почтительно поприветствовать.

Обход сада, как принято, завершился в уютной беседке вольным разговором обо всём, что волнует душу и занимает мысли. Ах, эти нешумные доверительные застолья под звонкий птичий щебет и жужжание надоедливых ос, не мешающих, впрочем, наслаждаться общением с милыми тебе людьми. Как же скучна без них жизнь!

День между тем потихоньку катился сказочным клубком по запутанным садовым дорожкам. И вот уже мне предложено лёгкое складное кресло для отдыха. Подставил разгорячённое лицо под свежий ветерок. Сады, как зелёные омуты, вбирают нас в себя. Мы с наслаждением погружаемся в них. Расслабляем натянутые жизненной гонкой нервы, оставив на время суету. Садовые деревья врачуют нас и дают верное направление. Ведь они свободнее людей, несмотря на корни-якоря. Они занимаются предначертанным делом, не отвлекаясь по сторонам и не подчиняясь чужим влияниям. Не впадают в депрессию, потому что довольствуются тем, что есть. И спокойно отсчитывают кольца годов.

С самого утра серые тучи безостановочно бежали с запада на восток, за далёкую отсюда Волгу. Пару раз даже капнуло. Но к вечеру ветер стих, и небесная картина стала меняться на глазах. Облака забелели. Пробивается синий цвет, чаще проглядывает солнце. Пора и в обратный путь.

ДЕГУСТАЦИЯ ВИНА В ДОМАШНЕЙ ОБСТАНОВКЕ

Кто-то перед Новым годом ходит в баню. А мы с приятелем после Крещения Господня пробуем молодое красное сухое вино.

Устраиваемся на просторной кухне за столом с соответствующей случаю закуской и полудюжиной винных бокалов.

По праву хозяина налил понемногу из всех представленных образцов.

Подождали, пока вино насытилось кислородом. Полюбовались на «винные ножки», нехотя стекающие вниз. Гранатового цвета вино засверкало при дневном свете изысканным тёмно-вишнёвым оттенком. Вдохнули тонкий аромат, наконец попробовали и с удовольствием ощутили горьковатый вкус созревающего вина.

Хмель мягко растворился в голове. За столом стало душевнее, доверчивее. Вино рождается для радости, а не для ссор и скандалов.

Обсудили достоинства «неретинского», «агатама», «прорыва» и других виноградных шедевров с общим амурским корнем. Поговорили о виноградниках, приобретающих зримые черты и в наших окрестностях.

После второй пробы немного взгрустнулось. Представилось, что когда-нибудь на опустевшей Земле останется последний куст винограда. И человек будет неотрывно смотреть на ветку с созревающими плодами. Они вместе покинут роскошную прежде планету. Не будет больше ни винограда, ни людей, потерявших без лозы жизни.

Удивительно, на русской кухне любой разговор незаметно переходит в обсуждение вопросов мироустройства. И вот уже вокруг нас закружились слова о душе, энергетике человека...

– Всё на Земле и в Космосе взаимосвязано друг с другом, начиная с Большого взрыва и до скончания веков, – убеждал меня приятель. – Глобальное информационное поле предопределяет путь каждой пылинки.

– И наш с тобой путь к винограду тоже был предопределён?

– А ты сомневаешься?

В данном пункте я не сомневался. В какое-то мгновение высветилась вся жизнь, и я увидел, как судьба настойчиво вела меня в этом счастливом направлении.

Мы с приятелем спокойно наслаждались добрым вином, свободно говорили обо всём, что вздумается. Никто не заглядывал из-за спины, не подталкивал под локоть, и мы никому не были в тягость. Наши души стремились в полёт.

Между тем дегустация продолжалась своим чередом. Обнаружилось, что у приятеля вино более терпкое, чем у меня. Может, оттого, что он не отделяет гребни при сбраживании. Но наше молодое вино было в порядке. Нам оно нравилось – вот что главное в оценке вина, впрочем, не только его.

Вдруг захотелось оказаться в жаркой Испании с её апельсиновыми рощами и звоном кастаньет. Для нас с приятелем она, как и другие средиземноморские страны, остаётся землёй сплошных виноградников и жизнерадостных виноделов, понимающих, что к чему в этом мире, и с которыми мы бы легко нашли общий язык.

Вспомнился фильм о виноградниках Лаво в Швейцарии, устроенных на склонах гор, сходящих в тёплое Женевское озеро. Кусты плодоносят здесь со времён Древнего Рима. В старину за спину привязывали высокие плоские корзины. Женщины нагружали их срезанными с веток гроздьями, а парни сносили вниз и высыпали, наклонив плечо, прямо в давящие чаны.

Представил себя неунывающим крепким парнем, перекидывающимся шутками с весёлыми сборщицами, с достоинством несущим наполненную плодами корзину.

Проводил приятеля до автобусной остановки. Зимний день клонился к вечеру. Под ногами пружинила земля, покрытая порошей. Хорошее красное сухое вино, подержав человека в своих ненавязчивых объятиях, так же легко отпускает его, возвращая в привычное состояние. Только душа становится чуточку нежнее. А мысли какое-то время парят над обыденным строем вещей.

МАМИНЫ ПИРОГИ

Кто пробовал пироги моей мамы, тот на всю жизнь запомнил вкус тающего во рту, хорошо пропечённого сдобного теста и всегда ароматной, в меру сочной начинки.

Казалось бы, не так и трудно испечь пирог. Рецептов хватает в любой кулинарной книге. Составные части, как правило, немудрёные. У мамы это были молоко, сахар, яйца, маргарин, растительное масло, дрожжи, соль, столовая ложка водки, ваниль на кончике ножа и мука. А начинка сгодится любая.

Вперёд, хозяйюшки!

Только вначале, по совету моей мамы, не забудьте вынуть на ночь из холодильника яйца и маргарин. И дрожжи проверьте на солонатовость. И тесто замесите не крутое, а мягкое, чтобы отставало от руки. И дырочку сделайте в центре, когда пирог ещё подходит на противне. А когда вытащите его из духовки, не забудьте накрыть чем-нибудь лёгким.

И ещё с десятков мелочей не забыть бы.

Но даже самое строгое следование рецепту не гарантирует удачи. И приготовленный опытным профессиональным кулинаром пирог не всегда становится украшением стола.

Мама рассказывала, что первые свои пироги она, не дожидаясь прихода со службы отца, выбросила в мусорную корзину. Но моя мама училась искусству выпечки, не жалея сил. Ей нравился сам процесс затевания пирога. И очень хотелось порадовать близких людей.

Запомнилось её всегдашнее волнение, ведь любая мелочь могла свести на нет весь труд, начиная с бессонной ночи, поскольку приходилось вставать затемно, чтобы не упустить тесто. Она всегда оправдывалась перед гостями, мол, тесто не таким пышным оказалось, начинка немного подвела, надо было – вот не догадалась! – сделать по-другому, лучше.

Гости не очень-то прислушивались к этим сетованиям. Они просто наслаждались редким угощением.

Мы переезжали с места на место, следуя офицерской судьбе отца, менялись наши домашние очаги, но румяные мамины пироги по-прежнему оставались самым желанным лакомством. Они были для нас маленьким семейным чудом, живой сказкой. Как бы ни шли дела, душа согревалась от ожидания очередных праздничных пирогов. Хорошо бы с курагой! Но и с яблоками хорошо, и с капустой...

Мама постарела, пироги затевать ей уже не под силу. Сменщиков, увы, не оказалось. Мы с женой попробовали пару раз и забросили – образ жизни у нас иной, всё что-нибудь мешает.

Жаль.

КАК РОЖДАЕТСЯ СТРАСТЬ

Друг пригласил на первую выставку своих фотографий. Правда, живёт он в Эстонии, не доберёшься. Но весь его путь к выставке у меня как на ладони.

Вот случай, когда возникший в детстве интерес к жителям лесных зарослей вокруг села, в которое он приезжал на летние каникулы, перерос с годами в неистребимое желание запечатлеть их потаённую жизнь. Все увлечения моего друга, а их было немало, вели его в этом направлении. И спортивное ориентирование, и увлечение поделками из дерева, и тем более захватившая на многие годы охота – всё это было лишь подготовкой, оттачиванием глазомера, приобретением необходимых навыков.

Как рождается страсть к творчеству?

Сдаётся, что она рождается вместе с нами, но дремлет где-то внутри нас до поры, пока счастливый случай не разбудит её и не выпустит на волю.

Не знаю точно, когда мой друг взглянул на белый свет новыми глазами. Но помню, что в очередной приезд он вытащил из дорожного рюкзака

ка скромный цифровой фотоаппарат, подошёл к цветущей монарде и стал не спеша снимать пчёлку, хлопотливо собирающую нектар. Постепенно техника усложнялась. Росло и умение поймать особенный поворот головы какой-нибудь пичужки, передающий нечто общее для всех живых существ.

Приезжая в гости, мой друг обвешивается фотоаппаратурой и по-охотничьи мягко скрывается в дачных окрестностях. Он отправляется «сохотить» жука-оленья, который не водится на его второй родине, или удода с гордым и умным взглядом, водяную змейку, осторожно приподнявшую над водой точёную головку...

Что заставляет человека стоять по колено в холодной быстрой реке и целый час снимать ящерицу, греющуюся на прибрежной коряге? Распластавшись под палящим солнцем прямо на земле, ловить и ловить объективом бабочек, слетающих на соль? Сидеть днями напролёт в болоте в тяжёлой непромокаемой одежде, с москитной сеткой на лице, чтобы запечатлеть камышовку над её гнездом или цаплю, расправляющую крылья перед взлётом?

Творческая тяга не даёт человеку жить спокойно.

Представил развешанные по стенам небольшого краеведческого музея фотографии своего друга. На них – портреты обитателей лесов, лугов и болот. К ним подходят жители городка. Они улыбаются, открывая для себя новое в незатейливых сюжетах из жизни свиристелей, филинов, лосей и зайцев.

ОДИНОКИЙ ВОРОБЕЙ

Воробьи начинают шнырять по саду, как только сходит снег с земли. Увидев меня, подлетают к веранде, усаживаясь на перекладинах в ожидании крошек. В конце весны под лоджией настойчиво пищат воробьиные птенцы. Взрослые летними ночами возятся под крышей. Воробьи принимают ванны в тёплой вспушённой земле, кормятся, оглядывают с проводов окрестности и клюют созревший виноград.

Этим летом всё изменилось. Они словно испарились, и сад сразу опустел без большой и дружной воробьиной семьи.

Вместо бодро порхающей по веткам стаи по плиточному полу беседки прогуливался одинокий воробей. Делал он и облёты сада, но быстро возвращался. Его как будто тянуло к людям.

По утрам воробей купался в лужице возле поливного шланга. Днём деловито прыгал вдоль бани, по той же беседке.

Однажды к нему присоединился залётный. Но вскоре улетел. В другой раз, громко чирикавая, заявила группа чужих воробьёв. Наш, тоже чирикавая, упорно держался облюбованного уголка. Новые воробьи покружились по саду и перебрались на соседние дубы.

Он невольно обращал на себя внимание: какой-то размышляющий, страдающий, одинокий воробей!

Одиночество корябает, тянет душу, но оно выжигает в ней и всякую шелуху. Бывает, жизнь загонит человека в угол и прикажет ему сидеть тихо, потому что для него везде одно лихо. Правда и то, что уединение и одиночество – это совершенно разные вещи. Человек, нашедший уединение, уже не одинок.

Но что творится в душе воробья?

Может, одинокий воробей – всего лишь сторож? Улетая кормиться на сторону, стая оставила его присматривать за садом. Она вернётся к созревшему винограду. Такое бывало.

То и дело наведывались в свои владения трясогузки, залетали, как всегда, парами синицы, привычно стучал по старым яблоням дятел.

Воробьи не возвращались.

И одинокий воробей ближе к осени куда-то подался.

О ЧЁМ МОЛЧАТ ДЕРЕВЬЯ?

На прощание захотелось побродить по саду, погладить стволы молчащих деревьев. Они могли бы о многом рассказать.

Например, о том, что торопиться, собственно, некуда.

Или о том, что не надо подвывать волкам. Лучше пощёлкать соловьём, чтобы волки от изумления хоть ненадолго перестали выть.

Как же надоели разговоры шарлатанов с дураками! И слишком активные люди надоедают. Давно замечено, что самые длинные когти хищников куда короче человеческих ножей.

Вспомнилось, как в начале весны в сад заглянул большой пёс с ошейником. Породистый, молодой, судя по выражению ещё щенячьих глаз. Молча, с достоинством смотрел в щель между створок ворот. Дал ему оставшегося хлеба и сыра – он хватал куски на лету, глотал, почти не жуя. Потом так же спокойно, тихо ушёл. Видно, отбился пёс, потерялся.

Откуда пошло слово колокол? Не от того ли, что далёкий предок ударил кол о кол, чтобы привлечь внимание соплеменников?

Вместе с солнцем проклюнулись наконец бутоны на яблонях. И, как по команде, воздух зажужжал.

Чтобы поддержать человека, достаточно молча обнять его.

Прочитал роман Виктора Астафьева о войне и сразу расхотелось писать, читать и даже думать.

Как жарко в июльском саду! Ждёшь тени от облаков, как глотка прохладной воды в пересохшее горло.

Обиходные молитвы японцев напоминают своей краткостью хокку. Да минуют болезни. Да сохранится покой в семье. Да будет удача в делах. Если по-нашему, то получается здравица: «За здоровье, семью и удачу!»

Бокал вина и пара ржаных тостов с творогом и листьями салата после долгого рабочего дня.

Стоило поговорить с другом, как всё вокруг повеселело.

Что ещё роднит вино с искусством? Великое вино может создать безвестный винодел, а чарующая мелодия может выйти из души ещё не признанного музыканта.

Роскошный мокрый сад под сеющим дождём.

Бог тебе судья, по сути, означает, что ты сам себе судья.

О ВОЙНЕ

Не уходят из памяти кадры немецкой военной кинохроники.

Из белорусской деревни вывозят молодых женщин на принудительные работы в Германию. Они стоят на небольшой деревенской площади, сбившись в беззащитную стайку. На головах у девочек будничные платки, и одеты в такую же серую одежду. Взгляд у них равнодушный. Все слёзы уже выплаканы, и страх в них растворился. На дворе глубокая осень, судя по голым деревьям и хмурому небу. Очевидно, ждут подводу или машину.

К высокой простоватой девушке пытается подойти её годовалый сын. Он тянет к ней ручонки, плачет. Его отгоняет пожилой немецкий солдат с винтов-

кой в руках и растерянным лицом. Мать делает к сыну несколько шагов, смотрит на него из-за конвоира и обречённо отходит к притихшим односельчанкам.

Белобрысый мальчуган возвращается к бабушке, горестно стоящей поодаль. Руки у неё скрещены на животе, взгляд застывший, вся фигура выражает безысходность. Потом снова идёт к матери, которая всё так же беспомощно смотрит на него из-за немца. Тот опять неуверенно машет винтовкой в сторону малыша...

МОКРЫЙ СНЕГ ЗА ОКНОМ

Владимир Петрович хорошо запомнил тихий декабрьский вечер, когда «скорая» везла его по пустынным улицам в больницу. Шёл мокрый снег. Ехали молча.

В свои 53 года Владимир Петрович ничего не знал ни о холестерине, ни о за грудиной боли. Почувствовав жжение в груди, подумал, что это простудное, и ходил по квартире, ожидая, что тупая боль отступит. Хорошо, жена встревожилась и, не раздумывая, вызвала неотложку.

Едва ли не сразу после происшедшего вспомнил прежнего хозяина дачи, продавшего её, чтобы, как выяснилось, избежать инфаркта, поскольку два соседа уже умерли от него. Какое-то время эта мысль занимала. Но вот другая, доводящая до слёз: почему такое стряслось именно с ним, – мучила долго.

Ему повезло, что оказался дома, а не в автобусе или, ещё хуже, в людном месте. Повезло, что поддержали семья, друзья, сослуживцы.

После реанимации Владимир Петрович шептал на ночь «Отче наш», просил того, в кого не верил, о помощи. Веры не прибавилось, но в успокаивающем влиянии молитвенных слов убедился.

В больничной палате Владимир Петрович начал пересматривать своё отношение к людям, близким и далёким. Мир вокруг него становился не таким однобоким, как прежде, в нём заметно прибавлялось многообразия.

Слишком долго он заблуждался, что, придерживаясь в жизни золотой середины, избегая уродливых крайностей, будет здравствовать, не бедствовать, жить без особых потрясений.

Инфаркт эти выдумки из головы вытряс, убеждая, что никакой здоровой логики ни в чём нет, по крайней мере, если это касается жизни отдельного организма, не важно, человека или букашки.

После выписки домой стало наконец проходить острое чувство страха. Появилось неукротимое желание выкарабкаться и пожить ещё как следует.

МОЙ ПЕРВЫЙ ДРУГ

В третьем классе, возвращаясь из школы, я встретил в подъезде новой «хрущёвки», в которую недавно переехал, незнакомого мальчика. Он был выше и крупнее меня, одет в такую же школьную форму – серую рубашку, похожую на солдатскую гимнастёрку, серые брюки, и на шее красный пионерский галстук. Незнакомец звал своего кота Марсика. Спросил меня, не видел ли его, и представился: «Саша». Оказалось, что мы соседи по лестничной клетке.

Саша был послушным сыном, которому не надо дважды повторять, чтобы сходил за хлебом. Ему доверяли уборку в квартире, уход за младшей сестрой, которой он спокойно стриг быстро подраставшие ноготки. Он учил меня играть в шахматы, воодушевлённо, в лицах пересказывал содержание прочитанных книг и просмотренных фильмов. С ним я впервые заговорил откровенно о девчонках.

Мы оба были толстыми мальчишками. Но к старшим классам вытянулись. Я увлёкся футболом, он – горными лыжами. Ещё он рисовал, окончил городскую художественную школу, отточив вкус, хотя и не преуспев в творчестве. В старших классах он учился в школе молодых физиков при университете, и это помогло ему с первого раза поступить на физический факультет, что в ту пору было ох как нелегко. Помню переживания его одноклассников, способных ребят, не сумевших набрать проходные баллы.

Влюблялся Саша всей душой. Вначале ему не везло. С одной своей любовью он расстался своеобразно – прошёлся по кромке балкона верхнего яруса в театре оперы и балета и ушёл. Девушка засомневалась в его храбрости! Он доказал ей, что не трус, одновременно прозрев и насчёт её чувств. Потом он влюбился в девушку, на которую заглядывались многие, поскольку она была той самой студенткой, комсомолкой, спортсменкой и, главное, красавицей. У них завязались серьёзные отношения.

Поэтому неожиданным показался их разрыв уже на излёте студенческих лет. Саша сказал мне, что ему надоело быть ведомым, что его подруга любит везде и во всём первенствовать, не заботясь о его мужском самолюбии – бутылку с вином и ту не доверяет ему откупорить!

А вскоре он познакомил меня с Наташей, и я сразу понял, что дело вовсе не в женском первенстве и мужском самолюбии. Просто мой друг нашёл наконец свою половинку.

Но семейная жизнь в Саратове не задалась. Помыкавшись без жилья и не встретив понимания у родственников, Саша с женой уехали в Арзамас-16, теперешний Саров, куда их пригласил работать Наташин брат.

Не мне судить, почему такой внимательный сын, почитавший отца и мать, любящий сестру, в одночасье порвал со всем, что было ему дорого. Наши отношения тоже оборвались, и в этом я виню себя, не сумевшего поддержать его по-дружески, когда ему стало невыносимо жить в родном городе.

В итоге мы расстались на многие годы и встретились уже в «лихие девяностые» после смерти его родителей. На первую через десять с лишним лет встречу я чуть не бежал, сердце билось, словно спешил на первое свидание. Мой друг, большой, рыжебородый, остался таким же душевным человеком с волевым внутренним стержнем.

Потом было ещё несколько встреч.

В одну из них бродили по старым дорожкам, вспоминали, как вот здесь, на этом самом месте, шутили, спорили друг с другом. Саша, прочитавший накануне мои рассказы, неожиданно спросил:

– Что значат твои слова: страшно не умирать, а умереть?

Объяснил, что, когда лежишь в реанимации, как мне довелось после инфаркта, то мысли о смерти не докучают. Думаешь совсем о другом. Например, о том, как же, оказывается, надо мало для счастья. А вот если и в здоровом состоянии задумаешься на ночь о грядущей смерти, то полночи проворачиваешься, и жутким холодом душу не раз проберёт.

В сентябре 2008 года он опять приезжал в Саратов, в октябре мы с ним созванивались, а в ноябре Саша заболел.

После врачебного заключения его электронная почта сразу переполнилась словами поддержки со всех сторон. Начальство добилось лечения в одной из лучших московских больниц. Но было уже поздно.

За два дня до смерти Саша сказал Наташе:

– Даже не думай, я не сдамся!

Он умер в декабре, не дожив немного до своего 59-летия.

Может, и в самом деле умирать не страшно?

ИЗ НЕИЗВЕСТНОСТИ

Размышляя о современной русской литературе сегодня, мы обычно стараемся поддержать авторов молодых, которые пока только складываются как поэты и прозаики. Несомненно, это важный акцент, который призван восстановить связь между разными литературными поколениями, ввести художественное отражение новых реалий в традиционный контекст. Между тем корпус произведений русской литературы последних десятилетий нами освоен весьма неполно. К сожалению, мы не знаем многих имён, которые составили бы гордость отечественной поэзии, прибавили бы ей полноты и украсили её совокупный голос неведомыми интонациями. Речь идёт об авторах, которые ушли из жизни до времени, не успев сказать своё неповторимое слово широко и весомо. Они не могут постоять за себя сегодня, ввести читателя в свой художественный мир, воссоединиться с могучим течением русской литературы, уже знакомой и любимой нами.

В августе нынешнего года на совещании сибирских авторов на берегу Обского моря поэтесса из Абакана Наталья Ахпашева, одна из руководителей семинара поэзии, прочла стихи о своём погибшем сокурснике по Литературному институту. И возникла идея собрать все пока ещё не забытые имена таких поэтов, объединить их творчество под обложкой соответствующей антологии и здесь же поместить статьи, сопровождающие каждое творческое имя. Разумеется, проект подобной книги подразумевает большую предварительную работу по сбору материалов поэтических, литературно-критических и требует немало времени.

И тогда между редакторами журналов «Подъём» (Воронеж), «Огни Кузбасса» (Кемерово) и «Сибирские огни» (Новосибирск) возникла договорённость: ввести в содержание журнальных выпусков общую рубрику «Незабытые имена» и постоянно пополнять её новыми текстами, собирая их со всей страны. Одновременно достигались бы два результата: нынешний читатель русской поэзии обретал возможность познакомиться с незведанными стихами без задержки, связанной с подготовкой книги, а материалы рубрики как бы сами собой складывались в объёмное содержание будущего издания. Эту идею поддержали журналы «Волга–XXI век» (Саратов), «Аргмак» (Набережные Челны), «Гостинный двор» (Оренбург) – возможно, круг единомышленников в дальнейшем станет более широким.

Важно отметить и такое свойство планируемых публикаций – соединение локальной географии возникающих из неизвестности имён с большой картой страны. Так, Сергей Гуляевский из Пензы будет прочитан в Саратове, воронежский Николай Шалыганов – в Оренбурге, жившая в Москве и утонувшая в родной деревне под Тулой Елена Федотова – в Новосибирске... Стихи ушедших поэтов действительно могут стать всеобщим достоянием.

Начиная общий журнальный проект, мы предлагаем читателям стихотворения Вячеслава Тюрина из маленького города Лесогорска Иркутской области. Предваряет публикацию литературно-критический очерк Светланы Михеевой (Иркутск).

**Светлана
МИХЕЕВА**

«КАК НЕКИЙ МЕСТНЫЙ ЛЕЙТМОТИВ...»

О вечной ссылке Вячеслава Тюрин

Когда в посёлке Лесогорск умер поэт Вячеслав Тюрин, маленький Лесогорск, что притаился на полпути между Иркутском и Красноярском, опустел. Тюриним он и был, собственно, известен в России.

Я никогда не встречалась с ним, не бывала в Лесогорске, а он в последние годы – в Иркутске. Поэтому ужасная неловкость нападала на меня, когда он звонил и говорил просто: «Это Слава». Потом долго не мог понять, кто я, но понимал, что звонок его – важный, что мы о важном говорили: о его третьей книге, которая наконец снова напомнит читателю о нём, о том, что он есть и ещё собирается быть.

Обращения «Вячеслав» Тюрин не жаловал. Старенькая мама называла его Славой, он сам называл себя Славой, все его так называли в посёлке, где он гордо проживал без малейшей надежды на поэтическое признание. Хотя в своём предназначении был уверен. Это удивительное свойство стихотворцев, охраняющее их в бесконечном и всё ещё растущем мире, в провинциальных поэтах должно быть развито во сто крат, ибо *«они живут безвыходно»*, как написал пермский поэт Юрий Беликов. Беликов пытался объединить поэтов провинции решением одного большого (и большого – в силу необъятности родины) вопроса: *«Можно ли, будучи наделённым божьим даром, оставаться в России неизвестным?»* Беликов придал провинциалам статус «дикороссов» – мол, дико растут в российской глубинке, а в 2002 году выпустил книжку с поэзией «дикороссов». И Тюрин там тоже есть.

Тогда, в начале 2000-х, решался вопрос о том, каждый ли поэтический голос должен быть услышан. И это был, по суще-

-
- Светлана Анатольевна Михеева родилась в Иркутске. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Автор трёх поэтических сборников, двух книг прозы и книги эссе. Публиковалась в журналах «Дружба народов», «Октябрь», «Волга», «Грани», «Юность», «Сибирь», «Сибирские огни», «Байкал» и других. Как публицист и критик сотрудничает с журналом «Литература». Работает заместителем главного редактора иркутского еженедельника «СМ-Номер Один». Руководитель Иркутского регионального представительства Союза российских писателей, член Союза журналистов России. Живёт в Иркутске.

ству, вопрос о правильном распределении возможностей, а значит, и славы. И это был вопрос, волновавший Тюрина – однако же волновавший немного иначе. Он мечтал о собеседнике, о «другом», который мог бы назвать его по имени и услышать, – грезил о душе родственной. Именно она была для него Возможностью. Большинство как масса, «народ, напряжённый как мышца», продуцирует тоску, именно от неё Слава спасался всю жизнь. Масса не годится в собеседники, она отвергает собеседника: «Реальность отрицает нас упорно» – факт, и ничего больше. «Пойми, людская память – это форма бессмертия в страдательном залоге» – это тоже факт.

Спустя многие годы тенденция провинциалов объединяться приобрела странные черты, отклонилась в область мейнстрима, перешла в сферу потребления: анонимизировать поэзию, чтобы читатель, потребляя, мог оценивать её объективно, то есть по собственному вкусу, не опираясь на авторитет имени. Этот челябинский проект, который завоёвывает сегодня умы, продвигают поэт Виталий Кальпиди и издатель Марина Волкова. Провинция всё ещё пытается бороться за свои права, нависая на рычаге всем весом. Провинция в этом случае напоминает мясорубку, которая полагает, что фарш – это равноправие всех кусочков. Но поэзия в этом случае превращается в общего вида субстанцию, где яркие голоса будут не слышны в силу инерции – в итоге всё станет тяготеть к общему, к среднему. Благая забота о качестве текста убьёт поэзию.

Литература – это личное дело, и лежит она за формальными пределами языка, в той иррациональной части нашего мира, в той сумеречной зоне, куда отваживается заходить поэт. Не вообще поэт, а совершенно конкретный, со своими тараканами и своей судьбой. Он-то и договаривается с языком вообще. И этот договор зачастую подписан, говоря высокопарно, кровью. Вячеслав Тюрин это, думается, понимал отчётливо. Он настаивал на своей отдельности: в личном пространстве, уважая свой дар, и в стихах – но не мизантропически, как, к примеру, Бродский, а филантропически. Тюрин утверждал своё право быть самостоятельной единицей, отыскивая человека – собеседника, друга, женщину. А в человеке – то, что выше и больше человека.

Поэзия провинции как поэзия необратимых обстоятельств, непреодолимых, довлеющих обязательств перед чем-то, что назовём, положим, Музой, имеет особую плотность переживания – как экипаж подводной лодки, замкнутый, окружённый дверями, которые можно открыть – но нельзя открывать. Нельзя, а то умрёшь. Самоотречение, доходящее до края во имя спасения. Религиозный пыл, как ни крути.

Лесогорская Муза обитала поблизости, можно сказать, она нависала над Тюриным требовательно. «Со всей очевидностью полагаю изящную словесность прямым и непосредственным продолжением Священных Писаний и высшим смыслом моей жизни», – оканчивал автобиографию Тюрин. Он прислал её для книги, о которой мы с ним вели беседы, короткие и деловые. Сочинил он её давным-давно – это был его устоявшийся взгляд на собственную жизнь.

«Высший смысл жизни» употреблён был им практически – во избежание собственной тоски в тех местах, где тоска стала делом не то что обычным, а явлением самым необходимым и естественным. Комсомольцы, зэки и рабочие по оргнабору строили посёлок и комбинат при нём. Кто-то строил с энтузиазмом, кто-то – с грустью. Но, построив, затосковали все: а дальше-то что? «Воинство тоски ширококулой» – так назвал он своих.

Ну как «своих» – здешних. Он сам-то не сильно здешний, якутский. Кочевал с родителями по Северу, пожил в Красноярском крае, потом Тюрины осели в Лесогорске *«по ряду причин»* – в автобиографии так. Без подробностей.

Не совсем свой, не совсем здешний да и не совсем оседлый, Тюрин мучается. В силу ли некоего недуга, который развивался со временем, внося путаницу в его сознание, в силу ли того, что рос бродягой, знающим лишь свободную дорогу и радостное ожидание встреч, он чувствует себя в заточении. *«Но привыкаешь к захолустью»* – с этим признанием, сделанным в первой книге, он пришёл и к последней:

*Я брожу по квартире с грустью,
Телевизора не смотрю,
Да шатаюсь по захолустью
И неведомо что творю...*

В последнюю его книгу вошли в том числе и старые стихи Тюрина, много старых стихов, что свидетельствует: тему провинциальной тоски и скуки он не избыл до самой смерти. Однако же в самом начале понимал: тело – вот та провинция, в которой заперт он, дух.

Тюрин как-то печатался в журнале «Знамя», но кто бы в Лесогорске мог оценить это? Его тянуло в большие города, он мечтал о них – но что города, если они чужды ему, если они его не ждут? Природа, о которой он делал большие и точные замечания, которую взъерошивал или приглаживал в зависимости от настроения, не могла послужить лекарством – в стихах он возлагал на неё всё меньше надежд, описывая при этом всё тоньше. Безлюдность-многолюдность больших городов и безлюдность природы не давали ему читателя, по которому он страдал: *«Не воронья пугаюсь я, / А неппрочтенья, забытья...»*

Длинные гладкие пространства, в которых бы жил свет и в которых бы он рождался, – вот, пожалуй, где для Вячеслава Тюрина читатель. Та провинция, в которую был он заключён волей обстоятельств, превратилась в тюрьму, природа стала забором – *«забор тайги»* отгораживает его от мира, а мир – от него. Не выпускает и не выпускает. *«Тепла ему не хватает»*, – говорил о нём сочувственно Анатолий Кобенков, оценивший масштабы тюринского дарования. Но тепло в данном случае – частность, которая естественным образом вытекает из куда большей надобности – свободы простейшего вида: перемещаться, отвечать за себя, жить независимо. Если бы не болезнь, не инвалидность, он, возможно, и полюбил бы свою провинцию, как любят малую родину те, кого она отпустила. Возможно, она не стала бы для него гетто.

«Я живу в провинции. Чтобы вы знали примерно, о какой из разновидностей восточно-сибирских гетто идёт речь, скажу, что в райцентре никогда не было автовокзала, а об автобусном расписании имеют понятие только те, кто бывает за пределами района» – так в 1990 году он отвечает на один из вопросов анкеты журнала «Юность». Тогда ещё речь идёт о «совдепии», которую двадцатитрёхлетний Тюрин не принимал: *«Не пошла у меня советская диалектика перешагивания через головы...»*

В той же анкете *«на политические темы»* он затрагивает личное, к теме анкеты прямого отношения не имеющее: *«...прочитал кучу интересных книг, по-новому взглянул на классику, и теперь ближние находят, что я стал несносен, когда за ленчем соскальзываю с наезженной талонно-дефицитной темы на Достоевского, долго и сбивчиво говорю что-то о «шигалёвщине»...*

Понятное дело, они считают это занудством». Тюрин всецело опекаем был матерью, которую называл своим «первым цензором» и мнение которой очень ценил. Но общение в кругу семьи не могло вполне его удовлетворить. Да и соображения его, его поэтический пафос были куда крупнее того места, которое его засосало. «Хотя бы на время чуть-чуть осознать/свою принадлежность к месту/прописки...» – он мучительно пытался поставить себя на это место, исходя из реальных обстоятельств, приспособиться, стать «шрайбикусом с блокнотом в левом кармане». Но сияла в нём поэтическая реальность, усиленная любовью к миру как к Творению и к Творцу, его сотворившему, – как лучшему из поэтов.

Он вырвался в самом начале двухтысячных, получив волшебный, но лукавый подарок. Красноярская знакомая сообщила Тюрину об «Илья-премии», о литературной награде имени его однофамильца, утонувшего двумя годами раньше. Тюрин послал неаккуратную, но впечатляющую рукопись – и стал первым лауреатом. Вышла в Москве первая книга под названием «Всегда поблизости», составленная Мариной Кудимовой, наградившей Тюрин эпитетом «*последбродский поэт*», приписавшей лауреату интонацию Льва Толстого и восхитившейся длинами периодов в его стихотворениях.

Через два года, в 2003-м, Тюрин, с лёгкой руки Анатолия Кобенкова, попадает на фестиваль поэзии на Байкале. Кобенков говорит тогда о Тюрине: *«Я знаю, что в посёлок Лесогорск приезжают ребята, выдающие себя за поэтов, и... в местном клубе собираются люди, которые им аплодируют. И в это время там сидит Слава Тюрин, которого знают в Москве, ценят в Перми и Минске, остающийся на своей малой родине в полной безвестности».*

Стараниями Кобенкова Тюрин попадает на Высшие литературные курсы при Литературном институте им. Горького. Но не оканчивает их, так же, как раньше – педагогический, будучи отчислен «из педагогов» за прогулы. Частью большой литературной жизни стать он тоже не смог, хотя в том же году был принят в Союз российских писателей. В Иркутске его знали: за три года до московской книги он занял первое место на областной конференции «Молодость. Творчество. Современность», тогда ещё авторитетной: некогда в ней участвовали среди молодых Вампилов, Распугин и многие другие. Но отдалённость делала невозможным полноценное общение с иркутскими коллегами-писателями: и посеиас добраться в райцентр Чуна, а оттуда уже и в Лесогорск трудновато. Красноярск ближе, проще, но это другая административная единица – Красноярский край, там своих поэтов хватает. В Красноярск он какое-то время ездил на заработки. Кажется, пространство сужалось вокруг него, закрывало все двери, замыкало все замки.

Отчасти же дело затруднялось его неспособностью к быту. *«Он был как пятилетний ребёнок»*, – довелось услышать мне о Тюрине от его земляков. В обиходе не проявлял никаких признаков взрослости, лишь беспомощность. Мать была его проводником в мире быта, в том числе и литературного. Она старалась не упустить для сына ни одной важной возможности, хлопотала за него, отсылала стихи. Однако опыт её в этом был невелик и проявлялся порой в раздражающей чрезмерной настойчивости – так об этом вспоминают очевидцы.

Глубокий диссонанс между свободной сущностью поэта и накрепко приязанным к болезни, а значит, и к опекунам, и к месту человеком обострял и без того уже воспетую тоску. Тюрин злоупотреблял спиртным. Его терзала

общая неустроенность, его терзало отсутствие любви: в ворохе стихов, приготовленных для последней книги, много и красноречиво сказано об этом. Это стихи разных лет.

А вот это сказано прямо, прозой – в единственном прозаическом отрывке, увидевшем свет: *«Господи, подумал я сейчас, о чём я пишу, торча почти всё лето в комнате, потому что снаружи, видите ли, не с кем поговорить, а не то что встречу пережить или приключение какое. В конце концов, остаётся пейзаж с водонапорной башней и наполовину заглохшей лесопилкой, то есть немотивированная ходьба, с тенью в соглядателях, по окрестностям... И только страх окончательно превратиться в домашнее животное толкает меня на те «страшные вещи», которые тем и страшны, что практически не поддаются толкованию»*. Рассказ «Неотправленное письмо» написан по мотивам того самого знакомства с сотрудницей красноярской газеты, которой он, захавший в Красноярск на заработки, предложил свои стихи, а получил литературную судьбу.

«И я останусь вновь один / как некий местный лейтмотив» – Вячеслав Тюрин так и не принял своего места, не соответствовавшего силе его дарования, но с возрастом стал терпимей относиться к своему географическому положению, положившись на волю провидения. Он наблюдает и записывает переживания своей отдельности, мерит их множествами явлений, событий, людей. *«Удаляйте рифмохлам безо всякой жалости»*, – писал он мне, осознавая, что неровен в своём страстном труде, что эмоция способна унизить мысль, убить её строгую долгую музыку.

Он вырабатывает поэтический язык, способный описать неподвижность в подвижном мире. Плотный, концентрированный, ясный, как правило, он служит мысли, выраженной на одном дыхании. Чем длиннее стихотворение, тем яснее смысл и тем стабильней мелодия. *«Человеческая речь есть, прежде всего, сама зычность именованья, праздник мысли, поток, обретающий русло»* – вот что он имел в виду.

Впрочем, поэтическому языку подобной плотности не нужен конферанс, ему не нужна рука, которая приоткрывала бы занавес, обнажая сцену. Любые пояснения он отторгает самой своей структурой – как хирургическое и преждевременное вмешательство. Здесь язык проживает ситуацию, а не излагает её. И продукт этого переживания – автор, который материализуется в действительном мире только с помощью поэзии.

Здесь, по сути, почти ничего нет от Бродского, хоть на первый взгляд и похоже: длинноты, продолжительные описания, инверсии, сугубо реалистический взгляд. Но по существу – ничего, поскольку у автора есть своя задача: из человека-невидимки стать явным для нас. Бродский для Тюриня – ангельская фигура, возможный потусторонний собеседник, ушедшее близкое: *«Я вою, как гражданская война, / Весь волчьим одиночеством охвачен»* – это из давнишнего стихотворения, посвященного Бродскому, вслед которому молодой Тюрин адресует *«мысленное чувство двойника»*, адресует тему узнавания (*«Мне любопытно, что бы ты сказал, / услышав мой косноязычный оклик»*) и рассчитывает на ответ (*«...из ниоткуда стану ждать ответа»*).

Вячеславу Тюрину присуще катастрофическое отсутствие игры при обострённом желании быть видимым, замеченным – читай: любимым, принятым. Катастрофическое – поскольку даже и сам лирический герой опустил уже руки и без волнения, с отстранённым любопытством начинает в далёком двухтысячном:

*Интересно, колышет
ли кого-нибудь то,
чем здесь изредка дышит
как бы призрак в пальто?*

Стихотворение «Путевые записки», откуда приводится цитата, переключено в его последнюю книгу из первой. Он пытается пробиться через свою отдельность, как через шум – будто бы мир горланит и поэта не слышно:

*Иногда возникает желание
поразвлечь
публику разговорами, рваным
ритмом
улицы, возвращая слова в молву,
с чувством исполненного перед
нею долга,
дабы она узнала, чем я живу,
и наконец умолкла.*

(«На чёртовом колесе»)

Поэзия, стучающаяся в любую дверь, нуждающаяся в теплоте, – это сам человек, призрак в пальто. Среди богатых литературных россыпей сегодняшнего дня мало найдётся авторов, так безоглядно понадеявшихся на читательское расположение, так просто отдавших на растерзание времени, ибо сегодняшнее поэтическое слово всё ещё, в большей своей части, игра с огнём, игра с собой, игра по старым правилам, в которых учтено всё: и наивность давным-давно истлевших греков, и чудеса романтики, обрамлённые голубыми цветками, и фокусы постмодерна. Придётся даже бить себя по рукам, настолько по отношению к стихам Тюриня неуместно определение «лирический герой», формальная выдумка, не годная для поэзии вообще и для этой – в частности и особенно. Силу воображения давайте назовём лирическим героем – как действующее и побеждающее начало.

С этой силой, вооружённый ею, читатель для поэта – собеседник, но пока что молчаливый. Предполагается, что собеседник должен уловить авторский голос в шуме или тишине, предполагается, что, пока он не хочет этого сделать или же не может по объективным причинам, существует вероятность того, что их языки разнятся до степени взаимного непонимания. Автор на какое-то мгновение уверен в этом:

*Я вас люблю,
но не знаю, как вас за это
благодарить.
На одном языке, что ли,
с вами заговорить...*

И всё же старый как мир вопрос взаимного непонимания решается в его метафизическом смысле в начале этих строк: благодарность к слушающему за возможность испытывать любовь. В смысле бытовом он вряд ли вообще разрешим: именно «чёртovo колесо» жизни, в которой люди «заняты чем попало», но только не важными вопросами бытия, вынуждает поэта выходить к ним, просить или провозглашать, объясняться и ждать ответа.

В отличие от Бродского, Тюрин остался в своей ссылке, он замкнут навсегда. Почти каждое его стихотворение описывает плен. В этом смысле счастливой казалась Славе вода: «...как стиснута гранитом, но жива, бежит вода – сама себе граница». И этот плен, испытание тотальным одиночеством рождает поэта – как бы жестоко это ни звучало. А человека – губит, надо признать.

Пока была жива мать, он балансировал на своём канате. Его состояние было сумеречным, каким-то пульсирующим, он пребывал в своей реальности, очень ограниченной, в реальности-коробке. Но был всё же защищён. После её смерти (она ушла сразу вслед за мужем, который уже долгое время не вставал в постели) он перестал понимать, как ему быть: реальность теряла очертания. Он чувствовал себя, пожалуй, как бездомный, чью коробку подожгли.

Известие о Славиной смерти достигло Иркутска через полмесяца. Никто не сообщал: некому было сообщить, у него осталась только одна родственница – восьмидесятилетняя тётя, за которой, в силу её возраста, ухаживала подруга.

Из Иркутска ему летели мои письма (за год до смерти Слава завёл себе несколько электронных адресов), но ответов от него не было. На телефонные звонки он тоже не отвечал. Пришлось позвонить в местный отдел культуры, чтобы узнать, всё ли с ним в порядке. Добрые женщины, работницы культуры, незадолго до этого помогали мне доставить в Лесогорск часть тиража последней его книги «На чёртовом колесе». Они сказали просто: «Так он же умер». Как и любой поэт в любой провинции, он был для своих «неким местным лейтмотивом», чудачком со сложной судьбой – человеком, который отягощён талантом. Теперь он будет только поэтом, в Лесогорске и Чуне есть его книги. Вышло их три: «Всегда поблизости» открыла серию «Илья-премии»; «Розы в стране гипербол» появились в 2006 году в Иркутске; наконец, третья и последняя, «На чёртовом колесе», напечатана два года назад тоже в Иркутске.

В «Неотправленном письме» он обращает внимание адресата на чувство дома, которое вызывает у него проза Джеймса Джойса (вот уж действительно неожиданная аналогия): «Обстоятельность и полное безразличие к времени, ибо куда спешить, если странствие закончено. Подобный дискурс вызывает у меня чувство дома, столь редкое в наши дни. Циник ослабит-ся: ничего себе домишко – помесь мертвецкой с планетарием...» Странствие Вячеслава Тюринина закончено.

Рассказали, что последние месяцы наполнены были темнотой. Он перестал осознавать действительность, ушёл в долгий, глубокий запой. Квартира превратилась в пристанище «деклассированного элемента», для которого книги и рукописи были только ненужной бумагой – от поэтического архива, таким образом, мало что осталось.

Наконец, поддавшись в минуту прояснения уговорам тех, кто за него боролся, Слава решил согласиться на меру теоретически спасительную: «сдаться» в интернат для инвалидов. Перед тем следовало пролечиться, кажется, от пневмонии, его увезли в Тайшетскую больницу. Там он и скончался. Такова жизненная история. А вот история поэтическая не закончена вовсе, а, может статься, заходит на новый виток: прекрасная поэзия, сложная и утончённая, оценена и ещё будет оценена многократно. Надеюсь, что для этого будет лишним предмет и повод – книги.

**Вячеслав
ТЮРИН
(1967–2017)**

Вячеслав Тюрин

КАК ПТИЦА ПЕВЧАЯ БЕЗ ХОРА...

Колючки – собственность ежа.
Лесничим осени служба,
когда роскошны купы клёнов,
вдруг превращаясь из зелёных
в янтарно-бурый листопад,
и солнце клонится на запад
(овины возле щуплых хат), –
он понимает прелый запах
и, как награде, листьям рад.

О, златоглазая метель!
Уляжется, потом со взмахом,
сродни разорванным рубахам,
встаёт и пляшет с вертопрахом,
взбивая царскую постель!
Идёт босая диким шляхом
с хорунжим-ёрником и с ляхом,
уныло дующим в свирель.
И дарит туеса с брусничкой
от щедрости тысячеликой,
ещё воспетой не сполна,
хоть полною бывает только
над бахромой тайги луна,
недосягаемая полька.

Увидимся когда-нибудь
или срастёмся близнецами.
Не век же пить разлуки муть:
часами, днями, месяцами.
А что в плену, то плечи пленниц
ещё ласкаешь иногда.
Застряли в памяти года,
как стужа – в решете поленниц.
Цевница старая груба,
рождая хриплые подобья
любви, моя цевница вдовья,
минутной похоти раба.

Шарахнется тревога близ
облепленных кустами стёкол
или пичугой под карниз
забьётся, чтобы дальше токал,
блуждая комнатою, взгляд.
А комната ко мне привыкла,
кушая локти, ставя мат.
И долу голова поникла.

Долины сочных городов
ей грезятся, грозят и снятся.
Невмоготу, когда бордов
закат, уйти куда-то, сняться
с пустого места в дальний путь,
как будто лодку подтолкнуть,
колеблемую на приколе.
Так тело, пребывая в холе,
шершавинки, пыли дорог
и беспокойства не приемлет.
И лишь душа хмельная внемлет
Тому, Кто ей отмерил срок.
И рвётся к осени простора,
как птица певчая без хора.

Равновесие комнат, похожих на сон дурной,
нарушает судьба человека, точнее сказать, ходьба
покачивающегося маятника длиной
без пяти вершков три аршина, чья худоба
соответствует обстановке, сводя к нулю
шансы выбиться к людям, сказать им: «Я вас люблю,
но не знаю, как вас за это благодарить.
На одном языке, что ли, с вами заговорить,
будто не было вавилонского колдовства,
перепутавшего слова».

Позабыть отражение в зеркале, завести
пучеглазую погремушку на без пяти.

Насидевшись у телевизора, лягу на
полосатый матрац. И чтобы вы за луна
не держали меня, то вот вам моя рука
сухопутного моряка.

Глина башни забыла слепок творящих рук,
и в бойницах застыл испуг
перед медленным наступлением темноты
на дворы с блуждающим эхом, когда менты
патрулируют изгороди трущоб,
обрубая хвосты шелудивым псам.

Я советую брать темноту в расчёт
полуночникам, ибо сам
раньше плавал от фонаря к фонарю,
а теперь синим пламенем исповеди горю.

НА ЧЁРТОВОМ КОЛЕСЕ

Я снова катаюсь один на чёртовом колесе.
Временами хожу в кино. Сам создаю химеры.
И сам их уничтожаю. Хотя далеко не все.
Видимо, чувство меры

живёт во мне, словно спрятанный стоп-сигнал,
по утрам запрещающая кричать от восторга, а вечерами –
бесноваться на дискотеках и так далее, чтобы знал
своё место, как фотография в пыльной раме.

Не высовывался. К чему нарушать покой
объективной реальности, данной тебе в нагрузку,
как общественная работа, без которой ты кто такой,
долбит дятел о ствол долотом, не даёт дровоточцам спуску.

Из берлоги, ломая хворост, идёт медведь
и ворчит, узнавая дебри, в которых вырос.
Вот и самое время взгляды пересмотреть,
обновить гардероб, удалить из программы вирус.

Люди заняты чем попало не покладая рук.
Гибель цивилизации – сказано слишком громко.
Плодиться да размножаться – такие дела, мой друг.
Исполним завет, пока существуем. Кромка

окоёма бледна, как чахоточная жена.
Щетина стерни, где недавно стояла озимь.
Небо сквозь ветви. Роща обнажена.
А мы ещё помним, как полыхала осень,

сбрасывая на землю цифры календаря
с выкройками для жён, листающих гороскопы
мужей, в надежде найти свой ритм благодаря
мерцанию тусклой скобы

с юга на север, с запада на восток,
над кровлями города, что раздаётся с каждым
месяцем или младенцем вширь или ввысь – итог
трудолюбивости граждан.

Наблюдатели сообщают о начале весны. Грачи
на местах – колупаются клювами в огороде,
находя себе там естественные харчи.
Червяка, например. Или что-нибудь в этом роде.

Человек, оставляя комнату, книги, пыль,
недотрогу в трюме, стремится наружу, дабы
отряхнуть наваждение. Так иногда бобыль
вспоминает о существованье бабы.

Потому что мясная лавка, пивной ларёк,
отделение связи, местные пешеходы –
в свете солнца и в силу факта, что рай далёк –
означают одно и то же лицо погоды.

Вот и жмуришься, будто сам себе на уме,
достаёшь из кармана мятую сигарету,
понимая, что наступает конец зиме:
чёрно-белому сброду веток и снега, бреду

серых валенок, ожиданию тёплых дней.
Оттого-то в руках у дворника нынче заступ.
И случайный взгляд из толпы родней,
чем мерцание свеч в церквах или сыпь глазастых

звёзд бессонницы. После ветра свободы вряд
ли захочешь глотать, как рыба с крючка – наживку,
тлен убежища. Вещи, собственно, говорят
то же самое, человека сводя к обрывку

терпеливой бумаги. С бледного потолка
смотрит лампочка полумесяцем из вольфрама.
Паутина есть выражение паука,
как поэта, когда нельзя выразиться прямо.

Возглас в горах, эти мысли, соитие, зеркала
суть умноженье действительности.

По крайней мере, на два.
Наставница (в смысле – рогов) обыкновенно кляла
меня за каждую двойку по физике. Моя клятва

запоздала, звуча скорее как трын-трава.
Зайцы косят такую траву натошак, с похмелья.
По весне ж она лезет из дёрна, сознавая свои права,
словно каторжник с его песнью из подземелья.

Песня, как смысл жизни, делает речь
членораздельной, а голос – немного хриплым.
Иногда возникает желание поразвлечь
публику разговорами, рваным ритмом

улицы, возвращая слова в молву,
с чувством исполненного перед нею долга,
дабы она узнала, чем я живу,
и наконец умолкла.

Когда жизнь, как свобода затворника, начинается поутру с одинокой прогулки в аллеях облетевшего за ночь парка, мне практически всё равно, что когда-нибудь я помру, перестану существовать и мне будет уже ни жарко, ни холодно в качестве голого зренья, летящего сквозь серебристую даль сентября, – наподобие той паутинки, что скользит над сельским погостом, понадеявшись на авось, пока не исчезнет из вида, как мелодия в центре пластинки.

КЛЯТВА

Пока дышу, пока живу,
не перестану петь листву
дерев осенних; и в бреду
я снова к листьям перейду.
Когда их отряхает лес
и голубеет даль небес,
я к листопаду обращаюсь,
со днями летними прощусь
без сожаления, зане
в моей страдающей стране
как украшение земли
лежит, пока не замели,
неописуемо листва.
Таков порядок естества.
И только человек с метлой
в руках ей говорит «долой».

Стать бы снова, как в детстве, крылатым
и летать наяву и во сне
за Шагалом, слегка угловатым
в голубеющей крутизне.

Но подрезаны мои крылья:
я не ангел – который год
на меня нападает бессилье,
и царапает дверь мою кот –

чёрный кот, он желает улечься
мне на ноги и сладко вздремнуть.
У меня же – в душе увечье,
а на сердце – далёкий путь.

Я брожу по квартире с грустью,
телевизора не смотрю
да шатаюсь по захолустью
и неведомо что творю.

Мне мерещится город чудный,
и каналы его, и мосты.
Я не взрослый, а просто трудный
и с судьбой перешёл на «ты».

Я брёл в толпе, не разбирая
стези, куда глаза вели.
Как ангел, изгнанный из рая,
дабы узнать пути земли.
Вдруг ветка мёртвая за ворот
упала, шею щекоча.
Передо мною снова город,
и на решётке два грача,
картавя, спорят о погоде.
Листва рубцуется листвой,
и брошен вызов всякой моде,
заляпав камни мостовой.
И дивно мне смотреть на пламя,
искать тебя в толпе зевак,
любовь моя, пугливей лани,
скажи хоть слово, дай мне знак.

Я. УДИН

ТУФЛИ С ПЕВУЧИМ СКРИПОМ

ОРЕХОВАЯ ПЫЛЬЦА

ЗАТРАВКИ

Я каждую ночь готов умереть в скорлупе своей подлинности. А утром мнимая жажда жизни подхватывает меня и уводит в неизбежную сумятицу повседневности. Но мою изболешуюся природу трудно обмануть, чем бы ни занимался, как бы ни наполнялся живительным соком бытия мой день, каждую минуту помню, что очень скоро вернусь к своей мучительной ночной подлинности...

В глубине своей самости я гораздо чище и целомудреннее, чем во внешнем существовании. Хотя моя подлинность состоит как из глубинной сущности, так и из поверхностных наносов. Но они так не похожи – эти две составляющие моей личности, что если они где-нибудь встретились, то не узнали и не признали бы друг друга...

Всякий писатель, в сущности, страшно одинокий человек, который изо дня в день только тем и занят, что преодолевает трудный путь к самому себе подлинному...

Мне снился ласковый весенний день. Дом с просторной верандой. За домом журчит-лопочет шустрый ручеёк. На одной матице веранды торчит чёрный железный крюк от подвесной деревянной маслобойки. Рядом на той же матице наклеплено гнездо ласточки с пятью вечно орущими птенцами. Вдоль стены веранды стоит железная кровать с голой панцирной сеткой и никелированными изящными спинками. Бабушка открыла заслонку жестяной печки и железными щипцами выбирает угольки для самовара. Вскоре в самоваре нарастает урчание. Бабушка с тяжким вздохом садится на табуретку возле печки и просит меня вдеть нитку в игольное ушко. Тем временем по двору весело носится

-
- Я. Удин (Яшá Геранович Манджиян) родился в 1951 году в селе Нидж Азербайджанской ССР. По национальности удин. Учился в Саратовском государственном университете. Автор четырёх книг прозы, изданных в Москве и Саратове, публикаций в журналах «Волга», «Подъём», «Волга–ХХI век», «Сура», «Литературный Саратов», «Аргатак», «Великороссъ», в альманахах «Волжские зори», «Истоки», «Саратов литературный», «Московский Парнас», «Стрежень», «Впечатления» и других периодических изданиях. Член Союза писателей СССР и Союза писателей России.

молочный телёночек, взбрыкивая от весенней радости. Он добегает до ядовито-зелёных зарослей бузины в дальнем конце двора, ненадолго замирает там, словно задумавшись о чём-то, после ошалело срывается обратно к веранде...

Моя бабушка, когда бывала недовольна мною, моим поведением, говорила мне:

– Сукин сын, я только на кино давала тебе столько денег, что запросто могла бы купить буйволицу.

Буйволица была мерилом небывалой роскоши для бабушки...

Детьми мы собирали ежевику и сдавали на фруктово-овощной консервный завод. За десять кило ягод выручали всего три рубля. Но за эти три рублика можно было тридцать раз сходить в кино на дневные сеансы или пятнадцать раз на вечерние. Или же приобрести целую стопку книжек. Вообще много чего можно было купить всего за три рубля...

В нашем селе за час-полтора до начала вечернего киносеанса из громкоговорителя, установленного высоко над крыльцом клуба, начинала звучать громкая музыка, зазывая сельчан в кино.

Метрах в десяти от крыльца клуба была дощатая будка с дизелем. Когда в селе отключался свет, что случалось довольно часто по весне или осени, запускали дизель и показывали кино.

Кстати, на фруктово-овощном заводе тоже имелся дизель, но уже более мощный, и оттуда при необходимости электричество подавалось кроме самого завода ещё и в ближайшие дома.

Но всё это давно исчезло, нет ни кино в клубе, ни громкоговорителя, ни завода, ни дизелей. Не стало вообще всей той жизни.

Нет лезгина Абдыкэдира, к примеру, льстиво-учтливового человека, который был – как называют русские – коробейником. Привозил всякие иголки, нитки, булавки, напёрстки, пуговицы, вязальные спицы и прочие нужные в сельском обиходе мелочи. Его появления у бабушки я почему-то запомнил как яркое впечатление моего детства.

Также помню и лудильщиков, ходивших по домам, и точильщиков, помню кузнечные меха под навесом пред дизельной мельницей, как и водяную мельницу в нижней части села, куда я почему-то никогда не заходил, хотя частенько проходил мимо, отправляясь в гости к тётке Женик. Чуть дальше этой мельницы, на вершине просторного холма, вокруг жутких развалин древнего храма покоилось наше удинское старое кладбище, которое, кстати говоря, тоже почему-то я ни разу не посетил, о чём теперь безмерно жалею...

Я любил гостить у тётки Женик. У неё была хорошая многодетная семья. Муж у неё был славный человек, мастеровой по дереву, плотник и столяр. В селе в каждом многодетном доме стоял свой жилой запах. В одном доме вечно пахло сохнувшими пелёнками. Я знал даже многодетный дом, в котором был неистребим застоялый запах мочи – дети мужского пола каждую ночь ходили под себя.

А вот дом тётки Женик весь пропах грушами. Крупные зимние груши сорта «наранбуды», налитые холодной сочно-хрусткой белой мякотью, одна к одной томилась на чердаке. Да и прозвище у хозяина дома, у мужа моей тётки, было безобидное и вкусное: Грушаед...

Раскидистое дерево грецкого ореха на нашем воскресном базаре. Широкая густая тень от этого единственного дерева на просторной площади. У

самого комля дерева – совсем малого росточка мужичок с весёлыми шуточками-прибаутками вёл торговлю очень светлым акациевым прозрачным мёдом. А моя мать вынесла на базар два жёлтых кругляша коровьего масла – по фунту каждый кругляш. Почему-то только домашнее маслице в те годы отвешивалось в фунтах, по-удински – гирвенкэ. Всё остальное покупалось и продавалось в граммах и килограммах или же мерами, мерными вёдрами, к примеру. Мать продала масло, совершила какие-то самые необходимые покупки, но сэкономила денежки и купила нам, детям, шекинскую халву-межбэи, сладкую-пресладкую рисовую медоточивую халву...

Я пошёл в первый класс, и моя первая учительница, приезжая красавица Сталина Антоновна с первого дня мне не понравилась. То ли не понравилась потому, что она говорила по-русски, а я не знал пока ни одного русского слова, то ли была слишком такая приглядная, беловолосая и, как сейчас понимаю, модно одетая, совсем не похожая на наших сельских девушек и женщин, но я невзлюбил её и перестал ходить в школу.

Утром меня одевали, кормили завтраком и отправляли в школу. Я доходил до дальнего конца нашего огорода, взбирался на старую ольху, обвитую виноградной лозой сорта кишмиш. Целых две недели, наверное, отсиживался на этой ольхе, лакомясь виноградом. А когда соседские дети возвращались из школы, я слезил с дерева и как заправский школьник шёл домой. Кишмиш был настолько сладким, что кожа на моих щеках и руках от высыхающего сока покрывалась сахаристой корочкой и неприятно стягивалась. Да и дома могли увидеть мои безобразно измаранные белёдые руки и физиономию, потому, перед тем как подняться на веранду, я подбегал к рукомоёйнику рядом с крыльцом, отмывался как следует.

– Как ребёнку школа пошла на пользу, – нахваливала меня бабушка. – Раньше силой не могли заставить умыться, сейчас сам без подсказки первым делом к умывальнику бежит...

Но как-то на воскресном базаре бабушка встретила директора школы и с удивлением узнала, что после первых двух-трёх дней я больше в школе не показывался. Разразился шумный семейный скандал. Как только не ругали меня, убеждая вернуться в школу, как только не доказывали, что вырасту неучем, и тогда мне останется один лишь путь в жизни – идти в пастухи. Но я был неумолим: больше не пойду в школу, и всё тебе. Меня даже хлестали по щекам, моя мать бегала за мной с гибким ореховым прутом в руке, желая исполосовать мою спину, но я с диким верещанием убежал от неё и весь день пропадал в лесу или на полях. Только вечером возвращался домой.

Однако скоро смирились с моим упрямством и решили следующей осенью вместе с сестрой отправить меня опять в первый класс. Так и случилось: на другой год с сестрой определили нас к другой учительнице, и я уже с радостью ходил в школу.

Учился я с сестрой легко и славно. Все десять лет сидел с ней за одной партой. В старших классах даже ранец не носил. Тетрадки свои совал в её портфель. Устные предметы дома сестра читала вслух, наизусть заучивая, и я всё запоминал с её голоса. Случалось, списывал и письменные. Такое вот шалопутное иждивенчество...

Мой дядя вернулся из армии и подарил мне свой солдатский ремень. Я целыми днями счастливо носился с этим ремнём, даже спать ложился, зажав ремень между ног, будто кто мог отнять его у меня. Играя во дворе, как-то со всей силы размахнулся и зашвырнул ремень на самую верхушку алы-

чового деревца. Обрато ремень падал, плавно скользя с ветки на ветку, точно змея юркая. Но за одну из нижних веток зацепился бляхой и застрял намертво. Не срывался, что я ни делал: кидал в него камнями, палками, взобрался на деревце и отчаянно тряс ту самую ветку. Всё безуспешно.

Ремень висел не очень высоко. Я подтащил к алыче табурет, водрузился на него и, став на цыпочки, начал тянуться рукой к злополучному ремню. В этот момент внезапно раздался ружейный выстрел – ба-бах! – табурет под моими ногами сыграл, и я сверзился с него, больно ударившись коленом. Пока я понял, что стрелял наш сосед дядь Ягор, один за другим громыхнули ещё два выстрела. И во дворе дядь Ягора поднялся весёлый переполох.

– Райдон (радио), райдон ай да райдон! – во весь голос шумел дядь Ягор.

Его девочки тоже что-то радостное кричали и суматошно визжали.

У дядь Ягора было пятеро детей-погодков, и все сплошь девочки. Но он хотел сына, и жена часто рожала. В доме его постоянно пахло младенцем. Жена опять ходила на сносях, и он теперь с дурашливым восторгом заорал:

– Родится сын, клянусь этим светлым днём, Гагарином назову! Эй, люди, Гагарин его зовут! Гагарин! Юрий Гагарин!..

Я ничего не понимал, валялся себе на земле, схватившись за колено. Нога страшно болела и прямо на глазах распухала.

А день стоял и вправду светлый и самый чудесный из всех – 12 апреля 1961 года...

Скоро у дядь Ягора родился-таки долгожданный сын – и он назвал его Гагарином.

Идёт чемпионат мира по футболу, и, когда пред каждым матчем звучат гимны стран-участниц, на мои глаза наворачиваются слёзы. Ну там наш гимн – понятно, гимн моего отечества. Ну, а слёзы от всех гимнов без разбора – что-то такое ненормальное.

К слову сказать, я смотрю чемпионаты мира по футболу с 1966 года, когда мне было пятнадцать лет. Мать моя не хотела, чтобы её дети, росшие без отца, в частности я, её первенец, уже тогда страстно любивший футбол, чувствовали себя обойдёнными, и потому продала яловую корову, продала урожай орехов и купила нам телевизор «Рекорд 12» с чудовищно тарактящим стабилизатором под столом...

Весёлая и находчивая одинокая санитарка Дюр всю жизнь проработала в сельской больнице. У неё была одна слабость: к каждому новому главврачу прямо по-матерински привязывалась, ходила к нему домой мыть полы или делать прочую какую работёнку по хозяйству. Когда её спрашивали:

– Чего ж ты так быстро забыла старого своего начальника?

С улыбочивым задором отвечала:

– А я как алюминий, куда жизнь гнёт, туда легко и гнусь...

В родном селе я никогда не ночевал в чужом доме. Да и в городе за сорок лет, как правило, всегда спать возвращался домой. Редкие исключения – ночи с любимыми женщинами, но в такие ночи я ведь совсем не спал...

В детстве и юности, чтобы быть остроумным, утончённым, красноречивым, мне всегда нужна была публика. Без публики я обычно бывал замкнут и скучен. Стало быть, по врождённой внутренней своей сути я артист. Хотя театр как таковой терпеть не могу...

Теперь же могу признаться: сегодня я уже не нуждаюсь в одобрениях и рукоплесканиях. В этом нуждается моё окружение – это им, равно как

любящим меня, так и ненавидящим, необходимо, чтобы меня одобряли и мне рукоплескали: одним в усладу, другим в досаду.

Брату прощал и могу простить многое. Но то, что он потерял, а, как теперь понимаю, попросту бросил за ненадобностью в одной из южных областей мои письма, мои публикации, весь мой архив – это, видимо, уже край – далее нечего от него ждать. Формально ведь он человек с высшим образованием и какие-то элементарные вещи вроде должен понимать.

Теперь со всей определённой ставлю перед ним такое требование: как возлюбленные, разлюбив, расставаясь, возвращают письма, так и мне сейчас хочется, чтобы он вернул мне мои письма и мой архив. А как это он сделает – это его головная боль, иначе больше никогда между нами ничего не будет. Да и не было никогда, если по чести, с его стороны ничего путного: всего лишь он надеялся использовать в своих корыстных целях моё предполагаемое писательское имя – и то не удалось. У него всегда чисто утилитарное отношение к людям – к друзьям и близким: коль от человека нет реальной пользы, он теряет всякий интерес к нему.

Он всю свою жизнь предавал, может, сам того не сознавая, что сомнительно, конечно, всё своё семейное, фамильное, родовое, норовя жить в мире и согласии с женой и её роднёй, но из этого ничего не вышло – это давно ясно, и даже изначально было понятно, что не могло ничего путного выйти, поскольку жена его и мыслями, и чувствами, и всеми устремлениями непреклонно стояла на стороне своих братьев и сестёр, отца и матери.

Но вся беда в том, что мой брат тоже стремился, всячески стремился быть с ними заодно, они родовитее, именитее, богаче, но они не приняли, отвергли его, что обернулось для него истинным несчастьем. Как следствие из всего этого – вечное его недовольство, семейные ссоры, скандалы, и его дети – теперь он это понимает – никогда не станут ни любить, ни уважать его, не говоря уж о других из его родни, впрочем, они уже наплевательски относятся ко всем, кроме своей матери, жёстко и категорически отделяя её, мать свою, от всех остальных.

Со мной никому не повезло: ни жене, ни ребёнку, ни моей матери, ни брату, ни сёстрам, ни друзьям. Всех разочаровал.

Вот какой никчёмный человек.

Вообще для родни я гораздо удобней был бы мёртвым. Жена моя с затаённым облегчением избавилась бы от вечной моей хандры и раздражительности. Сёстры живут своими нескончаемыми семейными заботами, погоревав в лучшем случае с месяц-другой, благополучно забыли бы меня. Брат мой постарался бы выжать из моей смерти все возможные душевные и психологические выгоды – с помощью ложной скорби списал многие свои житейские невзгоды. Истинной трагедией моё исчезновение стало бы разве что для дочери, хотя в этом тоже я не очень уверен.

Понимаю, что страшные, жестокие вещи записываю, но они страшны и жестоки для тех, о ком записываю, у меня же давно нет иллюзий. Да и о простом удобстве ведь речь, а не о чёрствости близких мне людей или о чём-то ещё.

Долгие годы бессонными ночами я погибал на своей кухоньке от страшного одиночества.

Кто об этом знал?

Да никто, пожалуй. Жена и дочь жили своими проблемами. Им было невдомёк, что со мной происходит.

А больше у меня и нет никого.

По-настоящему меня всегда любили и любят только малые дети и домашние животные, кошки и собаки...

Я без слов сказал ей, этой едва знакомой женщине, что у меня никого нет на всём белом свете, я одинок.

Совсем-совсем? – молча, без слов, одним только взглядом спросила она.

Совсем, – взглядом же ответил я и позорно прослезился, подумав, что у меня есть мать, у меня есть жена и ребёнок, у меня есть брат, сёстры, множество всякой прочей родни, но я – одинок! страшно одинок! – и ничего с этим поделать нельзя...

Тихо заплакала как о своей личной беде и эта едва знакомая женщина...

Одиночество и депрессия – это глубокий, бездонный колодец, тёмный, мрачный, сырой, осклизлый, неодолимый.

И ты на самом дне того колодца – попробуй выберись!

А ведь не раз каким-то образом выкарабкивался из этой жуткой глубины. Вот что удивительно.

Мои соседи по родному селу, братья С. и Б., несколько лет кряду после школы не видели меня. Ну, может, лет восемь или десять, не более того, и не узнали при встрече. С. подошёл и, видя, что я говорю по-удински, растерянно захлопал глазами, я с улыбкой спросил его: «Угадай, кто я?» – но он пожал плечами, сдаваясь, мол, не в силах признать. Б. же вовсе поздоровался со мной по-азербайджански, уверенный, что я чужак, что в первый раз видит меня. А ведь мы выросли считай что в одном дворе, целыми днями пропадали вместе.

А вот жена моего дяди, простая заводская баба, всего однажды видела меня малым ребёнком, а во второй раз встретила тридцатилетним мужиком – и тотчас признала. Или моя трёхлетняя дочь, когда мне было под сорок, разглядывая старые мои фотографии, узнавала меня на моих школьных карточках среди всего класса, узнавала прямо на всех карточках, ни разу не спутала.

Я хотел бы быть своим отцом, чтобы почувствовать, как тяжело моему сыну, и как-то постараться помочь ему...

Я хотел бы быть своей дочерью, чтобы почувствовать, как тяжело моему отцу, и как-то постараться помочь ему...

Но я не хотел бы быть своей матерью, настолько ей было тяжелее, чем мне теперь, на протяжении всей жизни...

Умерла моя мама. На похоронах я почти не плакал. Разве совсем чуть-чуть тихими и тайными слезами. А теперь каждую ночь сижу в темноте на кухне и сотрясаюсь от рыданий.

Кусочек тоста:

– ...А что тут особо комментировать: я и моя мама. Лучше, чем моя мама, я не знал в жизни людей. Пройдут сто или двести лет, я всё равно буду сыном своей матери. Кстати, ребята, в эти столетия, как ни странно, при всей моей бедности, я хочу сохранить себя и свою мать. Вот к чему

я стремлюсь в своём писании. Нужно, ребята – я это для удинов говорю – любить своих матерей, своих отцов, свои могилы и, пожалуй, свои застолья, которые изрядно осиротели без ушедших от нас близких людей...

То ли во сне, то ли наяву отец просил меня забрать его из лечебницы. Как всегда, он не узнавал меня, не знал, что я его сын, но видел и понимал, что я близкий ему человек, – и умолял меня забрать его домой. Но я не мог этого сделать, живя не дома и не на родине, и до сих пор не в силах простить себе, что обманул отца, обещал, что поговорю с врачом и заберу его, и обманул...

Я не помню ни одной отцовской ласки. Без сомнения, в раннем детстве отец и любил, и ласкал меня, первенца своего, но я вот не запомнил ни одного случая.

На моей малой родине летом вся жизнь проходила во дворе, за столом под яблоней или грушей, под навесом летней кухни, либо на открытой веранде. В дом почти не заходили, ночевали также под навесом летней кухни или на веранде. Только древние старухи и самые малые дети спали в доме...

В моём компьютере собраны групповые фотографии ветеранов войны из моего села. Все они сделаны в День Победы в 60–70–80-е годы прошлого века. Я часто рассматриваю эти чёрно-белые снимки и с удивлением вижу, что лица этих людей совершенно другие, совсем далёкие от лиц людей нынешнего моего окружения...

В нашем селе жили десятки ветеранов войны, но лично я никогда не слышал, чтобы кто-то из них рассказывал о фронте. В детские мои годы я даже легкомысленно сомневался, что они и в самом деле воевали...

Зато хорошо помню, с какой истовой радостью танцевали на праздниках эти чудом выжившие на той страшной бойне мужики. Казалось, они знали о жизни нечто такое, чего другие сельчане, не бывшие на войне по возрасту или по другой какой причине, не могли знать, и вот бесновались от счастья...

День добрый, Митя! Просмотрел твои фото в «Одноклассниках», и многое меня порадовало. Особенно фотографии с братом Ванюшем. Я его последний раз видел, когда он ещё учился в институте, а мы с тобой, наверное, в классе восьмом. Так вот, Митя, тут какая штука: я давненько хочу написать махонький рассказик о нашем удинском парне, благополучно прошедшем фронтовые дороги и вернувшемся домой. Размышляя о нём, я почему-то чаще всего вспоминал твоего отца, и сюжет соответствующий вытекал, как отец твой, вернувшись с войны, женился и народил кучу детей и всех назвал именами своих фронтовых друзей-товарищей. У тебя же я хочу узнать имена твоих братьев и сестёр, начиная с Ванюша и последовательно. Сам я, как ты можешь догадаться, имена не всех помню. Отпиши мне, если нетрудно, да и об отце можешь что желаешь добавить, что помнишь из его рассказов, вообще что хочешь о нём, об отце. Конечно, я могу и сочинить, но зачем, если был живой пример, это и для вас, для его детей и внуков, будет приятно, и для всего нашего села интересно. Мне так кажется...

Добрый вечер, старина! Сел писать тебе краткое письмо, как получится, посмотрим. В общем, отец вернулся с войны раненый, инвалидом, он про войну много рассказывал, как в окопах сутками сидели, мёрзли, голо-

дали, дожидаясь наступления. Пришёл с войны в пустой дом, его родители померли, младшие братья были в детдоме, и вот первым делом он братёв забрал домой, а жили после войны, как и все, в нищете. Первый раз отец был женат на армянке из Нагорного Карабаха, но она поехала погостить к родителям и больше не вернулась. Второй раз женился на чистокровной удинке, из Мэликли, девичья фамилия Аветисова; Бомба-Жора, Бебе-Лазыр – это мои дяди, братья моей матери. Маму мою звали Лусик, она умерла рано по болезни, в 1970 году. Старший брат Юра родился инвалидом, т. к. после войны в селе не было врачей, роддома с акушеркой – тем более роды принимал отец сам и повредил ребёнка, и всегда жалел, что по его вине ребёнок остался инвалидом. Юра много лет работал в селе сапожником, ты его должен помнить. Второй брат, Ванюш, сейчас живёт в Италии, ты это по нашим совместным фотографиям понял, дальше идут Сержик, сестра Зима – не Зина, именно Зима (отец назвал её в честь фронтовой русской зимы), далее Эдик, потом только я и младшая сестра Ира – все живы и здоровы, слава Богу. Кроме отца, конечно, отец давно умер. Ну, вот и всё, вроде, получилось письмо...

Удины уже весной засматриваются на ореховые (фундуковые) кусты, гадая, много ли серёжек в этом году, какой можно ожидать урожай. Через малое время начинает густо веять в воздухе бледно-жёлтая ореховая пыльца – и это тоже знак хорошего урожая.

Помню так же тихо шелестящий дождь в осеннем саду в середине сентября, в самую ореховую страду. В эту пору часто шли дожди, и орехи собирали, обуваясь в чёрные гляцевые калоши на босу ногу и накинув на голову мучной мешок на манер капюшона. Вскоре мешок набухал влагой, тяжелел и смрадно разил перебродившей опарой...

Моё внимание привлёк старик в строгом чёрном костюме с белой рубашкой, с гордо вскинутой курчаво-седой головой, степенно шедший по городскому тротуару, слегка опираясь на изящную трость орехового цвета. Иногда он останавливался и стоял себе, чему-то счастливо улыбаясь, потом вполне укладней походкой продолжал свой путь...

Глядя на него, я вспомнил другого старика из моего села. Утративший чуть ли не все жизненные силы, весь поникший в немощи, как бы доживающий последние свои дни, этот старик уже несколько лет целыми днями мрачно молчал, сидя за столом и отрешённо перебирая в руках ореховые чётки, ни с кем из большой семьи не разговаривал, только изредка тяжело вздыхал и проводил очень исхудалой, бледной, почти прозрачной ладонью по впалым щекам, обросшим сивой шерстью...

Ещё один рослый, статный старик недавно сидел передо мной и лукаво улыбался, думая над моим глупым вопросом: что, мол, такое старость?..

– Знаешь, что тебе скажу, друг, – наконец сказал он, – начало старости – это когда не можешь нагнуться и подстричь ногти на своих ногах. Мочи уже недостаёт, но сказать домашним пока тоже не можешь: гордость держит тебя в своих ложных объятиях...

Дядя В. был колхозным бригадиром. Малограмотным мужиком. Но придавал очень большое значение умению красиво писать. Нередко даже о знаниях, о достоинстве человека судил по почерку. Сам тоже старался, как только мог. Так медленно, с таким усердием, с таким напряжением физических и душевных сил выводил, выписывал, вырисовывал каждую букву,

что даже у постороннего наблюдателя лоб покрывался испариной. А о нём самом и говорить нечего. Если ему приходилось писать одну страничку текста, то к последней строчке он непременно бывал в мыле. И всё сетовал, что в комнате жарко, что натопили чёрт-те как, и велел жене отворять окна.

Это же целое событие, как он в конце месяца садился выписывать наряды. Долгие часы, дни просиживал в отдельной комнате. Бывало, зайдёшь к ним во двор и по тому, какая необычайная тишина стоит кругом, догадаешься: дядя В. над нарядами колдует. Жена его чуть ли не на цыпочках ходит, тенью скользит по веранде, боится громыхнуть ведром, посудой ли. Дети бесшумно играют в дальнем конце двора. Казалось, даже куры понимали, что хозяин умственным трудом занят, – не кудахтали.

– Наряды пишет? – скрывая глупую усмешку, спросишь у его жены.

Приложив палец к губам, она молча кивнёт. И ты невольно подчинишься ей, стыдливо притихнешь и, чутко ступая по лестнице, поднимешься наверх, движимый любопытством поближе посмотреть на это таинство, на это священнодействие дяди В. – составление нарядов.

Заглянешь в комнату: сидит, низко склонив над столом голову и вытянув и без того длинную шею. Ты поздороваешься, а он не услышит или делает вид, что не услышал. Ты повторишь своё приветствие, и он вздрогнет, вскинет красное, распаренное лицо и, засияв добрейшей улыбкой, отложит ручку, отодвинет бумаги. И пригласит тебя к столу.

Ты подойдёшь, осторожно сядешь, и вы о чём-нибудь поговорите. О пользе образования, например, об институтах, в которых дяде В. не довелось учиться, и он всячески в детские мои годы наставлял и меня, и своих детей, чтобы мы прилежно учились, стали просвещёнными людьми, жили в больших городах. Дядя В. с уважением относился к культурным людям, к знаниям, к книгам, хотя он их никогда не читал – и это мне до сих пор непонятно: как можно почтительно говорить о книге, о пользе чтения, не зная её, книгу.

Раннее летнее утро. Ещё закрыты магазины, парикмахерские, всякие мастерские, на всех дверях висят увесистые, по-сельски основательные замки. Только чайханщик давно открыл своё заведение, огромные самовары залил водой, топки засыпал древесным углём, поджёт, и скоро один за другим самовары запели свои монотонные песни.

А чайханщик тем временем подмёл площадку под молодыми топольками перед чайханой, побрызгал-освежил землю из шланга, вынес из помещения и расставил столы и стулья. И сел передохнуть, довольный тихим летним утром, и проделанной работой, и тем, что он – чайханщик и что обходится без помощника – сыновья подсобляют.

– Ну что у тебя там, скоро ль? – спросил ночной сторож, выйдя из своей будки и шумно зевая. – А то в горле пересохло.

– Тебя что, дома чаем, что ли, не поят? – усмехнулся чайханщик. – Тебе же домой сейчас.

– Поить-то поят, конечно, если заслужил.

И оба замолчали, думая каждый о своём.

Сторожу в общем-то домой не хотелось. Вчера жена отведала у него трёпку, и встреча с ней ничего приятного не сулила. А всё из-за пустяка вышло. С соседом облегчали поросят, оглашавших округу истошным, пронзительным визгом. Холостили, значит, кабанчиков, посыпая раны пеплом, чтобы заражения крови не было, и, когда закончили, поджарили эти самые поросычи самости, сели обедать. Жена стирала невдалеке, он велел ей принести из подвала водки. Она отмахнулась: сходи, мол, сам. Он прикрикнул на неё,

и вдруг она разразилась такой отборной бранью, что он подскочил, замахнулся кулаком. Она неожиданно ответила мокрым бельём по физиономии, и он взъярился, сшиб жену с ног, и она завизжала, что тебе давешние поросята, и им с соседом ничего не оставалось, как податься со двора...

Тем временем в чайхану понемногу набирается народ. Люди всё праздные, каких множество в селе, с утра пораньше управились по хозяйству и вышли в центр послушать, кто о чём говорит, поделиться своими соображениями о погоде, об урожаях в садах, о политике, да мало ли о чём можно потрепаться, балуясь чайком в тенёчке.

Учителя по летнему времени тоже не при деле – также целыми днями здесь пропадают. Не все, конечно, но многие. Учителя, понятно, народ говорливый. Чайханщик – пока людей немного, сын разносит чай – притулился к стволу тополя, слушает, чуть склонив голову набок. Не то чтобы чайханщик уважал учителей, нет, учитель он и есть учитель, что с него возьмёшь, но говорят, черти, очень складно, невольно заслушаешься. Чайханщик мечтает выучить сыновей – не всех, конечно, а то с голоду подохнут, но он хотел бы, чтобы хоть один, хоть самый младший выучился на учителя или врача – всё равно. Так-то оно так, хорошо, конечно, в своём доме иметь образованного, культурного человека, но нелегко нынче учёному в этой жизни, ох как нелегко: что учёному, что нищему – одна честь.

А лето-то, лето, обильное солнцем, в садах, огородах всего уродилось вдоволь. А в чайхане уже почти все столики заняты.

Вот сидят завклубом и сельский фотограф, о политике говорят, вернее, о политиках, а ещё вернее – о том, чья жена красивее – нашего руководителя или американского.

Чуть поодаль расположились люди, которые раньше ездили в Россию на сезонные работы. Сколько они там заработали, неизвестно, но только больше никуда не ездят и нигде не работают. Теперь самый молодой из них распинался:

– Я ли не уважал её отца! Да я ему всякий раз шнурки на ботинках завязывал. Какой ещё зять такое сделает?..

У каждого тут свои заботы и свои обиды.

Фельдшер Гириш за отдельным столиком, то ли пьян, то ли вовсе из ума выжил, сидит себе в одиночестве и бормочет с недовольством:

– Сейчас, понятно, шумное, запутанное настало время. И под шумок всякие подлецы себе жирные куски захватывают.

– Не бойся, и тебе достанется, – мимоходом усмехается чайханщик. – Ты только не зевай – будь начеку.

А тут тесной стайкой сгрудилась молодёжь.

– Всю ночь после свадьбы молодожёны считали деньги, что им на свадьбе подарили, – говорит один из них.

– А что, больше нечем было заниматься, – наивно интересуется другой, – что всю ночь деньги считали?

И все укатываются в дружном хохоте.

Чайханщик, весь такой кругленький, с круглым лицом, с округлым, слегка выпяченным животом, с округлыми же, ладными движениями, чайханщик сноровисто снуёт между столиками, разносит чайники, стаканы с блюдцами, где нужно, наполняет сахарницы мелко наколотым сахаром – в селе принято пить чай вприкуску, а сын ловко справляется у самоваров, заваривает чайник за чайником – торговля идёт полным ходом. Народу навалило – одни встают, другие садятся. А если за каким-нибудь столиком подолгу засиживаются, чайханщик напоминает:

– Люди добрые, стол освободите. Клиенты ждут, а вы расселись – ни себе, ни другим.

– Ладно, рассчитай, встаём, – соглашаются с ним. – Сколько с нас?

– А сколько чайников выпили?

– Да четыре, кажется.

– Шесть, ребята, – мягко, как бы извиняясь, поправляет чайханщик – он обычно всегда помнит, кто сколько заказывал. – Шесть чайников, стало быть, трёшка с вас.

– Трёшка? – притворно удивляются те. – Да за такие денежки я тебе воробья в поле загоняю! Как это – за чай трёшка?

Трёшку, однако, отдают. И вдруг среди всеобщего этого шума:

– Сельчане! Прошу минуту внимания...

Это учитель Никал, совсем старый, весь побитый сединой, морщинами, даже шея в сетчатке морщин, встал из-за стола и ждёт, пока люди притихнут.

– Хочу посоветоваться с вами, – говорит учитель, дождавшись тишины. – Вы все хорошо знаете наш почтовый тракт от Куткашена до Щеки. Знаете также, что дорога эта – более семидесяти километров – обсажена ореховыми деревьями.

Как не знать: по этой трассе едешь как по коридору – сплошным сводом над головой смыкаются ветки вековых ореховых деревьев.

– Известно также, – продолжает учитель, – что деревья старые, сохнут, валяются. Только на участке нашего села пало около двухсот деревьев.

– Ты покорооче, учитель, – раздаётся чей-то нетерпеливый голос. – Дело говори.

– А дело простое: молодняк надо сажать.

Все как завозмущались:

– А это пусть у властей голова болит.

– С какого это благополучия на чужого дядю работать?..

– Хозяева села всё под себя гребут, а ты нам никчемные заботы прибавляешь?

– Мы совсем неплохо живём, – возразил учитель Никал, взмахом руки показав на площадь перед магазинами, сплошь заставленную автомобилями, – чтобы на других кивать.

– Э, не-эт, сладкоречивый ты наш. Мы перебиваемся, как можем, а они живут, как хотят. Есть разница?

– Есть, конечно. Есть, – согласился учитель. – В том-то и дело, что между всеми нами и ими есть разница...

Ох уж эти учителя!..

Чудак-человек, надеется, что слова его проймут людей. Знает ведь – всё бесполезно, но никак не уgomонится. Поистине, верно о таких говорят, что если умрёт, то сам же дойдёт и до кладбища. Никакие обиды, никакие разочарования не впрок.

Учитель, понятно, никого не убедил. Но история, что он рассказал, всем понравилась. Занимательная то есть была история, прямо замечательная. Оказывается, когда-то до революции жил в наших краях некто Исмаил-бек, царский генерал. Человек знатный и богатый. Он и обсадил почтовый тракт ореховыми деревьями. Не собственноручно, конечно. А ездил по сёлам и убеждал людей, дескать, за каждое посаженное деревце получите по золотой монете. Но только – когда весь тракт будет обсажен, говорил генерал. Люди были наслышаны, что он богат и всегда держит своё слово, люди поверили и навалились всем миром – за один сезон справились: обсадили дорогу саженцами.

И пришли к генералу: так и так, мол, ваше повеление выполнено, ждём вознаграждения. Генерал объездил тракт из конца в конец и убедился: и правда – постарались на совесть. Подумал генерал, подумал и вышел к людям, сказал: «Спасибо вам, хорошо потрудились. Теперь ухаживайте за деревьями и ждите, когда они подрастут, начнут плодоносить – и урожай весь будет ваш». «А как же золотые монеты?» – возроптали люди. «Так урожай-то весь ваш, – ответил генерал, – вот вам и золото на всю вашу жизнь».

Какой хитрый, скажи, был генерал, хитрый, но и мудрый...

А лето-то, лето! Солнце, кажется, совсем расплавилось и растеклось по всему небу, вверх не глянешь – весь купол ослепляет. И жарко, жарко даже в тени топольков, сколько ты ни поливай землю из шланга.

А где-то там на бахчах зреют пудовые арбузы, метровые дыни томятся на горячей грядке, пчёлы трудятся дружными семейками на горных пасеках, грушевое дерево истекает спелыми плодами, весёлый ручеек журчит среди зелени, пёстренькая бабочка замерла на венчике цветка...

ДОСУЖИЕ ЗАПИСКИ

Наталья Юрьевна Тяпугина, профессор филологии, критик и прозаик, частенько говорит мне:

– Ой как твоя проза нравится моей маме. Ты не думай, она начитанная женщина с хорошим вкусом.

Николай Егорович Палькин, официальный поэт нашей области, во все времена близкий к власти, со всеми почестями и возможностями, говорил:

– Твоё писание очень по душе моей жене.

Эти люди конкретно от себя, а не от матери и жены, ничего не говорили о моей прозе. А Иван Васильевич Шульпин, напротив, нередко по телефону высказывал мне что-то хвалебное о моём писании. Но публично, изустно или письменно ни единого слова не позволил себе почти за сорок лет нашего знакомства.

Борис Васильевич Дедюхин очень хорошо отзывался о моей прозе, когда я только начинал, просил каждый новый рассказ показывать ему. Я и показывал с надеждой и воодушевлением. Но однажды он сказал мне:

– Не скрою, у тебя отличная проза, живая и сочная. Но толкать тебя в издательстве я не стану. Вот если твою книжку дадут мне на рецензию, напишу хвалебный отзыв.

Но первую мою книжку дали на рецензию Юрию Михайловичу Никитину. А я в те годы его боялся. О нём говорили как о крайне строгом и жёстком рецензенте. Я просил Володю Потапова, работавшего тогда в отделе художественной литературы издательства, чтобы моя рукопись не оказалась у Юрия Михайловича. Но почему-то именно к нему попала моя первая книжка, и, против ожидания, Никитин написал очень дружелюбный отзыв.

Рассказы из этой книжки долго лежали в редакции журнала «Волга». Сотрудникам журнала проза моя вроде нравилась, и все относились ко мне благожелательно, хвалили всячески, сопровождая свои речи превосходными эпитетами, но никто не заикался о публикации. Наверное, не осмеливались брать на себя ответственность и решиться на рискованный поступок: автор

никому не известен, никто за ним не стоит и никто из великих писателей за него не ручается. К тому же каждый номер журнала приходится относить в отдел культуры Областного комитета партии на утверждение.

Так прошло года три, неожиданно вызвали меня в редакцию, и главный редактор журнала Сергей Григорьевич Боровиков сказал мне:

– Что ж, готовьте три рассказа, будем печатать.

– А что изменилось, Сергей Григорьевич? – поинтересовался я. – Столько лет мурыжили меня, теперь вдруг решились...

– Ничего особенного, – ответил редактор просто. – Вы одарённый автор, я всегда это знал. Раньше нельзя было, теперь дали отмашку и публикуем...

Но это была не первая моя публикация. Тремя годами раньше отделанный до последней запятой рассказ «Крак» я отправил сразу в редакции двух журналов: «Литературный Азербайджан» и «Дружба народов». С родины ответили быстро, мол, вторые машинописные экземпляры рукописей редакция не принимает и не рассматривает.

Из «Дружбы народов» пришло лаконичное письмо: «...Рассказ нам понравился – ставим в 9-м номер текущего года». С этим письмом я как угорелый носился по городу и совал всем подряд почитать. Эти дни я жил как в тумане от счастья. Слегка мой пыл остудила невеста друга, неожиданно задав совершенно дикий вопрос: а сколько, дескать, за это заплатят?..

Я оглядел её с хорошо скрытым презрением и ускакал себе дальше, совершенно уверенный, что именно таких меркантильных людей я победил всеми муками последних лет. Ещё через какое-то время во всесоюзном журнале сменился главный редактор, и скоро рассказ завернули мне с краткой отпиской: рассказ нам не подошёл.

Я, конечно, огорчился, но не пал духом. Поскольку рассказ передавался в городе из рук в руки и всем моим знакомым нравился, я чувствовал себя гораздо увереннее, чем раньше, и писал с удвоенной силой и воодушевлением. Я писал книгу из семи рассказов, объединённых тем, что все персонажи являются членами одной семьи. Отчасти я имел в виду свою семью, но совершенно ничего из реально происшедших с нашей семьёй сюжетов, помимо болезни отца, не ложилось на бумагу. Я поневоле создавал новые для себя характеры, события, ситуации, высвечивая своих героев то с одной стороны, то с другой.

Мне хотелось, чтобы за опытом выживания одной конкретной семьи был виден весь уклад удинской жизни. Я не писал никакой темы, никакого внешнего или сквозного сюжета. Я желал воспроизвести жизнь во всей полноте и многомерности. Так я исподволь пришёл к бессюжетному изящному рассказу, которым славна русская литература. Словом, я подспудно чувствовал, что почти научился писать, и активно работал, но у меня всё ещё не было публикаций.

Однажды Володя Потапов сообщил мне, что в издательстве готовится коллективный сборник прозы начинающих авторов, и для пробы попросил у меня рассказ для этого издания. Недолго думая, я отдал всё того же «Крака». Я давно уже про себя решил начать свой творческий путь именно с этого рассказа и далее ничего слабее этой вещицы не публиковать. Скоро меня вызвали в редакцию и сказали, что рассказ включён в сборник, и даже подписали со мной договор.

Перед самым выходом сборника в писательской организации случилось собрание. Пригласили и начинающих писателей. В самом конце собрания

огласили авторов готовящегося сборника. Ровно десять фамилий. Но меня в списке не оказалось. Нужно ли говорить, что со мной было – я весь горел от досады и гнева. Я знал всех авторов этого сборника, во всяком случае, был знаком с прозой каждого. Поэтому решился и попросил у собрания предоставить мне слово. Я сказал, что не знаю, по какой причине мой рассказ исключён из сборника, но я предлагаю вот что: давайте раздадим материалы этого сборника вместе с моим отвергнутым рассказом всем здесь присутствующим писателям, пускай почитают, и, если мой рассказ, по их мнению, окажется не лучшим, я забираю свой опус и больше никогда здесь не появляюсь.

От невинного такого предложения все переполошились, такой шум и гам поднялся, что я слегка растерялся. Почему-то почти все были возмущены моим вопиющим поведением. Но я никого не стал слушать. Я просто встал и покинул собрание.

А утром прибежал ко мне Володя Потапов и с плохо скрытым смущением сказал, что рассказ мой восстановлен в сборнике, что было какое-то недоразумение и прочее, прочее.

Кстати, составителем этого сборника был Виктор Николаевич Сафронов, редактором – Владимир Иванович Азанов.

Мне никогда не было легко. Достаточно вспомнить самое начало моих занятий литературой. После армии я поступил на исторический факультет университета. Но очень скоро разочаровался в таких лженауках, как история партии, диамат, истмат, научный коммунизм, политэкономия и всякая прочая чепуха. Без сожаления бросил учёбу и самостоятельно начал готовить себя к малопонятному окружающим поприщу.

Я хотел стать писателем, но не знал, как этому научиться. До этого довольно много читал, но чтение моё было бессистемное. Заглатывал всё, что попадалось под руку. Случались, конечно, и хорошие книги, но всё равно с литературой был знаком на обывательском уровне. Однако я поставил перед собой грандиозную цель, точнее будет сказать, поставил на карту всю свою дальнейшую жизнь – и отступать было некуда.

В ту пору я вращался среди ребят из интеллигентных семей, и все они в той или иной степени любили литературу. Я много общался с ними, читал те же книги, что и они, но параллельно выписывал серьёзные литературные журналы, вчитывался в критические статьи и литературоведческие труды, старался постигнуть, какая книга хорошая, а какая плохая...

Так открыл для себя великое множество прекрасных писателей. Я читал днём и ночью, много думал, сравнивая, сопоставляя разных авторов, и методично вёл дневники в течение пяти лет. За эти годы я узнал столько, сколько не дал бы мне ни один факультет университета. Где-то под тридцать лет начал писать рассказы.

Но и на этот раз, как и с поступлением на истфак, пошёл ложным путём. Стал с упоением сочинять городские рассказы о любви. По подсказке одного приятеля понёс свои первые опыты в местное отделение Союза писателей, и они попали в руки ныне покойного талантливого русского прозаика Виктора Ивановича Политова. Он без обиняков выложил мне, что всё мною написанное – никому не нужная чепуха. Что нужно писать о самом главном, о том, без чего не мыслишь своей жизни.

После я ещё несколько лет, как бы подбитый влёт, израненный, читал запоем книги и безуспешно размышлял: что же есть для меня в этой жизни самое главное?..

Как понял со временем, ответ находился гораздо ближе, чем мог предположить: самое интересное, самое неподдельное, самое настоящее во мне – это я сам и мои близкие. Моя родня и мои удины. Так я пришёл к осознанию своих корней и малой родины. Я окрылился и с новой силой, со страстью начал писать рассказы из удинской жизни. Почему-то меня переполняла уверенность, что у меня всё получится. Уж не знаю, откуда взялась во мне такая наглость. Я ведь не на инженера или учителя намеревался выучиться. Я хотел стать писателем. На меньшее не соглашался. К примеру, пробовать себя в качестве журналиста категорически отказался. Словом, то были самые мучительные и самые замечательные, по-хорошему дерзкие годы моей жизни, полные открытий, амбиций и ошибок. Ко всему этому я сутки через трое работал электриком, зарабатывал на относительно сносное существование какие-то средства. Так шли годы. Шла жизнь. Мне уже перевалило за тридцать, когда каким-то внутренним чутьём понял, что у меня выходит что-то путное...

Как-то с Виктором Николаевичем Сафроновым шли в областную библиотеку выступать перед читателями. Меня случайно снарядили на это мероприятие, и у меня не было никакого опыта. Шагаем себе по улице, как вдруг Виктор Николаевич деловито спрашивает:

- У тебя сколько минут?
- Чего сколько минут?
- Выступление твоё на сколько минут?
- Не знаю. Как пойдёт и как сложится.
- У меня ровно на 22 минуты. Ты тоже особо не рассусоливайся. Быстро отбарабаним и обратно в Союз. Там у нас занятие поприятнее намечается, ты же знаешь...

Начало давнего моего выступления в Союзе писателей:

– Правда, не знаю, с чего и начать. Одно мне известно точно: начинать нужно с правды и заканчивать тоже правдой. Но я немножко боюсь, что этим выступлением опять наживу себе врагов. С другой стороны, если честно, мне всё равно, кто как отнесётся к моим словам. Друзей у меня здесь почти нет, врагов же своих я научился любить. Я не оговорился – именно любить. Поскольку ненавидеть не могу – нет для этого ни причин, ни тем более оснований. Остаётся одно: любить. Так вот, любимые коллеги, я недавно прочитал настоящую книгу, и книгу эту написал Иван Васильевич Шульпин...

Василий Павлович Кондрашов вскочил с места и строго перебил меня:

- Этого делать нельзя!
- Чего нельзя делать?
- Нельзя! – настаивал он.
- Чего конкретно нельзя?
- Хвалить человека в глаза.
- А-а, теперь понял, – усмехнулся я. – Нельзя, конечно. Только ругать можно, и то за глаза...

Я собирался на республиканский семинар молодых писателей и, встретив на улице Бориса Васильевича Дедюхина, посетовал, что моего друга Валеру Володина не вызвали на семинар, а то бы вместе поехали – всё веселей. Дедюхин поглядел на меня с откровенной усмешкой и сказал:

– Зачем он там тебе? Нужно печься о своей карьере, милый человек. Учти, твоя кавказская открытость сослужит тебе недобрую службу. Этот твой Валерка первым тебя предаст при случае...

Как был прав Борис Васильевич: впоследствии сколько раз и как коварно предавал меня Валерий Володин!..

В литературе мне меньше нужно для того, чтобы отказаться от лишнего, от многого из того, чему я научился и что умею.

Валера же Володин всю жизнь добивается всего лишь умения – и здесь его трагедия. Потому что в литературе одно только умение мало что значит...

Иногда кажется, у него совершенно нет сердца. Как его жизнь, так и его писание обходится без сердца. Но ведь и ума особенного нет.

Чем же он пишет? Беспредельными возможностями родного языка и отменно функционирующим воображением.

Сколько за последние годы он написал, к примеру, о воде, о воде без человека, без всего живого, вообще без всего, кроме самой воды, ни тебе живности, рыбки, ни растений, водоросли пустычной. Десятки, сотни страниц сплошной водою же о пустой воде...

Ужин проходил прекрасно, пока Валера не хлебнул лишнего, что неизменно делало из него невыносимо вздорного и задиристого типа. Мы страшно разругались. И это в который раз за тридцать лет.

Я решил, что теперь уж размолвка окончательная, что ни за что до самой смерти не помирюсь с негодяем. И для пущей убедительности удалил из телефона его номер, потому что не доверял себе, своей предательской натуре: запросто могу расчувствоваться во хмелю, оттаять сердцем и в мутном благодушии позвонить ему...

Когда Володя Потапов работал в журнале «Волга», получил письмо от одного русскоязычного автора из США. Прибежал с этим письмом ко мне и стал восторгаться шрифтом письма:

– Ты погляди, какие у них пишущие машинки. Лист ни под одной буквой не пробит насквозь. А у нас машинки дрянь – даже через четыре экземпляра прошибает. А бумага-то... бумага какая лощёная, чистая и с каким блеском. Живут же люди. Им бы наши муки...

Лишь спустя годы дошло до нас, что письмо то не на машинке было отпечатано, а набрано на компьютере.

На излёте Советской власти я был делегатом республиканского съезда писателей. На последнем заседании оглашали список делегатов от России на съезд Союза писателей СССР. Зачитывал список Юрий Васильевич Бондарев. Когда дошла очередь до нашей области, прозвучали две привычные фамилии: Палькин Николай Егорович и Малохаткин Иван Иванович.

Виктор Владимирович Бирюлин, бывший тогда секретарём нашей писательской организации и сидевший рядом со мной, с недовольством чертыхнулся и, подскочив к ближайшему микрофону между рядами, громко и чётко перебил Бондарева:

– Юрий Васильевич! – сказал он. – Опять Палькин и Малохаткин, надоело ведь! Да и нет этих двоих на нашем съезде, откуда они взялись в вашем списке и с кем вы советовались?..

– Ну, хорошо, хорошо, – вяло согласился Юрий Васильевич. – Кого же вы предлагаете от вашей области?

– Молодых прозаиков – Алексея Слаповского и Яшу Удина.

Бондарев взял ручку и переправил имена в своём списке. Так мы стали делегатами так называемого Большого съезда.

Но ни Бирюлин, ни Слаповский, ни я на этот съезд не поехали. К его открытию страна фактически развалилась, и на этом съезде должны были зафиксировать развал Союза писателей СССР, раздел литфондового имущества и прочие хитромудрые дела. Никто из нас троих не захотел участвовать во всём этом. Бирюлин и Слаповский открыто отказались от поездки, и вместо них снарядили других людей.

Я же купил билет, хотя точно знал, что тоже не поеду, но мне была неприятна сама мысль, что моим мандатом воспользуется кто-то другой. Я сдал билет перед самым отходом поезда и два-три дня нигде не показывался.

Вообще-то я был делегатом трёх республиканских писательских съездов. На одном из них с самого утра перед глазами мельтешил Владимир Вольфович Жириновский. Он в те годы ещё не был тем сановитым Жириновским, которого теперь знают все и вся. Он тогда ходил со стареньким портфельчиком в руке, в потрёпанном синем костюме с обильной перхотью на плечах. Будущий громкий политик всё рвался к микрофону, просил пять или три минуты, чтобы огласить перед писателями свою программу переустройства российского государства. Но ему всё не давали эти минуты. В перерывах между заседаниями Владимир Вольфович неуёмно общался с провинциальными делегатами и фотографировался с ними. Однажды он подошёл и к нам с Бирюлиным, бесцеремонно приобнял нас за плечи и весело скомандовал фотографу:

– Давай снимай меня с молодыми перспективными писателями!

Но Виктор резко высвободился из-под руки Жириновского и с возмущённым видом отошёл в сторонку.

– Ты чего это так задёргался? – спросил я после фотосессии с политиком.

– Ну его! Он одиозная личность, его нужно опасаться. Ты тоже зря согласился пофоткаться. Мало ли...

Такого осторожного Виктора Бирюлина я ещё не знал.

Зашёл как-то в Союз писателей, а там сидит солидный мужчина. Как узнал позже, он был одним из последних председателей Горисполкома при советской власти. Теперь издал свои воспоминания и принёс подарить писательской организации.

Вскоре мужчина ушёл. А мы – три прозаика – порылись в карманах и едва наскребли на самую дешёвую водку. Я отправился в магазин и, взяв требуемую бутылку, двинулся было к кассам, как увидел перед собой давешнего мужчину. Тот толкал перед собой доверху набитую тележку – тут тебе и несколько бутылок виски, и коньяки марочные, и водка отборных сортов, и харчей самых дорогих целая гора.

Я вильнул в сторонку, отвернув голову, устремился к кассам: мне стыдно стало попадаться мужчине на глаза со своей жалкой, нищенской водочкой...

В годы перестройки Борис Васильевич Дедюхин написал книгу «Сердца сокрушенные»: Беседы, интервью, очерки о русском православии». В ней было, в частности, опубликовано шесть бесед о православии с Архиепископом Саратовским и Волгоградским Пименом (Хмелевским). Позже Дедюхин от Саратовской епархии стал издавать религиозно-публицистический жур-

нал «Гонецъ». В своих исторических романах также Борис Васильевич много внимания уделял религии и православной вере.

Однажды он забежал в союзписательское помещение, где за бражным столом сидело человек пятнадцать, с ходу начал, как всегда, быстро и прерывисто говорить:

– Послезавтра... это самое... в филармонии состоится моя встреча... с владыкой Пименом. Вдвоём будем говорить о религии и творческой интеллигенции. Всех приглашаю... обязательно приходите. Грандиозный... гениальный намечается разговор. Никогда раньше такого не было...

Потом достал из портфеля пачку тетрадных листков и стал раздавать присутствующим.

– А что это за листочки? – поинтересовался кто-то.

– Там это... вопросы всякие, которые нужно задавать мне. Послать на сцену или с места озвучить. Вот так-то вот, друзья. Вопросы все интересные, вчера весь вечер сидел и составлял...

Раздав листочки, Борис Васильевич, не садясь за стол, молодецки хлопнул стакан водки, закусил солёным огурчиком и стремглав удалился.

В начале 90-х годов доцент филфака университета Владимир Н. впопыхах забежал ко мне и попросил десять рублей, чтобы купить себе и мне по экземпляру Владислава Ходасевича из большой серии «Библиотеки поэта».

– Мне отложили на полчаса, нужно срочно выкупить, – сказал Володя. – Пять рублей за книжку стихов – это о-го-го, во времена настали. Но я тебе с полочки верну пятёрку, не беспокойся.

– Брось, Володя, – отмахнулся я, хотя десятка у меня была последняя.

Я дал нужную сумму, и он понёсся в книжный магазин. Хорошо зная Владимира как преподавателя и как ценителя поэзии, я тогда резонно подумал: а ведь вполне могли обойтись и одним экземпляром на двоих, разодрали бы томик, и все дела: предисловие и комментарии Володе как доценту, поэтический текст мне...

Коммунисты первыми предали советскую власть при развале СССР. Тихомолком разбежались по своим благоустроенным норам. Работники книжных издательств и литературных журналов также первыми предали литературу. Я помню, как в те годы редакторы говорили:

– Ой, не хочется читать ни новых, ни старых вещей.

Филологи из университета твердили то же самое:

– Мы на работе уже не говорим о литературе...

Был вечер в музее имени К. Федина, посвящённый творчеству Владимира Высоцкого, и вот литературовед и журналист Александр Георгиевич Свешников, устраивавший подобные вечера ещё при жизни Владимира Семёновича, рассказывал, как трудно ему было в те годы организовывать такие посиделки, как свирепствовала партийная и литературная власть. Под конец своей речи с умилением произнёс:

– Как всё-таки хорошо, что отменили всякую цензуру...

– Заодно отменили и всякую культуру, – в тон вставил я.

Когда-то существовало государство восточно-германского племени вандалов, которые отличались тем, что умышленно и бессмысленно уничтожали культурные и материальные ценности. Так вот от них, от вандалов, един-

ственно и осталось: вандалы – и всё. Больше почти никаких сведений. Теперь наше общество точь-в-точь копирует тех вандалов.

В 60–70 годы прошлого века с нетерпением ждали новых публикаций любимых писателей: Чингиза Айтматова, Юрия Бондарева, Василя Быкова, Нодара Думбадзе, Виктора Астафьева, Юрия Казакова, Василия Шукшина, Георгия Семёнова, Валентина Распутина, Василя Белова, Андрея Битова, Фазиля Искандера, Гранта Матевосяна и многих других.

Сейчас тоже я каждый месяц с прежним пытливым интересом читаю или хотя бы просматриваю все толстые журналы. Но нынче нет ни одного автора, чью очередную вещь жду с нетерпеливым предвкушением...

«Один из самых любимых мною писателей.

Г. Семёнов – продолжатель лучших традиций русского психологического рассказа, плюс прекрасный стилист, виртуозно владеющий русским словом. Читать его прозу для меня огромное наслаждение. Он пишет о природе так, что не оторваться. Он пишет о Москве так, что нельзя не влюбиться в этот город, он пишет о Крыме так, что ты физически ощущаешь этот запах моря, солнца и счастья. Семёнов не писатель сюжета, хотя и им он владеет виртуозно, Семёнов – писатель внутренних движений души, писатель эмоций и человеческих переживаний, переживаний светлых и мрачных, добрых и не очень, разных. Как сами люди. К огромному сожалению, он остался малоизвестным широкому читательскому кругу, тогда на слуху были другие имена. Он был, как говорится, писателем для писателей. Многие известные литераторы того времени называли его как одного из самых талантливых собратьев по цеху. Среди них Виктор Астафьев, Фазиль Искандер, Валентин Распутин. Я считаю Георгия Витальевича Семёнова одним из самых недооценённых русских писателей двадцатого столетия».

К сожалению, я не знаю, чей это текст. Его без подписи кто-то выложил в социальные сети. Я согласен с каждым словом этих замечательных строк и не изменил в них ни звука, только кое-где поправил пунктуацию.

Когда пишу, никого поблизости не должно быть, иначе ничего путного не выходит. Настолько это интимное занятие. Нельзя же заниматься любовью, когда в соседней комнате или на кухне обретается другой человек...

Я из цельных своих рассказов выкраивал отдельные кусочки и публиковал как самостоятельные вещицы – это чего-нибудь да стоит. Пускай попробуют другие, вырезают куски из своей прозы и представляют читающей публике. Посмотрим, что из этого выйдет...

Я ленив и нерадив как в повседневной жизни, так и в литературной. И это самая большая моя беда.

Иногда мне кажется, что я пишу только лишь затем, чтобы выразить благодарность тем людям, которые когда-то любили меня...

Ах, как я погряз в мелочах! Люди романы пишут. Люди полновесные рассказы творят. А я уже давно никак не могу отряхнуться от мелочовок и засесть за что-то дельное и значимое. Всё-таки нужно найти свою интонацию и написать нечто хоть отдаленно похожее на рассказ.

Говоря музыкальной терминологией: последние годы своими затравками я всё обертоны пишу. А как же с основным тоном?..

Наверное, он задан у меня изначально и прочитывается постепенно – другими словами, главный тон в совокупности всего, что я написал, пишу сегодня и стану писать впредь...

Чудно: можно пойти в городскую библиотеку и запросто взять почитать ту или иную мою книжку. Кто бы мог подумать!..

Часто спрашиваю себя: каким бы я был – не занимайся литературой?

Совершенно не могу вообразить. Во всяком случае – ничего от меня сегодняшнего не было бы.

Что бы ни писал, нужно сделать так, чтобы от картинки веяло ароматом времени, именно того времени, о котором пишу. По-другому говоря, во всём должен быть колорит конкретной эпохи.

Мне говорят: с тем-то, с тем-то и с тем-то не общайся. Тот – предатель, этот – подл, третий – глуп безнадежно.

Но мне интересны всякие люди. Я всех стараюсь постичь. Из каждого пытаюсь извлечь что-то сокровенное.

Я растерян в этом мире – не знаю, как дальше жить. Я растерян в своём писании – не ведаю, что и как делать.

Но я пока не утратил своего «я» – этим и держусь. Это каждое утро поднимает меня и сажает за стол.

Без всякой уверенности – что и как напишу. Но всё же что-то и как-то пишу. Только так и можно выжить.

Я часто себе не доверяю. Не верю себе. Не надеюсь на себя. А чужим людям и доверяю, и верю, и надеюсь на них. Впрочем, меня частенько подводят как чужие люди, так и я сам.

Лично я в реальном мире немного нелеп. Особенно на уровне поступков. Таким и нужно видеть, подмечать себя и писать.

Я как-то интуитивно понял: если у мало-мальски одарённого человека есть выбор, кем ему стать, обычно он никем не становится. Или почти не становится.

Нужно писать свой восторг от жизни – свою восторженность. А не только грусть и уныние от нескладной и убогой жизни!..

В то же время: что больше всего учит жизни? Разочарования и душевная боль. Радость почти ничему не учит, к сожалению.

Мне говорят: ты колюч и задирист. Особенно – среди пишущей братии. Но будь я другим – я и писал бы по-другому.

Да и вряд ли мало-мальски талантливый человек может быть скромным. Он может всего лишь скромно вести себя, если хорошо воспитан и крепок норовом.

У меня, в сущности, в силу характера, как и у многих пишущих людей, я имею в виду хотя бы сносно пишущих, нет почти никакой биографии. Не сложилась. Но хочется надеяться, что есть судьба...

Какое большое значение в молодости придавали знаниям, и как мешают мне нынче знания. Теперь я решительно избегаю всяческих знаний. Мне достаточно одной только интуиции.

Художнику на самом деле нужны душевный опыт и наблюдательность – и только.

У нынешних московских литераторов главное слово в оценке художественного явления – «смешно». Они его твердят сплошь и рядом, хотя ничего смешного в их творениях нельзя обнаружить.

Почти у всех людей, в советские времена поработавших в редакциях издательств и журналов, либо напрочь испорчен вкус, либо его у них вовсе нет, не выработался. Может быть, редакционная рутинна виновата, а скорее всего, пожалуй, всему виной их уверенность, что писатели зависят от них, что они в литературном процессе что-то значат, что они вершат судьбами. Повторяю: не все были такими, но многие, многие. И это самый страшный бич в так называемой советской (только ли!) литературе. Сколько книг, сколько судеб, сколько талантов ими загублено!..

Владимир Серов сначала заведовал отделом художественной литературы в издательстве, после в журнале «Волга» отделом прозы. У него было мягкое и бескровное, постное, скопческое лицо. Говорил ровным и нудным голосом. Носил чёрный костюм с белой рубашкой и с чёрным же узким галстуком. По коридору редакции, перебираясь из кабинета в кабинет, ходил быстро и стремительно, втянув голову в плечи. Очень редко улыбался. Но улыбка его была добрая и приятная...

Литературный критик должен всегда помнить, что, оценивая то или иное произведение, он выносит суд не только художественному тексту, но и себе, своему кругозору, своему видению мира, своему вкусу и уму. Поскольку часто случается так, что всё, что он пишет о том или ином художественном явлении, очень скоро забывается, но сам он, критик, каким предстал, высказываясь, остаётся в памяти читателя.

К сожалению, мало кто из критиков задумывается об этом. Этим частенько грешил, кстати, сам «неистовый Виссарион»: говоря о литературе, забывал, что он говорит ещё и о себе, может быть, в первую очередь о себе. Вообще всякая критика рисует больше критикующего, нежели сам объект критики, ибо критикующий всегда пристрастен, тогда как критикуемый по обыкновению безголос...

Два равновеликих писателя одной эпохи: Шолохов и Платонов. Что они совершенно разные художники – сомнений нет.

Так в чём же разница между ними?

Шолохов велик тем, что рассказал чудовищную по жестокости историю русского народа. У него главное – не проза, а – рассказанная история.

Платонов же создал великую прозу на фоне страшных исторических потрясений.

Сдаётся, большого писателя, а может, и всякого даровитого, должен интересоваться не Космос (порядок) или Хаос (стихия), а сам процесс превращения Хаоса в Космос. Только этот путь. Лишь исключительные таланты отваживались ставить перед собой такие задачи. Толстой один из них – и он более всех остальных ценен именно этим.

Лучше всего думается, когда в одиночестве хожу по улицам города. Чтобы думать – обязательно должен двигаться среди незнакомого окружения. У многих ли так – мне неизвестно.

Как можно судить о поэтах, прозаиках, вообще об истинных художниках по меркам обыкновенных людей, когда у них всё другое и по-другому, стало быть, и судить о них следует как-то иначе.

Идти по хоженной тропинке легко и приятно. Но настоящий поэт почти всегда норовит сойти с этой тропинки. Он торит свою отдельную тропинку – в лучшем случае, а в худшем – погибает от беспутной жизни...

Я пребываю в вечной тревоге и постоянном страхе за завтрашний день. Мне говорят: ничего страшного, тревожишься и боишься – значит живёшь. Может, оно и так, но как писать без внутреннего равновесия, без радости, без твёрдой веры в будущее?..

Он студент-третьекурсник. Он красив. Он хорошо одевается. Он имеет успех у женщин. У него собственный автомобиль. Желая стать ещё и писателем, он как-то купил себе роскошный блокнот в дорогом переплёте и на титульной странице аккуратным почерком вывел: «Для моментов из человеческой жизни». И всё – больше ничего в этот блокнот не записал, кроме женских адресов и телефонов. Но со мной начал здороваться гораздо приветливее и уважительнее, против прежнего, как свой со своим.

Когда читаю в каком-нибудь журнале достойную прозу малоизвестного или вовсе не знакомого литератора, иногда хочется посмотреть в лицо автору. Я отлистываю журнальные страницы к началу нравящейся мне прозы и разглядываю портрет писателя. Смотрю без особых мыслей, с какой-то лёгкой отрешённостью. И почти всегда лица хороших прозаиков мне нравятся.

Сегодня именно выпавшие из всеобщих устремлений люди могут стать личностями и в творчестве добиться чего-то подлинного.

В принципе, я пишу раз в год, всего неделю или две, ну, больше – месяц, не более – и это так же естественно происходит, как и в природе всё происходит: плоды спеют раз в год, листва с деревьев облетает так же.

Всё копится и копится во мне, зреет постепенно и, поспевав, опадает просто без всяких усилий...

Самую высокую оценку за свою прозу я получил десять лет назад, когда вышла моя книга «Запах айвы». Я поехал в типографию «Новый ветер» получать тираж. Подписал необходимые бумаги, тем временем какие-то люди загрузили пачки с книгами в машину. Я собрался уже уходить, когда ко мне подошли две молодые работницы и попросили оставить им автографы на моей книжке.

– Могу надписать только один экземпляр, девушки, – сказал я. – Просто за тираж заплатил другой человек. Не знаю, как он к этому отнесётся, надо с ним переговорить.

– Да нет же, вы не так нас поняли, – возразили мне девушки. – Нам из вашего тиража ничего не нужно. Мы для себя допечатали отдельную пачку. Столько лет издаём книжки, и вот впервые нам захотелось иметь вашу книгу у себя дома.

Я немного смутился, но согласно кивнул, и семь или восемь женщин по очереди подходили ко мне. Я спрашивал имя-отчество и подписывал, подбывая какие-то простые и тёплые слова для каждой.

УЛЕЙ

ЗАТРАВКИ

В разгар горбачёвской антиалкогольной нелепицы зашёл в гости к своим друзьям. Они снимали частный дом на склоне Глебучева оврага по правую сторону улицы Радищева, когда спускаешься от площади Революции (ныне Театральная площадь). Друзья мои были студентами и терпели очередное безденежье. А я получил приличный гонорар за цикл своих рассказов в местном журнале. Поэтому без лишних слов отправился в кооперативный магазин, купил коляску варёной колбасы, три десятка яиц, соевых бобов в пол-литровых банках, хлеба вдоволь и несколько пачек сигарет. Потом заскочил в вино-водочный магазин, где на полках совсем ничего не было, но я отозвал в сторонку знакомую продавщицу, пошушукался с ней, она кивком головы велела мне выйти наружу и скоро вынесла три бутылки водки в тёмной болоньевой авоське.

Я вернулся к друзьям, на скорую руку мы накрыли стол у настезь раскрытого окна, сели выпивать и закусывать. Друзья мои тоже были гуманитарии, учились на истфаке и филфаке, так что очень скоро разговор наш пошёл исключительно о литературе. О журнальных новинках, о «возвращённых именах» – эмигрантских писателях Владимире Набокове, Иване Шмелёве, Гайто Газданове, о поэтах Георгии Адамовиче, Георгии Иванове и многих других.

Мы горячились, слегка разогретые водкой, перебивали друг друга, выкрикивали обиду и досаду, что так долго скрывали от нас таких великолепных творцов. На этот шум-гам под нашим окном объявился бомжеватого вида мужчина средних лет, крайне неряшливо одетый, с всклокоченными сальными волосами и обросший грязно-сивой щетиной. Как-то умоляюще глядя на нас, он тихо попросил:

– Мужики, плесните мне чуток. Нутро горит...

Я взял бутылку, налил полстакана и молча протянул ему. Он двумя руками принял посуду, поднёс к лицу и так мучительно долго, мелкими глотками цедил водку, что я поневоле отвернулся от него. Когда он вернул стакан, один из моих друзей подал ему тарелку с колбасой. Но он не стал закусывать, сказал:

– Лучше дайте курнуть.

Прикурили для него сигарету. Он затаился раз, другой и опять же тихо, как бы только для самого себя произнёс:

– Ничего, сейчас уляжется, и всё будет хорошо.

Между тем мы тоже выпили. Неожиданно мужчина по-прежнему тихим, но чётким голосом произнёс:

*Ты жива ещё, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе, привет!*

Мы с интересом смотрели на него. А он всё декламировал:

*Ничего, родная! Успокойся.
Это только тягостная бредь.
Не такой уж горький я пропойца,
Чтоб, тебя не видя, умереть.*

Мужчина прочитал стихотворение полностью и с неприкрытым алчным интересом уставился на нас. Пришлось налить ещё. Вторую порцию он опорожнил в два приёма и с хода начал читать другое стихотворение Есенина:

*Сыть, гармоника. Скука... Скука...
Гармонист пальцы льёт волной.
Пей со мною, паршивая сука.
Пей со мной.*

Уже декламировал хорошо поставленным голосом, и даже осанка его как-то преобразилась.

*В огород бы тебя на чучело,
Пугать ворон.
До печёнок меня замучила
Со всех сторон.*

Второе стихотворение тоже прозвучало полностью и без единой помарки. Я поинтересовался:

- Дружище, откуда в тебе такое умение читать стихи? И как тебя зовут?
- Умение из театра. Я из бывших актёров. А зовут меня Серёгой, значит. Потом он читал «Незнакомку» Блока. После «Лошади в океане» Слуцкого.
- Всё это хорошо, – сказал я. – Но ты ведь читаешь одни расхожие, всем известные стихи. Можешь что-нибудь редкое, незатасканное?..

Он задумался ненадолго и прочитал стихотворение Павла Васильева:

*В степях немятый снег дымится,
Но мне в метелях не пропасть, –
Одену руку в рукавицу
Горячую, как волчья пасть...*

Когда он закончил, мы захлопали в ладоши и стали приглашать его в дом. Он всё отнекивался:

- Не-не, мужики. Чё мне туда в таком виде. Лучше я здесь постою.

Но мы настояли, и он зашёл к нам. Выпили ещё разок, после чего Серёга окончательно ожил и вовсе поразил меня, неожиданно выдав самое, пожалуй, лучшее стихотворение Владислава Ходасевича:

*Не матерью, но тульской крестьянкой
Еленой Кузиной я выкормлен. Она
Свивальники мне грела над лежанкой,
Крестила на ночь от дурного сна.*

Я уже любил этого человека, словно передо мной не вконец спившийся бывший актёр сидел, а сам Владислав Фелицианович. Когда же прозвучала строфа:

*И вот, Россия, «громкая держава»,
Ее сосцы губами тебе,
Я высосал мучительное право
Тебя любить и проклинать тебя.*

Я прослезился. Я обычно не стесняюсь и не прячу слёз, вызванных красотой, будь то поэзия, музыка или что-то ещё такое же подлинное и прекрасное. По моим щекам струились слёзы. Серёга дочитал стихотворение и молчал с каким-то покаянным видом. Друзья мои тоже молчали, растроганные. Но очень скоро Серёга опять воспрянул, читал ещё и ещё самых разных хороших поэтов.

А когда водка закончилась, он заметно поскущел и скоро начал докучать меня предложением:

– Купи у меня картину.

– Какую ещё картину?

– Какую захочешь. У меня дома много висит. Любую за бутылку отдам.

Я решил посмотреть, что же за картины могут висеть у такого человека.

– А где ты живёшь?

– Да вот рядышком. Только улицу перейти.

Мы встали и пошли к Серёге. На дворе был уже поздний вечер или ранняя ночь, не поймёшь. Но совсем не было видно прохожих. Только изредка проезжали машины. Друзья мои вдруг расхотели идти дальше.

– Какие у него могут быть картины! – сказали они с пренебрежением.

Я простился с друзьями. А через минуту-другую Серёга завёл меня к себе домой, точнее сказать, в сильно запущенную холостяцкую комнатку, где на стенах висели сплошь репродукции из «Огонька» и других каких-то цветных журналов. Больше никаких картин я не увидел. Правда, кое-где на грязных коричневых обоях зияли светлые квадратные и прямоугольные полосы от некогда висевших картин.

Я с недоумением посмотрел на хозяина.

– А что, ни одна не нравится? – спросил он.

– Нет, что ты, я без ума от этой живописи...

– Ладно, не хотел расставаться с портретом Поэта, но придётся, видно, уступить. Выхода нет.

Слово «Поэт» он произнёс с подчёркнутым пафосом с большой буквы. Потом шагнул к полуразвалившемуся платяному шкафу и что-то с осторожностью вытянул из него.

Я подошёл ближе: это был натянутый на подрамник холст с портретом Пушкина, написанным маслом. Размером 80 на 120, наверное, или чуть меньше, а может, и больше, на глаз не поймёшь. Это не была точная копия с канонических портретов Кипренского или тем более Тропинина. Хотя от портрета Кипренского явно что-то присутствовало на этом холсте. Но лицо поэта было слишком мягкое и нежное. Скорее всего, сказалось личное отношение художника-копииста к великому поэту. Но было нечто безусловно милое и притягательное в этой копии.

– Так я беру портрет? – спросил у хозяина.

– Только за бутылку водки, – ответил тот.

Неожиданно меня кольнула шальная мысль.

– Послушай, а кто автор копии? Кто написал?..
– Какая разница? – раздражённо ответил он.
– Ну как же. Интересно мне. Хотел бы знать...
– Да я написал картину, я! – совсем уж с недовольством и даже со зло-
стью ответил он. – Давно это было, когда ещё в театральном учился...

Я с новым интересом оглядел его.

– Так ты берёшь мне на ночь бутылку? – спросил он нетерпеливо. – Или...

– Где сейчас её взять-то. Ночь ведь на дворе...

– А я знаю, где. Мне откроют и дадут за семь...

Я порывлся в карманах, семи рублей не оказалось, вручил Серёге десятку. Он тотчас оживился, стал переминаться с ноги на ногу. Я взял холст, вышли на улицу, Серёга спешно простился со мною и исчез в темноте.

А я отправился к себе, с грустью думая о беспутной судьбе неудавшегося актёра и художника.

Жил я тогда на улице 20-летия ВЛКСМ (ныне Большая Казачья), между Максима Горького и Братиславской (ныне Вольская). Я выбрался на пустынную Театральную площадь и зашагал по диагонали домой. Пройдя примерно до середины площади, я с замершим сердцем остановился.

«Если сейчас откуда-нибудь нагрянет милицейская машина, – со страхом подумал я, – меня скрутят и повезут в отделение. Рядом Радищевский художественный музей, а я шагаю среди ночи с огромной картиной в руке. Им ведь ничего не объяснишь...»

Осознав нешуточную опасность, я сорвался с места, почти побежал, поминутно оглядываясь по сторонам, хотя бежать-то как раз не следовало во избежание лишних подозрений. Но всё обошлось, без злоключений донёс холст до дома.

Потом он несколько лет висел у меня в комнате. Но когда переехали в другую квартиру, там слишком громоздкий холст оказался не к месту, и я отнёс его в Союз писателей. Писательское начальство бесконечно долго изыскивало средства на подобающую солидную раму, но деньги всё не находились, а портрет Александра Сергеевича годами пылился себе, прислонённый к стене подсобной комнатухи.

Я долго не был в Союзе. Недавно по случаю зашёл и увидел, что наконец-то повесили портрет поэта, правда, как и прежде, без обрамления, всё на том же голом подрамнике, но красуется высоко на стене прямо напротив входа.

На месте нынешнего Детского мира на углу пр. Кирова и ул. Чапаева был когда-то так называемый в обиходе Собачий скверик, обсаженный пирамидальными тополями. Круглая заасфальтированная площадка с громоздкими, тяжёлыми скамьями по краям. Там летними вечерами появлялись девушки. Сидели на какой-нибудь скамье, курили себе втихую и шептались о чём-то своём. Была среди них одна, всегда в домашнем лёгком халатике, в домашних же шлёпанцах. Томой звали её подружки. Бархатисто-смуглая стройная красавица со слегка раскосыми глазами очень мне нравилась. Я даже несколько раз о чём-то разговаривал с ней, но почему-то робел предложить встретиться без подружек и сходить вдвоём в кафе, в кино или ещё куда-нибудь. Потом нередко вспоминал её и безуспешно задавался вопросом: отчего я тогда так и не осмелился встретиться со столь желанной красавицей наедине?

Только теперь, спустя десятилетия, наконец понял: именно потому и не смог сблизиться с ней, что слишком была хороша и слишком желанна...

Была другая девушка из тех же лет. Обладала красивой фигурой и одевалась в очень открытые маленькие или прозрачные обольстительные платица. Ходила она и в джинсах, конечно, но только когда выезжала на природу. К слову сказать, в отличие от многих молодых женщин, она почему-то не брила подмышки, и в этом тоже была какая-то необъяснимая прелесть. В то лето я был без ума от неё, но из той же робости не смел заговорить с такой восхитительной красавицей и познакомиться, хотя видел её почти ежедневно.

Прошли многие годы, и случайно встретил её на улице, такую же красивую, как прежде, но уже не излучающую больше той сумасшедшей силы соблазнения. Подумав, я понял, что уже не хочу знать, наверное, какая стала сейчас та или иная девушка из моей молодости. Не хочу. Пусть останутся в памяти такими, какими были когда-то.

Актриса одного из наших театров на фуршете дала мне свою визитку:

– Звоните, когда захотите. Мне приятно с вами общаться...

Обличьем она давно мне нравилась: миловидная женщина с яркой внешностью. Потом случайно услышал, как она рассказывает кому-то, что она мать пятерых детей и трижды официально выходила замуж, а теперь живёт одна и всем довольна...

И я почему-то утратил всякий интерес к этой женщине и не позвонил ей...

Во сне я сотворил себе образ очаровательной женщины и влюбился в неё. И во сне же знал, что такой женщины не существует в реальности, что я создал её в своём воображении: чёрточку оттуда, линию отсюда, всё-всё, весь её облик и её внутреннюю суть состряпал из случайных излюбленных женских черт – и до жути влюбился в своё творенье.

Муж моей младшей тётки был щёголем. Всегда манерно одевался. К примеру, любил красивые туфли с певучим скрипом, сработанные на заказ. Трудился молотобойцем в совхозной кузне с зарплатой шестьдесят рублей, а эта форсистая обувь стоила тридцать целковых. В придачу ко всему он всегда ходил с крупным красным яблоком в руке, то и дело картинно побрасывал яблоко и ловил. Это было что-то бесподобное...

Думая о нём, я вспомнил случай из моей литературной молодости. В те годы я носил длиннополый, прямо до пят, броский чёрный плащ из кожзаменителя, с глубокими карманами и широким поясом, и редактор издательства Володя Потапов по-товарищески журил меня:

– Это нехорошо, это слишком вызывающе, ты же хочешь опубликоваться, а одеваешься чёрт-те как...

Сам Володя ходил во всём сером и неприметном.

Плащ мой, может быть, и правда смотрелся немножко диковинно, да сам я не обращал на это никакого внимания. Тремя годами раньше у меня была ярко-жёлтая ворсистая футболка с длинными рукавами. Все мои приятели, встречая меня, снисходительно улыбались. А девушки всплёскивали руками и говорили:

– Ты, как цыплёнок, жёлтенький и пушистый...

В то же лето по случаю купил жёлтые югославские туфли. Это уже явно смахивало на пижонство: жёлтая футболка, синие джинсы, жёлтые туфли.

Когда в таком виде гулял по центральному проспекту, на меня оглядывались как девушки, так и парни. Надо признаться, то были довольно тусклые, но весьма своеобразные времена, когда на том же проспекте вечерами иные вполне обеспеченные парни ходили в мягких домашних тапочках на босу ногу. Был этакий колоритный писк местной моды.

Раз уж пошёл такой разговор, расскажу о себе вовсе нелепый случай. В середине семидесятых годов купил себе чёрные лакированные туфли. Случайно оказался в универмаге, в обувном отделе увидел аккуратным рядом выстроенные зеркально блестящие лаком туфли, и не знаю, что со мной произошло, но я загорелся и тут же приобрёл себе пару этой никчёмной обуви. Что она никчёмна, понял прямо на другой день, когда обулся в обнову и вышел в город. Я не находил себе, точнее, своим ногам, места от неловкости. Мне никто ничего не говорил, да никого из знакомых и не встречал в тот день, но сам как-то понял, что чёрные лакированные концертные туфли – это уж слишком пошло и стыдно.

Вернулся домой, нашёл в сарае банку с краской, взял кисть и перекрасил туфли белой масляной краской. Целых трое суток сохла краска, а когда наконец вышел прогуляться в своей обновлённой паре, очень скоро белая краска на чёрных лакированных туфлях потрескалась, начала прямо на глазах осыпаться, и где-то через часок туфли мои стали полосатыми, как зебры...

Удобнее же всего в одежде мне было только однажды. Отец моего друга работал на армейских складах, и мой друг дал мне поносить кожаную лёгчицкую куртку. Целых десять лет ходил в этой коричневой куртке и американских джинсах и больше никогда ни лучше, ни свободнее себя не чувствовал. Потом отцу моего друга подошёл срок выйти в отставку, и порядком потрёпанную куртку пришлось вернуть на склад для отчётности...

Он мой давний приятель. Он с высшим образованием. Ему далеко за пятьдесят. Родители его умерли, жениться в молодости он как-то не сподобился. Всё никак не мог выбрать одну из множества девушек, то к одной подкатывал, то к другой, то к третьей и так остался ни с чем и ни с кем. Живёт один и со скуки частенько звонит мне. И, что поразительно, говорит исключительно о еде.

– Вот рыбки пожарил, с удовольствием поел. Сейчас выйду, лаваш куплю и шаурму накручу, штук этак шесть к завтрашнему дежурству. Жаль, баклажаны подорожали. Люблю баклажаны жаренные с чесночком. Но уже подспели и селёдки в трёхлитровой банке. Сам засолил, в охотку ем селёдку с жареной картошечкой...

– Слушай, – перебиваю, желая сменить порядком надоевшую тему, – слышал, вчера ночью Фидель Кастро скончался?

– Да слышал с утра по телеку, – отвечает. – Ему что, он нормально пожил, шутка ли – девяносто первый год шёл. Да на всём готовом. У него мяса всю жизнь было сколько хочешь, и вина какие хочешь, и женщин, каких душа желает, всего у него было навалом, ни в чём не знал нужды...

– Лишь селёдок в трёхлитровой банке не хватало Фиделю, – говорю с лёгкой издёвкой и отключаю телефон...

Впрочем, еда для него всегда была на первом месте. Вспомнить хотя бы, как в студенческие годы заходил к нему и заставлял его за ужином. После горячего блюда он обычно делал себе бутерброд к чаю.

Происходило это таким образом: аккуратно разрезал хлебный батон вдоль, на одну половинку батона намазывал масло, сверху рядом уклады-

вал тщательно нарезанные полоски сыра, третьим слоем тем же порядком выстраивал кружочки колбасы, все это хозяйство прихлопывал второй половиной батона, бережно брал этот ужористый снаряд двумя руками и начинал с аппетитом рвать зубами. Изредка откладывал гигантский бутерброд в сторону, прихлёбывал из пол-литровой чашки сладкий чай или кофе растворимый, после снова налегал на харч.

Опять же во время еды говорил всё о том же – о съестном. Вообще я давно заметил, разговоры о еде у большинства людей занимают куда больше времени, чем о смысле жизни или о чём-то другом. Еда для многих важнее всего в этом мире. Во все времена и у всех народов было так. Вместе с тем красота искусства, скажем, интересная книга или хотя бы хороший футбольный матч насыщает душу человека не хуже, чем самая вкусная еда, о чём сам человек, к сожалению, чаще всего не догадывается...

Бывает, приятель мой жалуется, что вот остался в страшном одиночестве.

– Ты и понять не можешь, – говорит он мне, – каково это – жить без жены и детей, без семьи.

Я возражаю ему:

– А кто ж в этом виноват? Надо было вовремя жениться.

Ещё хочу спросить его: любил ли он какую-нибудь женщину по-настоящему, но не спрашиваю, хорошо понимая, что он никогда никого не любил и вряд ли мог полюбить. Потому что слишком любит себя самого, своё здоровье и свой душевный покой.

Но всё же мне жалко его. Я говорю:

– Ты не переживай. С детьми столько всяких хлопот.

Но он как бы читает мои мысли. Говорит с грустью:

– Да знаю я, не всякому дано полюбить до безумия.

– И не каждому под силу такая любовь, – соглашаюсь.

– Я это поздно понял. Всё ждал чего-то такого-этакого. Что теперь говорить, когда упустил время. Слушай, мне кажется, у меня аритмия, – меняет он тему разговора. – Нужно сходить к врачу. Вроде полгода назад проверялся, кардиограмму делал, и курить бросил, и выпивать стал редко, а чего-то хреново себя чувствую...

– А ты поменьше думай о здоровье, – говорю, – и не бегай по врачам.

– Кроме здоровья, мне и думать больше не о чем. Что у меня ещё есть?..

Этим вопросом он ставит меня в тупик: ведь правда – что у него ещё есть?..

Самое трудное и самое важное – видеть себя со стороны. Как бы чужими глазами. Удивительное ощущение – совсем не узнаёшь себя. Сам на себя не похож, и уйма такого, что в других людях презираешь, даже ненавидишь, а в себе – терпишь, потому-то, наверно, не так охотно и не все смотрят на себя чужими глазами.

Обычно многие люди даже не подозревают, какие они есть на самом деле, они всегда играют какую-то роль – каким-то определённым образом ведут себя, то есть они всегда ведомы кем-то или чем-то, каким-то обстоятельством.

Человек со звучным именем Виктор Герцог работает скотником на животноводческой ферме. Я немного знаком с Виктором, и вот какое общее суждение вынес из общения с ним. Его ничем невозможно смутить. Лицо его всегда светится беспечной улыбкой вовсе не потому, что такой он весёлый или чему-то там вечно радуется. Просто лучезарная улыбка – обыденная часть его обличья, как нос, рука или походка. Без этой улыбки трудно его представить...

С племянником Русланом ехали из Москвы. Проезжали Тамбовскую область. Руслан молча управлял автомобилем. А я любовался роскошными яблоневыми садами по сторонам трассы. Было приятно видеть ухоженные сады с обильным урожаем. В нашей области почти все государственные сады давно заброшены и пришли в полное запустение.

Руслан остановил машину возле придорожного рынка.

– Пойдём подзакусить купим, – сказал он. – Знаю я тут одних узбечек, такими домашними чебуреками торгуют – пальчики оближешь.

Вышли из салона. Разминая ноги, неспешно углубились в рыночную сутолоку. Скоро остановились перед двумя крепко сбитыми узбечками с бакланскими глазами на матово-белых круглых лицах. Перед каждой из женщин стоял металлический пищевой термос.

– Чебуреки, как всегда, по 25? – спросил Руслан.

– Да, мой хороший, по 25, и такие же вкусные.

– Заверните четыре чебурека, по два в пакет.

Каждая из женщин открыла свой термос, и они вынули по два горячих чебурека, истекающих жиром и очень больших. Аккуратно сложили в пакеты по чебуреку из каждого термоса.

– Кушайте на здоровье, – сказали женщины.

Мы расплатились, вернулись к машине и поехали дальше.

– Как хорошо эти узбечки говорят по-русски, – сказал я.

– Лет двадцать стоят на этом рынке – чего не говорить...

Скоро съехали в берёзовую рощицу. Достали из багажника и кинули на жухлую траву подстилку. Расселись вкусить творенья узбечек. Чебуреки и вправду были хороши: сочные, сытные, с обильной мясной начинкой. Я даже достал из бардачка машины початую бутылку и нацедил себе в пластмассовый стаканчик немного водки.

Потом сидел себе и вдруг почему-то подумал: вот мы на тамбовской земле, а что я вообще знаю о тамбовчанах?..

Со школьных лет первое что помню – строки Маршака из стихотворения о почтальоне:

*У него сегодня много
Писем в сумке на боку,
Из Ташкента, Таганрога,
Из Тамбова и Баку.*

Из тех же лет что-то знаю о Мичурине с тамбовскими яблоневыми садами...

Из последующих взрослых лет отрывочно и смутно запомнил: Антоновское крестьянское восстание, маршала Тухачевского, подавившего это самое восстание, уничтожившего тысячи людей газовой атакой...

Мой любимый композитор Сергей Рахманинов родился на этой земле...

Наконец, известный ныне футболист Юрий Жирков – выходец из этих мест...

Вот и все мои знания о Тамбовщине.

Нет-нет, ещё помню, как в студенческие годы квартировал у безмужней женщины с ребёнком. Родом она была из глухой тамбовской деревни. К ней на дни рождения и по большим праздникам приходили землячки. Совсем немного выпивали эти женщины и, чуток захмелевшие, раскрасневшиеся, часами пели грустные русские народные песни...

Из заставленного цветочными горшками окна, выходящего во двор, видно облезлое трёхэтажное здание. Иногда подолгу люблюсь этим домом. Мне почему-то нравится живописное убожество старого строения.

Вот сошлись перед этим домом три изнурённых мужичка, присели друг перед другом на корточки, три головы с интересом сомкнулись и надолго замерли, разрешая самую жгучую для себя задачу.

Между тем из подъезда какие-то люди выносят скудные пожитки: обветшалые стулья с бесцветной обивкой, раскладной круглый стол, старинное трюмо с мутными зеркалами, неотъемлемые горшки с цветами, тюки с чем-то мягким и лёгким...

Стою у окна в задумчивости и столько убогости нахожу в одном только слове: «скарб». Столько запустения и обветшалости...

Но вот подъезжает и останавливается шикарная иномарка кремового цвета, и скоро из подъезда появляется светловолосая девушка с очень смуглой, как бы сильно загорелой кожей, с большими светлыми сияющими глазами. С россыпью мелких веснушек лицо её то и дело вспыхивает беспричинной улыбкой.

Она приветственно взмахивает рукой в сторону лобового стекла автомобиля, и тотчас распахивается водительская дверца, из салона выходит статный бородатый парень. Борода у него густая и каштановая, а головой он коротко стриженный блондин – такое редкое сочетание. Парень с девушкой порывисто обнимаются, словно не виделись целую вечность, хотя встречаются каждый божий день...

Самое противное для меня – поучать других, как правильнее жить. Главное, я для этого не имею никаких оснований. Сам живу безалаберно.

Ещё противнее, когда меня поучают – тут уж вовсе хочется выть от тоски.

Совершенно негодное для меня понятие: нужно. Нужно сделать то-то и то-то. Не умею делать нужное. Не могу. Не способен.

Долгие годы думал, кто я и что я, наконец, кажется, понял: я – улей. Всего лишь улей.

Множество людей вокруг живут как пчёлы, с теми же неустанными хлопотами...

А я – улей, во всяком случае, должен быть ульем, иначе ничего толкового не напишу.

Многих моих знакомцев раздавила жестокая действительность. Многие лишились самого главного – своей неповторимости. Смешались со всеми и стали как все. А я каким-то чудом сумел сохранить себя. Другое дело – какой ценой, но это неважно. Главное, я сохранил свои пристрастия и своё занятие. Не предал ничего.

Говорили:

– Не пей водку. Или пей хотя бы в меру – и всё будет хорошо. Всё пойдёт ладно да складно.

Говорил:

– Да как же так – не пить водку? С моим-то темпераментом, с моей-то ранимостью да в это сволочное время – и не пить? Это же прямой путь в психушку или в петлю.

Теперь говорят:

– Давай выпьем. Всю жизнь пил – и ничего. И вдруг капли в рот не берёшь. Чего ты боишься?

Теперь отвечаю:

– Водка-то от меня никуда не уйдёт. А я от водки навсегда могу уйти – вот чего опасаясь...

Саратов для меня давно стал родным просто потому, наверное, что никакого другого города я не знаю так же хорошо, как знаю город, в котором живу более сорока лет. Но я никогда не думал и тем более не говорил вслух: люблю или не люблю я свой город. Не говорят же вменяемые люди о жене или ребёнке: я люблю свою жену или я без ума от своего ребёнка...

Дочка в раннем детстве пианино называла мамамино. Потому что мама играла на нём.

Дочке шёл десятый год – и я чувствовал: она постепенно отходит от меня. Неумолимо отдаляется – по мере взросления. Вырастет – появится друг. Жених. Тем более – муж, и совсем отойдёт, охладет к отцу, как бы чужой станет. Дело обычное, естественное, но мне было больно, обидно, страшно.

Иногда молоденькая девушка выходит замуж только потому, что уже влечёт к мужчине, что томления мучат, что не терпится, быстрее хочется испробовать – и не должно терпеться: природа сильнее всех условностей. Такая девушка в лучшем случае выходит за первого попавшегося. А в худшем – идёт по рукам...

Я давно заметил: в период, когда женщина нуждается в любви, её расположения может добиться самый ненавистный ей человек. Так уж устроена женщина: если сильно хочется любви, она как бы теряет разум и, зажмурив глаза, может кинуться в объятия отъявленного негодяя.

У всех животных самец красивей самки. Олень красивей оленихи. Лев красивей львицы. Петух красивей курицы...

Только у людей наоборот: женщина красивей мужчины. Но это – на взгляд мужчины. Думают ли, видят ли так же женщины, не знаю.

Красота жизни существует до тех пор – пока существуешь ты. Без личного взгляда нет никакой красоты.

Тридцатипятилетняя замужняя женщина видела сон. Рассказывает наутро:

– С подружкой попали на нудистский пляж. Кругом одни голые женщины, и все сплошь мясистые, жирные, с огромными грудями, и почему-то у всех соски в виде свиных пятак. Не знаешь, к чему такой сон?..

Гуляли с приятелем. Навстречу шли три женщины – и все три беременные. Приятель знал этих женщин, сказал, что это мать и две её дочери. Рассказывая о них, приятель мой с усмешкой и чуток вычурно заметил:

– Общесемейная монетизация материнского капитала...

Едем на дачу к Ларисе Николаевне. Она сидит впереди рядом с мужем. Я с женой сзади. Всю дорогу Лариса Николаевна подсказывает мужу, где

какой знак, с какой скоростью на каком участке трассы ехать. Муж заметно нервничает, но перечить не смеет. Терпит. С некоторых пор в этой семье жена в открытую верховодит. Вежливо, но твёрдо и настойчиво. Потому что муж потерял работу, а жена, напротив, пошла на повышение.

Я признаю женщину и мужчину (в семье – мужа и жену) как два весла одной лодки. В идеале они должны быть равными. Что случается очень редко или вовсе такого не бывает.

Она уже всё понимает – всё оценила в этой жизни. Жалуется:

– Если муж что-нибудь незначительное говорил мне, делал замечание по мелочам, мать моя тут же ко мне: дочка, как ты терпишь, он же тебя оскорбил. А я в те времена боготворила свою мать, во всём слушалась – теперь вот одна осталась. Одна, одна, одна!..

В первом часу ночи шли как-то с приятелем по одному из главных проспектов города. Были слегка навеселе. Впереди высокая стройная женщина, слишком вызывающе нагнувшись к раскрытой дверце иномарки, о чём-то говорила с водителем. Вскоре она выпрямилась, небрежно захлопнула дверцу, и машина рванула с места. Она же осталась стоять, чуть выставив вперёд долгую ногу в чёрном чулке с атласным блеском. Когда поравнялись с ней, мой приятель напрямик спросил её:

– Ну и сколько ты хочешь?

– Пятьсот, – ответила она.

– А если поторговаться?

– Торг уместен. Сколько?

– Знаешь, у меня с собой денег нет, – стал врать мой приятель. – Но я дежурю тут недалеко. Пойдём – там договоримся. Не бойся – не обманем.

– Нет. Плата вперёд. Я никому не доверяю. Бегай потом за вами – вымалывай честно заработанную копейку.

Ни тени от улыбки или смущения мы не увидели на её молодом красивом лице. Вся такая спокойная и деловитая, точно картошкой торговала.

По большому счёту, люди повсюду одинаковы. Это я как-то знаю. Живал в разное время среди разных народов, вероисповеданий и даже рас. У людей разный цвет волос, глаз и разные привычки, темпераменты, разная одежда, но живут они одними и теми же страстями и страданиями. От рождения до смерти все люди на земле живут схожими устремлениями...

Недавно встретил новообращённого христианина-азербайджанца, живущего в нашем городе с середины семидесятых годов. Окрестил детей в православной церкви и сам окрестился. Кстати, у него и жена азербайджанка. Тоже крещёная.

– Сколько лет здесь живу, – говорит, – почему мои дети должны отличаться от других?..

Всегда улыбчивая и находчивая казашка поступала в институт. Как назло, в эти самые дни у неё на ягодичках выскочили такие страшные фурункулы, что сесть невозможно. На вступительном экзамене она взяла билет, экзаменатор говорит:

– Садитесь, пожалуйста, за любой стол и готовьтесь.

– Спасибо. Я стоя подготовлюсь. Мне так привычнее.

Экзаменатор несколько удивлённо:

– Да? Ну, как хотите. Стоя так стоя.

Дошла её очередь отвечать. Подошла к столу экзаменаторов.

– Готовы? – спрашивают её. – Садитесь – и начнём с богом.

Она опять своё:

– Спасибо. Я стоя отвечаю...

У мусульман есть страх перед Богом. У них больше осталось от язычества, когда человек боялся всякого природного явления и у всякого природного явления был свой Бог. У мусульман Бог, как и у язычников, страшная, беспощадная сила. И, кстати, потому-то как у язычников, так и у мусульман больше порядка в жизни.

Я знал украинцев, у которых в глазах накопились слёзы, когда при них хвалили украинские земли или украинцев. Видел таких же грузин, армян, таджиков. Но не видел русских, когда бы они прослезались от благодарности или умиления, что хвалят русские земли или русских людей.

Не знаю, в чём тут дело. Одно точно мне известно – причина не в чёрствости русских людей. Может быть, оттого так происходит, что русские пространства непомерно велики и русских людей всё-таки много, всё же самый крупный европейский народ.

Нынче многие народы утратили свою исконную подлинность. По-другому говоря, многие русские больше русофилы, чем русские, многие армяне больше армянофилы, чем армяне, многие украинцы больше украинофилы, чем украинцы, а вот евреи всегда и везде евреи – они как-то сумели сохранить себя в нетронутом виде, хотя ни общего языка, ни общей культуры, ни общей территории не имеют.

Молодцы! – что тут ещё скажешь...

Вместе с тем евреи иногда кажутся мне скучными людьми. Среди них есть, конечно, разные люди – и талантливые, и умные, и жизнерадостные, и всякие, всякие, – но всё в них подавлено основным, преобладающим качеством: они нигде и никогда, ни на минуту не могут забыть, что они евреи. Вот этим они частенько бывают скучны.

Так же до нелепости назойливо-скучны, кстати говоря, и многие армяне. Сколько раз, видя моё кавказско-носатое обличие, армяне заговаривали со мной на своём языке и, убедившись, что я не армянин и не говорю по-армянски, тотчас теряли ко мне всякий интерес, не скрывая крайнего своего разочарования.

Я знаю, наверное, что это происходит оттого, что как евреи, так и армяне на протяжении тысячелетий были отовсюду гонимы. Хотя и в силу разных причин были гонимы что те, что другие, но суть от этого не меняется: оба этих народа до неприличия заиклены на своих былых страданиях и, как ни крути, совершенно никого, кроме самих себя, не признают и ни с кем не считаются.

Он мой сосед по лестничной площадке. Но мне мало что известно о нём. Вроде тихий, неприметный парень. Зовут его Мишка Цаплин. Ему лет пятьдесят, он малого росточка и сильно заикается. Живёт с отцом и матерью. Говорят, когда-то в детстве Мишка забирался на чердак нашего дома, ловил там голубей и нещадно отрывал им головы. Правда, в школе учился хоро-

шо и легко поступил в мединститут, и через положенные шесть лет получил диплом психотерапевта, но почему-то никогда не работал по специальности.

А лет пятнадцать назад он убил человека. Соседа из нашего же дома. Этакое весёлого дворового горлопана. Выпивали вместе, что там между ними произошло, никто не знает, но Мишка подхватил подвернувшуюся лопату и изрубил собутыльнику голову. Мишку посадили на девять лет, но отсидел он только восемь и вышел на свободу. Недавно я слышал от него, что сиделось ему легко, считай что припеваючи, потому как фельдшером работал, и все на зоне его уважали. Ещё как-то во дворе, больше обычного заикаясь, он говорил кому-то:

– Да за такие слова у нас на зоне башку тебе свернули бы...

– А мы не у вас на зоне, – возразили ему. – Дай вам волю – вся огромная страна станет сплошной зоной.

– А ты что же – совсем зону не уважаешь?

– Не уважаю ни тебя, ни твою зону, ни вообще таких хмырей, как ты...

Я долго недоумевал: отчего у Мишки жизнь пошла наперекосяк и у него сложилась такая незавидная судьба? Ведь он единственный ребёнок у родителей – людей вроде интеллигентных, всегда вежливых и улыбчивых. Я как-то поделился своими сомнениями с женой, и она рассудила по-женски просто:

– Чему ты удивляешься? Он с самого детства был предоставлен самому себе. Мать с отцом занимались бальными танцами, с утра до вечера репетировали и без конца ездили на всякие соревнования, гастроли. Я помню, как лет двадцать пять назад его бабушка с брезгливой злостью отозвалась о сыне и снохе: «Ироды, протанцевали ребёнка!..»

Весьма успешный риэлтор Володька Чумаков мягким юзом, как сам любит выражаться, соскользнул в очередной глубокий запой. Больше месяца пил и всем кругом надоел. Но заныканные от семьи денежки иссякли. Холодильник ещё раньше опустел. Жена с дочерью, как обычно в таких случаях, сняли квартиру на стороне и жили отдельно от него, почти не заходили и на звонки не отвечали. Друзья тоже постепенно куда-то подевались. Как-то утром он очнулся в своей квартире без выпивки, без еды и без сигарет. Стал настойчиво названивать приятелям, но никто не взял трубку. Тогда он решился и позвонил домой едва знакомому священнику, жившему неподалёку.

– А его нет, он в отъезде, – ответила жена служителя церкви. – Кто его спрашивает-то?

Володька представился. Она с трудом, но всё же признала его и даже произнесла что-то любезное. Володька чуток помолчал, вспоминая её имя, через мгновение воспрянул и спросил без обиняков:

– Матушка Наталья, вы не смогли бы принести мне две бутылки водки?

– Что-что? – удивилась она. – Водки вам принести?.. Я не ослышалась?..

– Ну да, водки. Поймите меня правильно, матушка Наталья, у меня просто другого выхода нет. Мои домашние ушли от меня. Друзья все куда-то запропали, ни до кого не могу дозвониться. А мне так плохо, так плохо, хуже не придумаешь. Деньги я вам отдам через пару дней, только выйду из этой мути и с лихвой верну. Не беспокойтесь, я человек слова, муж ваш хорошо знает меня...

– Да не в деньгах дело. Я просто никогда не покупала мужчинам водки. Смешно как-то.

– Но у меня такая ситуация. Я даже не в силах выйти из дома, так мне худо. Матушка...

– Хорошо. Назовите адрес, скоро всё равно мне выходить из дома. Занесу вам выпивку.

Володька Чумаков с облегчением вздохнул. Он не признавал безвыходных ситуаций. Всего желаемого добивался с напористым усердием, и чаще всего ему сопутствовал успех. На этот раз тоже повезло. Тут он спохватился и опять набрал домашний номер священника.

– Матушка Наталья, – сказал он, когда на другом конце взяли трубку. – Вы уж не гневайтесь на меня, это опять я, Володя Чумаков. Если можете, прихватите, пожалуйста, чего-нибудь подзакусить.

– Ладно, будет вам и закуска, – согласилась супруга священника, и по её интонации он понял, что она улыбнулась.

«Хорошая у попка жена, – подумал он с вялой завистью. – Не то что моя злыдня...»

Он захотел курить и, вспомнив, как опростоволосился, забыв сказать жене священника о сигаретах, хлопнул ладонью себя по лбу и опять набрал известный номер.

– Простите, матушка Наталья, – сказал как можно вкрадчивее. – Я забыл про сигареты, у меня же курить совсем нечего...

– Послушайте, заодно, может, вам и девочку привести? – с откровенной издёвкой рассмеялась жена священника.

– А что – можете? – разохотился Володька Чумаков. – Если приведёте и девочку, я перед вами...

Но в телефонной трубке пошли частые прерывистые гудки.

В хорошем обществе всегда существуют определённые условности, традиции, обычаи – ими-то и руководствуются в основном все члены общества во всех случаях жизни: живут слаженно и без особых проблем.

А из нашей жизни за последние годы исчезли почти все условности, традиции и обычаи – потому столько нетерпимости и ненависти между людьми. От долгих страданий человеческая душа приходит в запустенье и одичанье.

Все сетуют: наша страна, мол, в передовых технологиях сильно отстаёт от прочего цивилизованного мира.

Но ведь всегда было так. В тот самый год (1861), когда в нашем отечестве отменили крепостное право, в Лондоне открыли метро. И таких примеров множество.

Но не следует отчаиваться. Как знаем из истории, наша сила всегда до поры таилась под спудом. В нужный момент, как всегда это происходило, наверстаем мнимое отставание. Не зря же ещё великий собиратель немецких земель «железный канцлер» Отто фон Бисмарк предупреждающе заметил: «Русские долго запрягают, но быстро едут».

В молодости я любил ходить в кино один. В кинозале, окутанный мерклой тенью, среди множества людей я оказывался в идеальном и так желанном в те годы одиночестве. Оставался наедине со своими сокровенными чувствами и мыслями. Никто мне не мешал, и никому я не мешал, чего не бывает в других пространствах среди людей...

Меня иногда журят за то, что почти никуда я не езжу, не люблю путешествовать, менять обстановку и прочее разное.

Обычно я ничего не возражаю, зная про себя, что я-то как раз, в отличие от многих моих советчиков, днём и ночью путешествую, хотя окружающие

не видят этого, на самом деле я неустанно двигаюсь к своим истокам: к себе самому – истинному и чистому, не замутнённого никакой внешней суетой...

Серёга Яншин, когда узнал, что долгие годы я живу один в отдельной квартире в центре города, с плохо скрытой завистью удивился:

– Ну ты даёшь, ё-мое! Я б от такой свободы давно окочурился.
– Как так?

– Ну как, живёшь один, никто не мешает, пей сколько хочешь... Другой запросто спился и ноги протянул, а ты всё живёшь себе и жизни радуешься...

Как и у всех нормальных людей, у меня имеются враги. Но я научился о них не думать.

Однако самый коварный мой враг – это я сам, и не думать о себе самом я пока не в силах...

Мои шестьдесят лет ничему не научили меня. По-прежнему, как и в юности, весь в сомнениях и поисках – часто бесплодных и ненужных.

Я, наверно, быстро изношусь. В принципе, я уже почти весь износился, живя только сердцем и нервами.

– Самый твой страшный враг?
– Текучесть времени..
– Самый твой близкий друг?
– Текучесть времени...

Хотя текучесть времени сама по себе ничего не значит. Всё в нас самих, в том, как мы себя чувствуем, как видим мир, как живём, чем занимаемся и каков наш темперамент. Словом, каковы мы – таковы суть и бег времени.

Самая важная моя задача как пишущего человека – пытаться на мгновение остановить или хотя бы замедлить бег времени...

Старая кошка спит у батареи отопления – храпит и стонет во сне, и мне почему-то жалко её. Очень жалко.

**Александр
ЛАЙКОВ**

ПИСЬМО В ПРОШЛОЕ

А в саду поспели вишни.
На варенье липнут осы.
Воробей, как солнце, рыжий
Расчирикался с берёзы.

Вперевалку ходят гуси,
Слышен беглый звон гитары...
У окна, в зелёной грусти,
Я с компьютером гутарю.

Деревенские напевы
И пейзажи – сплошь шедевры!
Вон бельё полощут девы,
Все прекрасны, как Венеры...

Хорошо на тихой речке
У кувшинок и осоки!
Наши годы быстротечны,
Думы – благостно-высоки.

И мои друзья-поэты
В меркантильную эпоху,
Неподкупные, как дети,
Разговаривают с Богом.

-
- Александр Дмитриевич Лайков родился в 1953 году в посёлке Икряное Астраханской области. После окончания Астраханского педагогического института работал учителем в сельской школе, служил в частях ПВО, был корреспондентом и редактором газет, заместителем редактора литературного журнала «Симбирскъ». Один из создателей и составителей ульяновских альманахов «Карамзинский сад» и «Беседка муз», журнала «Симбирскъ», поэтических полос и сборников местных литераторов. Автор поэтических сборников «Из пепла и света», «Подкова в золе», «Зимородок» и других. Публиковался в литературных изданиях Москвы, Санкт-Петербурга, Минска, Калининграда, Поволжья и Сибири. Стихи А. Лайкова вошли в антологию «Ульяновская словесность: начало 21 века» (Ульяновск), переведены на венгерский язык и опубликованы в журнале «Зов» (Будапешт). Лауреат нескольких журналистских премий, поэтической премии им. Николая Благова, Международного поэтического конкурса им. Игоря Григорьева, литературного конкурса им. Мусы Джалиля в Астрахани, конкурса одного стихотворения в Красноярске и других. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Живёт в Ульяновске.

В ИКРЯНОМ

*Отечества и дым
Нам сладок и приятен!*

Гавриил Державин

Вот опять я босой, без рубашки и кепки
В жаркий полдень стою на пригорке крутом,
Где мои православные русые предки
Всей артелью над Волгой поставили дом.

Стал посёлок намного уютней и краше!
И, как век, опалённый тугим кумачом,
Обложился по самые древние крыши
Красно-бурым и белым кой-где кирпичом.

На высоких верандах – корзины черешен.
Не в печах, а в духовках пекут пироги.
Красотища кругом! Да не видно скворечен,
И беднее уловы из вечной реки...

Отступает вода. Дальний берег всё ближе.
Всё слышней над раkitником гомон грачат!
А над жёлтым песком головёнки мальчишек,
Точно крепкие шляпки опёнков, торчат!

Зной густеет, как сок передавленной сливы.
Выгорает трава вдоль седых берегов...
По горячей тропе я спускаюсь к заливу,
В голубую прохладу, как в толщу веков.

Все печали мои как рукою снимает,
Утишается боль, отступает беда!
Кто сказал, что живую вода не бывает?
В речках детства осталась живая вода!

Я наплаваюсь всласть и взойду на пригорок
Просветлённым душой и таким молодым!
...Дым Отечества сладок, приятен и горек.
Только где он, Отечества сладостный дым?

По-над Волгой туман. Красный бакен мигает
Догорающим углем в древесной золе...
Клён печально шумит – клён меня понимает,
Прикипая корнями к родимой земле.

Галине Антончик

Листья ложатся мазками Ван Гога,
Старые птицы сбиваются в круг.
Сколько шагов остаётся до Бога?
Сколько ещё мы напишем, мой друг?

Первая изморозь тронула травы,
Свищет над Волгой норд-вест ледяной...
Нет, я не жажду ни денег, ни славы –
Лишь бы Россия осталась со мной!

В мокром саду покосилась ограда,
Падают яблоки – «белый налив».
Как хорошо в кутерьме листопада
Тихо насвистывать бодрый мотив!

Но заколочены ставни у дома,
Лозунг трепещет на шляпках гвоздей...
Я – современник эпохи разлома
И меркантильно-бесовских страстей.

Бедные души темнее, чем готы.
Что там потомок расскажет о нас?
Слово родное выходит из моды,
И зарастает тропа на Парнас.

Змейкой железною вьётся дорога,
Тянет полынью и пылью разлук.
...Сколько шагов остаётся до Бога,
Что же ещё мы напишем, мой друг?

Солёные ветры Икрянку хлестали,
В оглоблях бугров бунтовала река,
И шлюпок дюралевых гончие стаи
В косматых бурунах чесали бока!

Моторы, зверея, натужно ревели,
И пена к бортам прикипала, как шерсть!
Я правил на бакен и брал чуть правее,
Отец приготавливал вёсла и шест.

И вот, зачерпнув кипячёной латуни,
Рывком проскочили капканы беды.
Какое раздолье! Но в мутной лагуне
Разводья бензина да ряски следы...

Торчат одинокие прутья рогоза,
В зелёную тину зарылся налим,
И чахнет в мазуте «каспийская роза»,
Царапает днище рогатый чилим.

И нежный фламинго, как призрак сказаний,
Мелькает всё реже над жёлтой грядой...
...Но черпают накипь бортами «казанки»,
И глохнут моторы над мёртвой водой!

*И зверьё, как братьев наших меньших,
Никогда не бил по голове.*

Сергей Есенин

Никогда не ходил на охоту,
Не губил я ни зверя, ни птицу
И частенько в проточную воду
Отпускал окуней и плотвицу.

В небесах мне, наверно, зачтётся,
Как спасал я скворчат от сороки,
И берёза с поклоном качнётся,
Что весной посадил у дороги.

Воробьи в несусветную выюгу
Принесут мне рябины красной,
И порадует танцем белуга,
Что мальком поселил я на Каспий!

Животворной водицею брызнет
Мне в померкшие очи Волга...
Сам, быть может, я в будущей жизни
Обернусь в осетра или волка!

Это кто там окликнул меня
Школьным именем «Саня»
И, заветную тайну храня,
Бросил камешек в ставни?

Отразилась на стёклах слеза.
Тихо скрипнули двери.
И, как пчёлки, шальные глаза
Обожгли сквозь сирени.

Отсчитала кукушка года.
Обмелели протоки.
...Помнишь время смешное, когда
Пропускали уроки?

А потом зарядили дожди,
Обложили утраты.
Ты сказала печально: «Не жди» —
Но вернулась обратно.

Ах, какая сирень у плетня
Распустилась густая!
...Это кто там окликнул меня,
Бросив камешек в ставни?

Зачем по лезвию печали
Забрёл я в Карамзинский сад?
На ветках вороны кричали,
Кружился вялый листопад.

Листва желтела на скамейке
И плавала по кляксам луж,
И, как в новейшей киноленте,
Скользил по памятнику луч.

Карамзина безумно с пьедестала
Не свергли в окаянный век.
На небе туча вырастала,
И время продолжало бег.

Вот здесь в обнимку мы сидели,
Сердца стучали в унисон...
Но соловьи давно отпели
Любовь, похожую на сон.

Тоскливо лицезреет Клио
Предзимний облетевший сад.
Но кто-то снова шепчет: «Милый...»,
Как сотни лет тому назад.

ВИРТУАЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ

Шорох звёзд
И сплошные дожди листопада.
Пристань первой любви
И нечаянных встреч.
Где ты,
Милая девочка из Ленинграда,
С горькой нежностью губ
И обветренных плеч?

Никакой Internet
Нас с тобою не свяжет,
Электронная почта
Не сможет помочь.

Возраст первой любви
Виртуален и тяжек
И стыдливо-восторжен,
Как брачная ночь!

В Петербурге знобит.
С адресами накладка:
Я все письма твои
Принимаю за «спам»!
...Не пиши. Не звони.
SMS-ок не надо!
И, ты знаешь,
Прости – я боюсь телеграмм.

Я бреду наугад
В кутерьме листопада,
Тополя
Оплывают огарками свеч...
Ленинградка моя!
Больше нет Ленинграда.
Как же так?
Не сумели любовь мы сберечь.

В Карамзинском саду облетает листва
И ложится на плечи божественной Клио...
Холодок – на душе, в серебре – голова,
И горчит, на ветру пламеня, калина.

Стало меньше тепла, зарядили дожди,
А вчера ещё яркое солнце светило!
...Как в заветную осень тропинку найти,
Где меня ты бесстрашно и нежно любила?

Где шалун-ветерок заползал в рукава,
Теребил твоё платье из лёгкого ситца...
На припухлых губах замирали слова,
И горячий висок задевали ресницы.

Чуть кружилась от счастья моя голова.
А теперь я хандрю, и на сердце тоскливо...
Пахнет коркой арбузной резная листва
И роится у плеч замерзающей Клио.

ПИСЬМО В ПРОШЛОЕ

«...А написать ты можешь в Ленинград, Надежде.»

«Пионерская правда»

«Вот опять за окном темно,
На деревья ложится снег...»
Тишина, как в немом кино.
Никого со мной рядом нет...

Где-то далеко-далеко
Прошлый век. Зима. Ленинград.
Фонари над Невой-рекой
Как-то тускло совсем горят...

Но в душе до сих пор светло
От твоих заповедных строк.
Мне на письма всегда везло,
С пионерских ещё костров!

Но теперь не узнать страну.
Я твой адрес едва нашёл.
Писем я твоих не верну,
А стихи у обрыва сжёл...

И развеяла ты сама
Миражи виртуальных встреч.
И летали клочки письма
У твоих обнажённых плеч...

Затерялись в пути слова.
Ленинграда на карте нет!
Но всё так же течёт Нева
И заманчив Невский проспект.

И два столбика из письма
В память врезались мне навек:
«За окошком опять зима.
Как живёшь, родной человек?»

Видно, жизнь моя пошла на убыль
И не то чтоб слишком удалась...
Женщину в обветренные губы
Я целую как в последний раз.

Женщину – любимую, родную,
Мать моих обеих дочерей,
Грешную, как небо, и земную,
Негасимый свет моих очей.

Слава Богу, в меркантильном мире
Есть любовь и есть ещё душа!
Я люблю! И, что б ни говорили,
Ты, как бабье лето, хороша!

Слава Богу, нам на белом свете
Хоть в любви до гроба повезло.
Милая, ты опускаешь веки,
Вижу, под глазами натекло...

Не печалься! В воздухе осеннем,
Посмотри, какая благодать!
Я люблю тебя и всё острее
С грустью начинаю понимать:

Жизнь моя, видать, пошла на убыль.
Сколько остаётся про запас?
Женщину в обветренные губы
Я целую, будто в первый раз!

РЯБИНА

Слава Богу, октябрь, и природа развесила
Красно-бурые яблоки, гроздья рябин.
Я люблю середину червонного месяца
Больше всяких других золотых средин!

На асфальте листва – разноцветными пятнами.
А в дремучих лесах – половодье грибов!
В эту пору ходили девчата с ребятами
По грибы да по ягоды... и по любовь.

Бабье лето роняло плоды переспелые,
Полыхал на пригорке рябиновый куст.
И казалась ты мне откровенной и смелою,
С несказанной горчинкой на пламени уст.

Ах, рябина-рябинка – ядрёная ягода!
Ни налив золотой, ни шафран, ни ранет...
Пусть другие вкушают янтарные яблоки –
Для меня превосходней той ягоды нет!

Вновь опёнки бравируют крепкими шляпками,
Соблазняет антоновка сочным плодом...
Только ты не встряхнёшь озорными кудряшками
С голубым, как лиман астраханский, бантом.

Наши годы летят – уж дочурки невестятся
И приносят янтарные гроздья рябин.
...Я люблю середину червонного месяца
Больше всяких других золотых средин!

**Светлана
ПАНКРАТОВА**

ИЗГНАНИЕ

Сёстры и мать называли его сероглазым ангелом, но уже в четырнадцать лет Женька утратил нежную мечтательность взгляда и робость перед женщинами. Ему хватило нескольких минут, чтобы понять о себе главное. Это главное заключалось в том, что ему, Женьке, не нужны никакие особые таланты и ухищрения в отношениях с девушками. Он будет нравиться всегда.

К двадцати трём годам его донжуанскому списку мог бы позавидовать любой голливудский красавчик. Кто только не побывал в Женькиных объятиях! Какие только расцаревны не мечтали женить его на себе! Да и самому ему всегда казалось, что его женой станет лишь самая необыкновенная девушка.

Но, выходя из ЗАГСа и глядя на Наденьку, Женька едва ли не хохотал. В Наденьке не было почти ничего, на чём бы мог задержаться взгляд искущённого в любовных делах мужчины. Невзрачная, она к тому же оказалась и неумехой – ни постирать, ни стоговить толком. По ночам лежала бревно бревном.

– Чего ты хочешь от неё? – раскричалась на Женьку, не выдержав жалоб крестницы, Наденькина тётка. – Привык... с опытными! Ты первый у неё, каких выкрутасов хочешь от неё?

– Ничего я уже от неё не хочу, – усмехнулся Женька и ушёл в привычный для него любовный загул.

И Наденька ждала его целыми неделями, и не печалилась, и радовалась, когда он наконец-то появлялся во дворе. Шевелились занавески на соседских окнах, молодухи вылетали из своих дверей с помойными или мусорными вёдрами и, пробегая мимо Женьки, поигрывали всем телом, бросали смущённое: «Здрась!..»

– Всё! – с порога заявил Женька, вернувшись от очередной зазнобы. – Собирай вещи, едем к моим!

– Мне же рожать скоро, – прошептала Наденька, – там всё чужое.

– Я тебе говорил, что ребёнок мне не нужен, сама решила нищету плодить.

– Но я же... ты же... мы же муж и жена, – заплакала Наденька.

– На спор – муж и жена! На спор! И ты это знаешь!

● Светлана Геннадиевна Панкратова родилась в Саратове. Окончила сценарный факультет ВГИКа. Лауреат Всероссийского конкурса им. В.И. Белова, лауреат конкурса им. Ю.С. Самсонова (Иркутск). Публиковалась в журналах «Волга–XXI век», «Наш современник» и др.

Наденька знала. Муж сам сказал через месяц после регистрации. Но Наденька не оскорбилась, не почувствовала себя обманутой, униженной. Вся её жизнь казалась ей – «на спор».

«Спорим, – кричала Наденькина судьба целому миру, – что эта пигалица будет жить вопреки всему! Спорим, что она не сломается и там, где могли бы рухнуть и двухметровые великаны! У неё не будет ни любви, ни счастья, ни настоящих денег, ни защиты, ни покоя. Ничего! Кроме неистребимого желания жить! А когда есть такая жажда жизни, то всякие там «на спор» – не более чем щепки, приносимые или уносимые волной или ветром».

– Ну и что, – возражала Наденька, – всё равно ведь... муж и жена.

– Да-а! – хохотал Женька. – Это вообще! Кому сказать!..

Его матери невестка не глянулась совсем.

– Мы тебе тут инженершу нашли, – прямо при Наденьке заявила свекровь, – квартира у неё, и из себя видная.

И сверху вниз посмотрела на сжавшуюся за столом сноху.

– По себе дерево срубил, – отмахнулся Женька. – Сам-то я кто?

Он обещал жене, что в его городе они снимут квартиру, чтобы жить отдельно от матери. И обещание сдержал. Но свекровь на второй же день заявила в девятиметровую комнатку, да не одна, а с внуком Игорем, сыном от старшей дочери.

– Я твоя мать! – сурово напомнила она попытавшемуся было отбояриться от бесцеремонного вторжения Женьке. – И имею право! За печкой будем жить с Игорёчком, на одной кровати поместимся. Да, Игорёчек? А мама с папой пусть отдохнут немного от Игорёчка, пусть для себя поживут немного. Мама с папой устали вчетвером в однокомнатной жить. Пусть дядя Женя теперь. А то вот вам, не спросясь! Да, Игорёчек?

Родившуюся девочку Женька записал Маргаритой.

– Мы же с тобой решили, что Любочкой, – едва не заплакала Наденька, раскрыв свидетельство о рождении. – Ещё бы девочку родили... Верой бы. И мама у тебя... Софья. Так бы...

– Квак бы! – передразнил Женька. – Скажи спасибо, что вообще признал!

– Экспертизу надо бы, сынок, – встряла свекровь. – В нашем роду голу-боглазых не было.

– Надо бы, – бросил Женька, отвернувшись от девочки.

– Да вы что?! – едва слышно проговорила Наденька. – Я же... я же...

– Ты... да! – со злостью сказал муж. – Ты вообще... тундра.

Вспомнил, наверное, как на прошлой неделе шли из поликлиники. Январский ветер пробирал Наденьку до костей, швыряя в лицо пригоршни колючего снега. Под осенним пальтишком на Наденьке были надеты две кофты, но набухшая от молока грудь стыла, и приходилось время от времени идти спиной.

– До дома два шага, – кивнул Женька. – Дойдёшь. А мне... тут надо...

Конечно, дома ждала Риточка, но и свекровь с нетерпением ждала прихода снохи. Наденька с тоской посмотрела на оконце, желтеющее в ранних зимних сумерках, и спросила:

– А тебе надолго... надо?

– На полчаса. Знакомая у меня тут... одна.

– А я подожду, Жень. В сенях постою. Не выгонит же знакомая. Стужа-то какая.

– Эт-то кому сказать! – расхохотался Женька. – Гос-споди! Пошли уж домой. «Постою!»!

Но хохотал он редко, а всё больше и больше злился, глядя на Наденьку, на Риточку.

– Не для того я тебя, сынок, растила-холила, – зудела свекровь, – чтобы такой отдать. Таких-то – рубь вязанка. Голячка, ребёнка навесила на тебя, ни сварить, ни пришить, ни рожи ни кожи. Она и на женщину-то не похожа. От людей стыдно, сынок.

Наденька и сама себя не узнавала. Удивлялась, как ещё не унёс её ветер, от прежних аппетитных килограммов всего-то сорок осталось. Лицо пожелтело, морщинки на лбу.

А в конце января вот что случилось.

Занёс Женька дрова в комнатку, свалил у печки, только взял топор, чтобы полешек расколоть, а тут Наденька с замечанием:

– Ты бы на улице, Жень, Риточку разбудишь.

– Риточку?.. – жутким голосом спросил Женька и пошёл на жену с топором. – Риточку?..

Наденька попятилась к двери, броситься к дочери не могла, Женька загоразживал собой крошечный проход в девятиметровке.

Стукнула дверь в сенях, Женька отшвырнул топор.

– Мама! – крикнула Наденька, бросившись к свекрови. – Мама! Он..

– Какая я тебе мама, голодранка? – усмехнулась Женькина мать, по лицу сына догадавшись, что вконец обрыдла парню супружница. – Собирай-ка ты манатки и езжай к своей... маме. Не чета ты моему сыночку, не пара. Почтище приведёт. Инженершу.

– Риточка проснётся, я уеду, – голосом враз постаревшей женщины сказала Наденька.

– Дочь ты не получишь! – с угрозой проговорил Женька.

– Да, не получишь, – неуверенно повторила свекровь, не понимая, для чего нужна сыну эта голубоглазая обуза.

– Ты мне жизнь испортила, и я тебе кровь попорчу, – мстительно процедил Женька.

– Ты ему жизнь испортила, и мы тебе... – обрадовалась свекровь.

Собрав жалкие свои пожитки, Наденька уехала из так и не ставшего ей родным города. О том, насколько она изменилась, она поняла по вопросу матери, открывшей ей дверь: «Вам кого, женщина?»

В следующие пару месяцев Наденька искала человека, который смог бы уговорить Женьку отдать Риточку. И нашла. Дальнюю родственницу, богомольную старушку, с одними «Живыми помощами» и отправившуюся в дальний путь. Ещё пара месяцев ушла на развод и оформление алиментов. А в ноябре от одной из сестёр Женьки пришло письмо:

«Надя, Женья после твоего отъезда как с цепи сорвался, начал пить, старых дружков нашёл. На майские остановили они в парке курсанта из школы милиции. Слово за слово... драка. Курсант получил ножевое ранение. Нож был Женькин, но говорит, что не бил. И отпечатки пальцев на рукоятке не его. Всё одно, групповое, говорят, преступление. Да милиционер, хоть и будущий. Надя, 10 лет дали Жене. 10 лет. У матери инфаркт. Мы тоже... На Новый год мы собираемся все к нему. Поедешь? Он просил, чтобы с Риточкой. В Мордовии он сидит. Поездом туда можно...»

Наденька только-только нашла более-менее приличную работу в столовой – всё какой-никакой кусок помимо зарплаты перепал дочери. И потому ответила, что на этот Новый год никак не сможет съездить на свидание, а на следующий постарается.

К следующему Новому году Наденька посвежела, повеселела. Ничего! Есть, что поесть, и слава Богу. Дочка – в садике, если и заболит когда, мать ухаживает, справки не надо брать. Знай себе, работай. Что ж, что без мужа – вон парней сколько! И не женатые ни разу ухлёстывают, и с Риточкой «в замуж» берут.

С таким настроением да с подросшей дочкой Наденька и приехала в тюрьму. Это Женьке там маета, а Наденьке в диковинку всё. По общему коридору бегом бегают, на кухне с такими же, как сама, жёнками, щебечет, Риточкиным новым словам радуется, в комнату для свиданий бабочкой крепдешиновой впархивает, локонами каштановыми весело потряхивая.

– Это к кому же такая красивая женщина приехала? – удивляются и зеки, и охрана, и даже жёнки.

– К Павлову!

– Павлов, это у тебя такая жена симпатичная?! А дочка – голубоглазый ангел. Красивая девчонка будет! Повезло тебе, Павлов!

– Повезло?! – растерянно спрашивал Женька, сидя на корточках под голым зимним деревом, и отвечал самому себе: – Да, повезло. Конечно.

Он сделал два зеркальца. На обороте одного – роза алая, на другом – Чебурашка. Чтобы от шмона уберечь зеркальца, сунул их в сапоги, под пятки. Расколосся подарок, Риточке предназначенный.

– Не увижу я тебя больше, доченька моя, – сказал Женька и закрыл лицо руками, чтобы скрыть свои слёзы.

Но как же он плакал, когда готовые к отъезду жена и дочь прощались с ним у ворот. Как же он плакал! Будто заранее оплакивал и долгие годы своего заключения, и короткие шесть месяцев жизни на свободе, и это невыносимое ощущение того, что всё идёт как-то не так, как хотелось бы, и странное, так никем и не понятное самоубийство.

За те шесть месяцев Наденька шесть раз получит фантастические по меркам 70-х годов алименты – по 120 рублей. И удивится им, и сама же посмеётся над своим удивлением: «Что особенного? Женька же первоклассный шофёр. Ему же заработать – раз плюнуть. У него же вообще были золотые руки, но как-то так всё, как-то так...»

**Анна
МОРКОВИНА**

НА ОТУМАНЕННОМ СТЕКЛЕ...

Когда бы не отец, к кому б ходила
Тобою, парк, покрытый снегом белым,
Как будто простынёю или мелом;
Когда б не он, то что бы с нами было?

Там бабушка жила, там родились мы
С сестрою в однокомнатной квартире.
Теперь живём мы в параллельном мире,
По Интернету посылая письма.

И сын мой где-то виртуалит рядом –
Любимый сын, с моим любимым взглядом.
И муж в свою фантастику погружен,
Как будто мир реальный им не нужен.

Но снег идёт и покрывает дланью,
Ажуром оренбургским.. Кроткой ланью
Ты смотришь, парк, задумчиво и ярко.
За снегом выхожу как за подарком.

Всё очень славно, очень сложно,
И вам ответить невозможно,
Но ведь нельзя не отвечать.
И всё же лучше промолчать.

Читайте паузы как знаки
И многоточья – как слова,
А я расставлю их для вас –
И не заблудитесь во мраке.

-
- Анна Юрьевна Морковина родилась в 1968 году. Окончила филологический факультет Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (специальность – «журналистика») в 1990 году и аспирантуру Московского института культуры в 2015 году. Поэт, главный библиотекарь Саратовской областной библиотеки для детей и юношества имени А.С. Пушкина, заведующая Пушкинским сектором. Член Союза журналистов, Ассоциации свободных поэтических объединений (АСПО) Саратовской области, Международной гильдии писателей (МГП).

Трагедий нету маленьких,
Нет горя мелких порций –
И Гость приходит Каменный,
И умирает Моцарт.

И пир, чумой приправленный,
И в посвисте метели
Пустеет бал, оставленный
Убитым на дуэли.

Прощай, задира-мученик,
Игрушка злых наветов,
Оставивший – по случаю –
Весь мир, тобой воспетый.

Это не белые мухи
Делают плавные взмахи –
Видно, хозяин не в духе
Там, наверху иерархий.

Мечет он клочья бумаги,
Порванной в гневе на части,
И засыпает овраги,
Землю, и совесть, и счастье.

Словно небесным трезубцем,
Море людское смущает.
Горе и слава безумцам,
В коих он нас превращает.

На отуманенном стекле
Я нарисую нечто.
Ты спросишь: «О? Быть может, Е?»
А я скажу: «Конечно».

«На отуманенном стекле...» –
Красивая цитата,
Как сказка о добре и зле –
Я в ней не виновата.

Сошла с рисунка Кузьмина
Татьяна: шея, локон...
Запечатлел на времена
Её поэт у окон...

И вот Туманный Альбион
Взглянул поверх крылатки,
Героя запечатал он
Льдом розовой облатки.

Он расшифрован – и спасён,
Оправдан – и свободен...
А нам всё тот же снится сон,
Ведь Пушкин вечно в моде.

Я хочу просыпаться и видеть тебя,
Засыпать, о любви бормоча полусонно,
Подарить тебе всё... Отдари мне себя
Этой ранней весной, этим летом зелёным.

Слепы дни без тебя, а с тобою полны
Смыслом тем, что понятен двоим лишь на свете.
Слышишь тихий рожок? Это звуки весны –
Кай и Герда смеются, влюблённые дети.

Тонкие пальцы к вечернему небу воздев,
Смотришь из глубины веков ты, прекраснейшая из дев.
Складки плаща на сильные плечи легли,
Голову плащ покрыл с каймой в золотой пыли.
Господи, Бога Мать, утешная для всех людей,
Скорбь мою разведи, думы мои развей!
Господи, помоги тому, кого я люблю.
Припадая к твоим стопам, о счастье тебя молю.
Господи, благословен будет каждый твой миг и час.
Свет небеса прольют на безутешных нас.

Это лето обещает,
Манит светом и теплом,
Дарит книги, засыпает,
Поит чаем за столом.

Птичий щебет там, где лето
Вновь смыкается с зимой.
Не рассказывай мне это,
Дай додуматься самой.

Детский лепет за спиною –
Неродившийся вопрос.
Там, за облачной стеною,
Ты сирени мне принёс.

Дождь огромный через реку –
Как улыбки благодать.
Человека человеку
Никогда не разгадать.

Человек, превратившийся в памятник,
Ставший символом нашего города...
Мы друг к другу идём на свидание
Мимо церкви и консерватории.

Смотрит вдаль Николай Гаврилович,
Изучает Арбат саратовский.
За спиной его стадион шумит,
Где собор Александра был Невского.

Вспоминает он Ольгу Сократовну,
Даму с отчеством древних философов.
Эрудированного священника
И редакцию «Современника»...

Время в тонких очках отражается,
Руки скрещены независимо.
Но «Что делать?» – вопрос не решается
Ни в столичных кругах, ни в провинции.

ХЛЕСТАКОВ

Из небылиц и пустяков,
Чтоб скучно не было в дороге,
Вдруг возникает Хлестаков –
Хвостун и враль, знакомый многим.

Гурман, повеса и пижон,
Одетый по последней моде,
Он вечно лезет на рожон,
Являясь джокером в колоде.

Побьёт и королей, и дам
Сей обаятельный пройдоха.
Зачем вести нам счёт годам?
Ему и в вечности неплохо!

Какой там нужен антураж?
Фрак, трость и клетчатые брюки.
Ах, маменька, какой пассаж!
Ум помрачительные штуки

Выделявает этот ферт
С таким непревзойдённым жаром.
Вы пообъёмистей конверт
Не позабудьте – с гонораром.

Проходят зимы, вёсны, лета,
 Но на земле живут поэты.
 Не о секундах и часах –
 Они поют о небесах,
 Они поют про жизнь и смерть,
 Про море и земную твердь,
 Про «горний ангелов полёт»...
 И Бог перо им подаёт!

ЗОНГ ИВАНУШКИ-ДУРАЧКА

Я стою на перекрёстке,
 А вокруг снуёт народ.
 Я стою и наблюдаю,
 Как народ вокруг течёт.

Жизнь, как птица-жар, прекрасна,
 И не мне её ловить.
 «...Не печалься понапрасну,
 Не теряй надежды нить!

Где-то горы есть и солнце,
 Море есть и корабли...
 Над тобой она смеётся:
 «Что ж ты, дурачок, лови!..»

Это правда или небыль?
 Это искренний совет?
 ...Я машу рукой, и небо
 Мне перо бросает вслед.

Я постигаю апрель
 Медленно, словно букварь,
 Настраиваю свирель,
 Подглядываю в словарь.

Там, где нежнейший прострел
 И одуванчиков рост,
 Чудятся пение стрел
 И оперения хвост.

Серёжки на тополях
 Выросли исподтишка,
 И набирают размах
 Молочные облака.

Словно дар чудесный свыше –
День последний сентября.
Осень. Золото над крышей.
И лазурные моря.

Это Вера, и София,
И Надежда, и Любовь –
Именинницы святые –
Нас одаривают вновь.

В этот день как не бывало
Ни печали, ни дождя,
Словно нас поцеловало
Это лето, уходя...

Теперь уже, наверно, всё равно,
и птицы перепутали все гнёзда,
и мы на «ты», как в знаковом кино,
и смотрим врозь, а видим – оба – звёзды.

Стираются границы зим и лет,
и расстояния преодолимы,
и книги, книги... Только на просвет
сквозь толщу лет мы – просто пилигримы.

Читай, молись, присутствуй – будь собой.
Всё это называется – любовь...

**Ольга
ЧЕРЕНЦОВА**

СОЧИНТЕЛЬНИЦА

Прочитав в его блоге, что он отдыхает на острове Косумель, я сразу же туда полетела. Сошла с самолёта, взяла напрокат машину и понеслась в отель. Дорога туда вела узкая, извилистая. Вдоль неё тянулись белые пляжи, деревья с красными цветами, чешуйчатые пальмы, похожие на гигантские ананасы. Но остановиться и полюбоваться местной красотой у меня не было времени – не терпелось побыстрее добраться до отеля. Там работал нужный мне человек по имени Мигель. Про него я узнала из блога.

Дорога кишела мотороллерами. За рулём – и стар, и млад. Трёхколёсных велосипедов на острове тоже тьма. Они – своего рода такси. В их багажных корзинах возят продукты, детей, глубоких стариков. А парни катают в них своих девушек, и не только худеньких – даже крупные каким-то образом там помещаются.

В центре городка тесно, едва развернёшься, а тут ещё, как назло, один из велосипедистов застопорил движение. Обогнать его не получалось. Помог ветер – сорвал с него кепку и покатил по тротуару к ряду лавочек. Он повернул в сторону, погнался за кепкой, и я вырвалась вперёд. Пролетела на одном дыхании оставшийся путь и вошла в отель.

– С приездом! – улыбнулся мне клерк. Широколицый, приземистый, смуглый.

Местные жители – радушный народ, а персонал в гостиницах – сама любезность: идя навстречу по коридору, приложат руку к сердцу, поклонятся. Если попросишь помочь, мгновенно всё сделают. При этом туземцы далеко не столь простодушны, как может показаться.

Пока он оформлял все бумаги, другой клерк – тоже коренастый и круглолицый – угощал меня пряным напитком со льдом.

– Вкуснятина! – похвалила я. – Из чего это сделано?

Клерк, довольный, произнёс какое-то неведомое мне слово.

– Это что – фрукт?

– Фрукт, фрукт, – радостно закивал он.

-
- Ольга Львовна Черенцова – прозаик и художник. Родилась и выросла в Москве в семье художников и деятелей театра и кино. Публиковалась в журналах: «Юность», «Литературная учёба», «Кольцо А», «Молодой Петербург», «День и ночь», «Волга–XXI век», «Бельские просторы», «Бийский Вестник», «Новый журнал», «Чайка», «Новый берег», «Побережье», «Слово/Word» «Literal Latte», «Manhattan arts» и др. Автор книг «Изгой» (издательство «Аквилегия-М», Москва, 2014) и «Двойник» (издательство «Литературная учёба», Москва, 2009).

Улыбка у него, как у всех служащих в отеле, лучезарная, белоснежная, словно им всем приказано отбеливать зубы с утра до вечера.

Когда с документами было покончено, я спросила, где мне найти Мигеля.

– У нас такого нет. Какая у него фамилия?

– К сожалению, не знаю.

– Хорошо, постараюсь узнать. Если ещё что-то понадобится, звоните, всегда к вашим услугам! – засиял он.

«Опять всё впустую, – думала я позже, сидя на пляже, – зря приехала». Нет, не зря: море всегда меня успокаивает, а Карибское – особенно. Оно мягкое и такое прозрачное, что на дне отчётливо видны стайки рыб. У берега их полно, к туристам они привыкли, не боятся. Сверкая как неоновые, они вертелись подо мной, когда я плавала. Покрутившись, они подмигнули мне и упорхнули в расщелину кораллов. Никто, конечно, не подмигивал, а включилось моё воображение. Я везде ищу сюжеты для сказок. Пишу для маленьких детей, как и Цезарь (вряд ли это его настоящее имя), ради которого я сюда приехала. Несколько лет назад он взялся ещё и за детективы. Говорит, что этот жанр ему близок, поскольку в прошлом работал следователем. Сомневаюсь, что это правда. Он – выдумщик. Его недавние мемуары – тому пример. Не мемуары, а ложь, и про меня, его дочь, в них – ни слова. Как будто меня нет на этом свете.

Увидеться с ним раньше не получалось. Постоянно что-то мешало: то обстоятельства, то мой страх, что он опять меня отошьёт. А когда я набиралась смелости встретиться с ним, он ускользал от меня. Но в этот раз ему не удалось улизнуть. Для чего я его ищу? Я долго обманывала себя, что хочу выяснить, почему он подло со мной поступил. Да нет, чего лукавить – я надеялась, что он раскается и вернётся. Пустые мечты! «Я – волк-одиночка, держусь от всех на расстоянии. Семья – это не для меня», – написал он однажды в своём блоге.

Несмотря на сильную с ним связь, он остаётся для меня загадкой, как и для читателей, которых он водит по лабиринтам – подогревает их интерес. Его мемуары полны намёков. В одной главе он приоткрывается, а в следующей убегает в тень. Подозреваю, что и в его блоге много выдумки, а правду узнать трудно. Я перерыла весь интернет, но ничего толком не нашла. Его жизнь похожа на сетку – сплошные пустоты, которые я заполняю фантазией. Живо рисую в уме его семью (есть ли она у него?), ревную, ненавижу и мечтаю о нём. Представляя нашу встречу, я переживаю и радуюсь с такой силой, как будто всё это происходит в действительности, а не в моей голове. Воображаемое переходит в реальность, и я уже не знаю, где нахожусь. И нередко задаю себе вопрос: такой ли он, каким я его слепила в своих фантазиях? Нужен ли он мне? Ведь я его совсем не помню. Он удрал, когда мне было три года.

На пляже – почти никого. Только пожилая женщина, белая, как и песок, на котором она неподвижно лежала, и двое низкорослых парней в широкополых шляпах. Один ходил вокруг грибков-беседок с соломёнными крышами и подбирал мусор, а второй срезал с пальмы кокосы. Потом они отнесут орехи в ресторан отеля, там их разрежут пополам, выльют из них молоко, почистят, наполнят крепкими коктейлями и будут разносить по пляжу.

Я опустила на топчан и окунула ноги в мелкий песок – ласковый по утрам, а после полудня обжигающий, так что босиком не очень-то походишь. Посидев немного, я встала и прыгнула в море. Поплавала. Выйдя из воды, поймала пристальный взгляд белотелой женщины, вернее – бело-

розовой (солнце быстро её поджарило). Её внимание напрягало. Не люблю бесцеремонные разглядывания.

Вернувшись к своему топчану, я распласталась на нём: руки и ноги – в разные стороны, чтобы не пропустило солнце ни одного кусочка кожи. Но ровно загореть помешала чья-то вторгшаяся тень. Открыв глаза, я увидела знакомого клерка.

– Я узнал, что есть здесь один Мигель, он кормит неподалёку игуан, – сообщил он и сказал, где и во сколько того можно найти.

У меня был в запасе час. Я вернулась в номер – просторный, светлый, чистый. На кровати лежали красные цветы гибискуса. В ванной комнате на стопке полотенец – сиреневые, а из карманов белоснежного халата (каждое утро приносят новый) выглядывали жёлтые. Я их все собрала и воткнула в стакан с водой. К вечеру они завянут, но взамен принесут свежие и снова разложат по всему номеру вместе с леденцами. Я взяла один леденец, прожевала. Вкус лайма – кисловатый и прохладный. Пора идти.

На улице припекало. Солнце на острове – живое. Я шагнула вправо, оно – следом за мной. Я влево – оно тоже. Так мы с ним вдвоём и шли. Везде шныряли игуаны, подглядывали за мной из-под кустов гибискуса – наполовину общипанных горничными. В траве стояли домики ящериц – пирамидки с круглыми отверстиями, откуда высовывались рыбоподобные головки и хвосты. Туземцы носят игуан, как маленьких детей, на руках, и те сидят спокойно, неподвижно, смотрят на туристов с любопытством. Я подошла к одной пирамидке, чтобы их сфотографировать. Они вылезли и попозировали, затем побежали вперёд и подвели меня к сидевшему на лавке миниатюрному старику. У его ног крутилось множество игуан. Они подпрыгивали и ловили дольки огурцов, которые он им кидал. Глядя на него, я засомневалась, что это тот Мигель, которого я искала. В блоге – ни слова, что он преклонного возраста.

– Вы Мигель? – обратилась я к нему на английском (на острове практически все говорят на этом языке).

– Да.

Его лицо было всё в бороздах. Не только годы постарались, солнце-огонь – тоже. А в глазах – живость и озорство, как у мальчишки.

– Я ищу одного человека, мне говорили, что он у вас остановился, – сказала я (эту информацию я почерпнула из блога). – Его зовут Цезарь, он русский писатель, эмигрант.

– Не-э, такого не знаю.

Почудилось или нет, что его густо-карие мелкие глаза, точно кофейные зёрнышки, смеются?

– А кого-нибудь из русских вы здесь знаете? – спросила я, надеясь зацепиться хоть за какую-то ниточку.

Хотя эта ниточка меня никуда бы не привела. В своём блоге Цезарь писал, что, когда путешествует по миру, сторонится эмигрантов. Почему – не объяснил.

– Не-э, – опять покачал головой старик, взял ещё один огурец, отрезал перочинным ножиком несколько кружков и бросил игуанам. Одна из них, расталкивая остальных, схватила два куска и, метнувшись в сторону, чуть не сбила меня с ног.

– Не бойтесь, они ручные, – успокоил он.

– Это все ваши?

– Можно сказать, что мои. Я прихожу сюда их кормить, они меня хорошо знают.

Он прошуupal меня пытливым взглядом и посоветовал походить по острову, поспрашивать. Может, найдётся кто-то из русских.

– Кем вам этот Цезарь приходится? – проявил он несвойственное местным жителям любопытство.

Лишних вопросов они обычно не задают, в душу не лезут.

– Давний приятель, – обманула я и протянула ему визитку. – Позвоните, пожалуйста, если вдруг вспомните.

– Да как же я вспомню, если никогда его не видел?

Не врёт ли? Его плутоватый взгляд подтверждал мои подозрения.

– Где вы остановились? – спросил он.

– Вон там! – махнула я рукой в сторону отеля и, проверяя, тот ли это Мигель, о котором упоминалось в блоге, сказала: – Я слышала, что вы у них работаете.

– Не-э, никогда там не работал, а место у них красивое.

«Да, красивое», – думала я позже, гуляя по саду отеля. Я остановилась перед деревом с плоской, как придавленной, верхушкой. Ветви длиннющие и тянутся вширь, на них растут яркие цветы и чёрные стручки-серёжки. Я сорвала одну серёгу. Пахла она, как и всё на острове, влагой и пряностью. Сзади послышался шорох. Обернувшись, я заметила в просвете между листьями лиан чей-то глаз. Подошла ближе, и он пропал. Моё воображение тотчас нарисовало картину: Мексика, измена, страсть, слезка – полный набор для триллера. Напишу детектив! У Цезаря (трудно мне называть его отцом) это хорошо получается, и у меня должно получиться. Мне так хотелось, чтобы он признал меня и оценил. В эту минуту из зарослей лиан выскочил мальчуган. Ах, вот кто за мной подглядывал!

Вечером я отправилась в ресторан отеля – уютный, с открытой верандой. «Такого вида на закат, как у нас, нигде не найдёте», – уговорила меня их рекламная брошюрка. Я выбрала столик в первом ряду «партера» – прямо у воды, без заслонявших солнце посетителей. Но мне и так никто бы не помешал. Кроме официантов, там – никого. Один из них подбежал, распахнул крылья меню, мгновенно обслужил. Готовят там великолепно. Пока я пила белое вино (прохладное, с приятной горчинкой), уплетала креветки (мясистые, с привкусом моря), расплывчатое жёлтое пятно на небе округлилось и, поменяв цвет, превратилось в огромный мандарин. Повисев над морем, солнце упало вниз и перекаатилось в другое полушарие. Реклама не обманула: такого заката я давно не видела. Сразу потемнело, и налетели комары. Жалят они там нещадно. Их укусы – как уколы игл. Официант тут же притащил спрей от этих вампиров. «Это у нас вместо духов», – пошутил он. «Духи» помогли.

Тихо, плеск моря, вечерние запахи и звуки. Появился гитарист. Играл он вяло, делал паузы, чтобы подкрепиться вином, но потом внезапно разошёлся. То ли спиртное подействовало, то ли долго раскачивался. Слушая его, я думала о том, что Цезарь тоже на этом острове, совсем рядом. Я представила, что он входит, садится, смотрит на меня. Его сердце должно ему подсказать, кто я... Взволнованная, я пробежалась взглядом по веранде. Его, конечно, в ресторане не было, а бело-розовая женщина была. Она, как и я, ужинала в одиночестве и всё так же сверлила меня глазами. Но моё одиночество – временное. Через пару дней я вернусь домой, к Глебу. Я вытащила из сумки телефон и позвонила ему.

– Ну как, нашла отца? – сразу спросил он.

– Пока нет.

– И не найдёшь. Пустая трата времени.

Зная, что Глеб будет против моей поездки, билет на самолёт я купила втайне от него. Призналась ему только за несколько часов до вылета. Да, некрасиво, но у меня не было выбора. Если бы он приехал в Косумель вместе со мной, то всё бы испортил. «Гоняешься за призраком», – сердился он. На моё возражение, что Цезарь не призрак, а родной человек, Глеб спорил, что считать родным того, кому я не нужна, по меньшей мере глупо. «Хватит фантазировать!» – раздражался он. Доказывать ему, что фантазии часто материализуются, не имело смысла. Он бы только посмеялся.

– Значит, завтра – день поисков? – с сарказмом спросил он.

– Мне обидно, что ты не понимаешь.

– Леся, посуди сама: это нелепо. Его там нет, а даже если ты его найдёшь, что дальше? Он тебя избегает. Он же не ответил на твоё письмо. И вообще, что это за отец, который бегаёт от своей дочери?!

– Письмо ему могли не передать, в издательства же тонны писем приходят.

– Ты себя обманываешь. Ещё скажи, что он весь извёлся от тоски по тебе! Если бы он хотел, то давно бы сам объявился.

– Но это же мама не давала ему со мной видеться. Она вообще всё от меня скрывает.

– Ну, предположим, да, не давала видеться, но, если бы он хотел, его бы ничто не остановило.

Я подозревала, что его неприятие Цезаря вызвано личными причинами – его отец тоже ушёл из семьи, когда Глеб был маленький, и с тех пор ни разу не появлялся.

После разговора с Глебом я скисла. Наверное, он прав. Я живу иллюзиями. Ищу человека, который бросил меня – взял и запросто перечеркнул родную дочь, как делал с персонажами своих детективов. На вопрос читателей, зачем он расправился в конце своей трилогии с главным героем, он коротко ответил: «Надоел». Мы с мамой тоже ему надоели, и он, не говоря ни слова, без всяких объяснений ушёл. Поначалу мама утаивала от меня правду и обманывала, что мой отец давно умер. Оправдывала свою ложь тем, что оберегала меня. «Общение с этим негодяем ни к чему хорошему не приведёт!» – говорила она. Чем больше она его ругала, тем меньше я ей верила. Нет, не мог он от меня отказаться!

После ужина я поднялась в номер. Вышла на балкон. Косумель был тёмно-синего цвета, в мигающих желтоватых точках. Как будто его облили ультрамарином, а сверху сбрызнули из аэрозольного баллончика светлой краской. Звёзды-точки сливались с огнями острова, кружились, падали в море, плавали в нём. Одна приземлилась на соседний балкон и, вспыхнув, обернулась огоньком сигареты.

– Привет! – поприветствовал меня куривший там мужчина, тоже весь ультрамариновый.

Я вернулась в комнату и раскрыла ноутбук, чтобы быстро записать то, что созрело в голове, пока я наблюдала за танцующими звёздами. Но помешал телефонный звонок.

– Это вы ищете русского писателя? – раздался в трубке голос, невнятный и жующий, как бывает у беззубых людей.

– Да, я. Вы его знаете? – разволновалась я.

– Знаю, он снимает у меня комнату.

– Он сейчас у себя?

– Да, у себя.

– Я через пятнадцать минут приеду. Только не говорите ему ничего, хорошо?

– Не скажу, – прошамкала трубка. – Записывайте адрес.

Я неслась по дороге как одержимая. Ничто не могло меня остановить: ни сомнения, ни осторожность. Мой разум точно покрылся плесенью, а сердце так бешено билось – вот-вот выпрыгнет из груди и подкатится к ногам отца. Нет, не мог он так со мной поступить, не мог! Мама выдумала это от обиды, мстила ему, поэтому не давала встретиться со мной. Но зачем она продолжает меня обманывать, когда у неё уже есть новый муж? Несмотря на то, что я ей не верила, отца я не могла простить, даже ненавидела его. Но, мчась в машине по острову, рассекая синеву огнями фар, никакой ненависти к нему я уже не чувствовала. Я хотела его вернуть.

Вот наконец нужный мне дом. Точнее – хибара. Крыша с вмятиной. Перекошенные оконца. Всё косое и кривое, словно лачугу не строили, а наспех скрепили хилые стены степлером для картона. Открывший дверь субъект выглядел ничуть не лучше – потрёпанный, с пьяными глазами. Не повернуться ли и уехать? Моего отца здесь явно нет, этот поддатый мужик всё врёт, но отпустить надежду, пусть даже призрачную, я не хотела и шагнула внутрь.

Ну а то, что произошло дальше, нетрудно было предугадать. Этот тип лепетал что-то нечленораздельное, а я сидела на вонючем расшатанном диванчике (в хибарке дурно пахло), слушала его бред и, понимая, что он выманивает деньги, всё равно ждала, что случится чудо: откроется дверь – и войдёт отец. Всё это я уже переживала в уме и наяву миллион раз. Я вычитывала из блога, что он будет там-то и там-то, спешила туда, чтобы посмотреть на него хотя бы одним глазком, но его там не было. Он снова и снова водил читателей за нос. Или убегал от меня? Глеб прав: поиск отца превратился в навязчивую идею. Я уже сама не знала, зачем ищу его. Чтобы вернуть или чтобы выплеснуть ему в лицо боль и обиду? А может, моё воображение не даёт мне покоя и выдумывает сюжеты для будущих книг, в которых я – главный герой?

Пока я размышляла, что делать, помятый мужичок мямлил о том, что Цезарь вышел, скоро вернётся, что у него крупные неприятности, он скрывается от долгов, а публика на острове опасная, не любят, если долг не отдашь, что будто бы он не раз его выручал, но тот с ним не расплатился.. ну и всё в том же духе. В конце своей речи его голос ослаб. Похоже, он сознавал, что я ему не верю и вряд ли он что-то получит. Поэтому в его пьяных глазах мелькнула радость, когда я спросила, сколько Цезарь ему должен. К моему удивлению, он назвал довольно скромную сумму. Видимо, деньги были нужны только на бутылку. Я дала. Он стал суетливо благодарить, предложил выпить: «Сейчас сбегая принесу, а вы посидите здесь, подождите, ваш приятель скоро придёт». «Пока!» – оборвала его я и ушла. Легко я отделалась! Всё могло закончиться намного хуже. Никогда не считала себя трусливой, но в данном случае – это не смелость, а глупость.

Утром я позвонила Глебу сообщить, что прекращаю поиски и возвращаюсь домой. Про вчерашнее приключение не упоминала – мне бы от него влетело. Он обрадовался и предложил съездить куда-нибудь на несколько дней. Например, в Нью-Йорк. «Давай лучше в горы», – попросила я. Нью-Йорк я не люблю.

В дверь постучали.

– Ваш завтрак, – лучезарно улыбнулся мне служащий отеля.

Улыбка не сползала с его лица всё время, пока он аккуратно расставлял посуду на столе. Получив чаевые, он прижал руку к сердцу, поклонился и пожелал мне приятного аппетита. Завтрак он принёс роскошный. Особенно впечатлили фрукты – порезанные и разложенные на тарелке в форме рома-

шек. Я выдрала из одной лепесток – дольку гуавы. Её аромат и вкус не передать. В арабских сказках, которыми я увлекалась в детстве, описывались подобные фрукты – утоляющие жажду и душистые.

После завтрака я отправилась в центр. Там – давка. Только что подошёл экскурсионный корабль – многоэтажная махина, этаким небоскрёб на воде. Из него бежали, растекаясь в разных направлениях, струйки туристов и попадали прямиком в объятия владельцев лавочек. Те выстраивались перед входом в свои магазинчики в то время, когда причаливали корабли. На приезжих они набрасывались, как и жалящие по вечерам комары. Проще что-то купить, чем отвязаться от них. Я так и сделала: взяла медный браслет, который всучил мне сладкоречивый продавец. «Возьмите ещё бусы», – не отставал он. С трудом от него отвязавшись, я вышла из лавочки.

Рестораны, бистро, бары – на каждом шагу. В них тоже зазывали туристов. В одно кафе меня буквально втащила девушка с причудливой причёской: пряди её волос были разного цвета и разной длины. Она говорила с акцентом. Усадив меня на веранде, она стала уговаривать купить бокалы, расписанные местным художником. В них подавали коктейль «Маргарита» – башня изо льда с воткнутым в неё кусочком фрукта.

За столиком напротив пристроился мужчина в тёмных очках, футболке и шортах. Лицо уставшее, с возрастными складками, а фигура – спортивная. Официантка поздоровалась с ним как со знакомым, взяла заказ и побежала к новым посетителям. Пока она всех обслуживала, что-то весело напевая, солнце перескакивало с браслетов на её руках на посуду, которые она расставляла, на льдинки «Маргариты», на вилки и ножи. Здешнее солнце, как я заметила, имеет привычку бегать за всеми по пятам.

Официантка мне понравилась. Лёгкая, изящная, с разноцветными волосами, она как бабочка порхала по кафе, словно прилетела из другого мира. И я тоже находилась в ином мире, создала его в своём воображении – поверила, что отец скучает по мне. Не искать его надо, а забыть. Надо спросить у официантки, не русская ли она. Если русская, то должна знать всех здешних эмигрантов. Нет, не буду спрашивать. Я же решила прекратить поиски. Скорей всего, как говорит Глеб, я гоняюсь за собственной фантазией. Вряд ли Цезарь – мой отец. На старых снимках, которые остались у матери, на Цезаря он совсем не похож. Хотя он там молодой, мог за это время измениться. А Цезарь примерно такого же возраста, как мужчина за соседним столиком, тоже в солнечных очках, со складками на лице. На фотографиях в интернете он всегда в тёмных очках.

– Простите, вы случайно не русская? – окликнула я девушку.

– Я – нет, а вон тот господин – да, – махнула она рукой в сторону мужчины.

– Вы с ним знакомы? – спросила я – и задрожало у меня сердце, как и накануне, когда позвонил вымогатель-пьяница.

– Нет, он просто часто сюда заходит.

– Как его зовут?

– Не знаю, да вы у него спросите, он вам улыбается, – произнесла она и убежала.

Тот и впрямь улыбался. Хотя, может, не мне – из-за его тёмных очков было не ясно, на кого он смотрит. Я встала и, невзирая на решение забыть, на все свои разумные доводы, подошла к нему и спросила, не русский ли он.

– Да, русский, – ответил он.

Содрать бы с него очки и увидеть его глаза!

– Вы здесь живёте?

– Ну-у, в общем да.
– Я ищу одного человека, он тоже русский, писатель, его зовут Цезарь. Вы его случайно не знаете?

– Может, и знаю. Как вас зовут?

– Леся.

– Очень приятно, а меня зовут Цезарь.

– Цезарь? – выдохнула я.

– Ну да, вы меня искали, вот и нашли, – сказал он и снял наконец очки. Его глаза были прозрачные и сахарные, как леденцы. – Да ладно, я пошутил, меня зовут Николай. Присаживайтесь, закажем вина.

– Извините, – произнесла я. Повернулась и пошла.

– Эй, постойте, куда же вы? – закричал он мне вслед.

«Дура, дура, дура!» – ругала я себя по дороге в отель. Там, как обычно, пустынно и тихо, словно я их единственный постоялец. На пляже те же парни в широкополых шляпах возили по песку метлой, оставляя на нём ровные дорожки, – подметали. Они дружно мне заулыбались. Я кивнула в ответ, села на топчан. Подбежал официант, спросил, что принести. Он тоже улыбался. Приветливость заразительна, и я, желая сделать ему приятное, сказала, что рада снова его видеть, вчерашний ужин был восхитительный. И тут сообразила, что накануне меня обслуживал кто-то другой. Так они все похожи друг на друга, что немудрено перепутать.

Ожидая, когда принесут коктейль, я смотрела на одинокого пловца в море. Бойко плывёт. Взлетает над водой, как дельфин. Вон и сам дельфин несётся ему навстречу. Да нет, это опять заработало моё воображение. Сколько разных сюжетов можно найти на острове. Напишу про ручных игуан, про бегущее за всеми солнце, а ещё про фантазёрку, приехавшую в Косумель искать отца. Вряд ли Цезарь вообще мой отец. Как я не догадалась, что мама всё выдумала! Наверное, нашла его имя в интернете и решила: неплохая идея, почему бы не выдать его за моего отца? Иначе чем объяснить его нежелание со мной увидеться? Не сомневаюсь, что он разорвал все мои письма – четыре, а не одно, как я обманула Глеба. Принял меня за сумасшедшую фанатку.

– Я всё смотрю на вас и думаю, вы это или не вы! – раздалось на английском языке. И передо мной предстала знакомая молочно-розовая женщина.

– Вы меня с кем-то перепутали, – произнесла я.

– Разве здесь не ваша фотография? – она вытащила из пляжной сумки книгу и протянула мне – это был сборник моих сказок.

– Да, моя, – кивнула я, отчего-то смутившись. – Не ожидала, что книга продаётся на острове.

– Возможно, что и продаётся, но я купила по дороге сюда. Я путешествую, решила доставить себе такое удовольствие, я вдова, на пенсии, вот и езжу по миру... – И попросила подписать сборник. – Моя внучка будет очень довольна!

Немного поболтав, мы разошлись. Она вернулась к своей подстилке и, не боясь поджарившего её солнца, разлеглась на ней, а я из предосторожности спряталась в тень под соломенный навес. Сидела, смотрела на тихое море и думала о том, что воображение помогает мне писать, но жизнь оно портит. Часто вижу то, чего нет: в настырном взгляде этой женщины я прочла невежливость, почти поверила, что мужчина в кафе – Цезарь, внушила себе, что нужна отцу, а отца у меня нет и не будет. Самой непонятно, почему я, уже взрослый человек, бегаю по свету за незнакомцем. Да, именно незнакомцем, раз он отказался от меня. Я же не ребёнок, которому нужен

родитель, надо отпустить и забыть. Глеб прав: бессмысленно пытаться вернуть того, кто тебя не хочет. Только травить себя.

Я вернулась в номер, раскрыла ноутбук. Не терпелось поработать. Пока писала, с руки свалился браслет, который навязал мне продавец. Сломался. Я подняла и кинула в мусорную корзину. Чинить нет смысла – паршиво сделан.

Закончив, я откинулась на спинку стула и посмотрела в окно. Красота! Ради этого, а не ради отца стоило сюда приехать. Ну что ж, зайдём напоследок на его сайт. Я набрала адрес. Почитала. На остров он, конечно, не приехал – якобы поменялись планы и надо срочно лететь в Нью-Йорк на встречу с литераторами. Место и время он указал. Ясно, что его там не будет – опять обманывает.

Я захлопнула ноутбук. Походила по комнате. Потянулась к телефону позвонить Глебу, но сдержала себя и начала собирать вещи. Пока засовывала их в дорожную сумку, поглядывала на телефон. Затем, уговаривая себя одуматься, заварила кофе. Растягивая время, стала пить мелкими глотками. Я уже знала, что сделаю то, что запретила себе делать. Вышла на балкон, постояла, попрощалась с Мексикой. Вернулась в комнату и позвонила Глебу.

– Ты предлагал прокатиться в Нью-Йорк, – сказала я. – Давай! Я утром вернусь и сразу поедем.

**Елизавета
КУРДИКОВА**

МОЙ ДЕРЗКИЙ СВЕТ...

Волжанка по духу не знает греха.
Но помню, любезные друзья,
Что так ослепительно стала плоха
В унылом степном Оренбурге.

Золою, и гленом, и вешним дождём,
Жестокой, насмешливой тенью
Я канула в чахлый, больной водоём,
Воскресла невинной сиренью!

Такую не ждут, на обед не зовут,
Но в каменных стылых трущобах
Волжанка веками всё ищет приют
И песни поёт до озноба.

Мой дерзкий свет, свободный птах,
Печальник мой и друг,
Огонь в немеющих руках
И радость адских мук!

Романтик бури, снежный шквал,
Сгоревших строчек дым...
Спокоен сроду не бывал,
Зато бывал любим!

Земная горечь у виска.
И я – с тобою врозь...
Знать, неизбывная тоска
Прошла меня насквозь!

-
- Елизавета Сергеевна Курдикова родилась в 1994 году. Стихи публиковались в журналах «Гостиный двор» (Оренбург), «Русское эхо» (Самара). Лауреат юношеской номинации Оренбургской литературной премии «Капитанская дочка». Член Оренбургского областного литобъединения им. С. Т. Аксакова под руководством Дианы Кан. Живёт в Оренбурге.

Но знаю я – о том молчок,
Не то – гореть в огне! –
Как ты снисходишь, дурачок,
К равновеликой мне!..

Улыбнись, ясноглазое счастье,
Коль сбываться пока не спешишь!
Я тобою разбита на части,
А от счастья – улыбка да шиш!

Я приучена к вечному свету
И приручена к нежной руке.
Сколько радости кануло в Лету,
Насмехаясь вдали налегке!

От погибельной страсти бледнея,
Открываюсь неистовой тьме...
Что ж меня ты терзаешь, Психея,
На кровавом кромешном огне?

В царстве тени не ставшая тенью,
Не слагай своих царственных крыл!..
Лишь поэзия вечна под сенью
Равнодушно-холодных светил.

От жара щёк, пожара строк
Взрослеет бирюза...
Отчаянный даю зарок –
Не закрывать глаза!

Слепой мне было бы светлей
И веселей стократ!
Безумная, гори, не тлей,
Не уходи на спад!

Но с высоты сего костра
Мне некуда идти,
Ах, полночь, верная сестра,
И ветер на пути –

Втроём мы не смыкаем глаз,
Втроем несём свой пост...
Но день сотрёт со света нас
И бросит на погост.

Ах, жизнь моя, к тебе на грудь –
В долину смертной тени.
И мне никак не обогнуть
Диагональ смятений!

И напоследок – видит Бог,
Что я ничуть не трушу –
Передаю через порог
Отверженную душу.

Удавкой вверх иль в омут вниз,
Дороги третьей нету –
Такой заманчивый круиз
От преисподней к свету.

На высоком северном ветру
Поцелуй солнца с губ сотру.

В сотый раз услышу свысока
Лёгкое, небрежное: «Пока!»

В сотый раз прижаться я хочу
Напоследок к твоему плечу!

Напоследок – к сердцу твоему!..
Дура душой, сраму не иму!

Нет, до конца не пройдена
Страшная эта игра..
Ты прощевай, моя Родина,
Ты почивай до утра!

Даль у тебя безысходная,
Многоязыкая речь..
Ах, неужели ты, рódная,
В руки вложила мне меч?

Слёзы стирая вечерние,
Добрая Родина-мать,
Ты окаянство дочернее
Не поспешай мне прощать!..

**Антон
ХАЛЕЦКИЙ**

ФЛОРИСТКА

Выход из метро, и вот он – торговый центр, а в нём наш павильон. С торца здания отдельный вход.

Торговый центр совсем небольшой. Не шикардос, конечно. На углу шаурма, дальше радиорынок и ставки на спорт. Ещё есть «Продукты» и салон красоты. Выше – «всё по сорок семь». С другой стороны открыли суши-бар, и на третьем этаже – кафе в стиле лаундж. Вот и всё. Ну, и мы внизу, естественно.

На асфальте у первой ступеньки (рядом с электрощитовой, дверь которой украшена граффити) всех встречает выкрашенный в сиреневый старый велосипед. На седле – ящик цвета такой же сиреневой лаванды. На руле – деревянная вывеска.

Всю эту романтику «а'ля Прованс» немного портят массивные треугольные стойки, что лежат на земле. К ним надёжно приварены колёса велосипеда. Чтобы не спёрли ночью пьяные гоблины. Непонятно, кому нужна техника, у которой все подвижные части в толстом слое краски. Сиреневой. Но жизнь показывает – находятся любители.

Восемь ступеней направо – и мы у входа. На любимую работу. Магазин для своей категории обычный.

Заходишь – и на тебя с четырёх сторон обрушивается всё сразу. Плетёные куклы в народном стиле, подсолнухи, корзины, корзинки, шкатулки. Такая типа искренняя простота. «Фальшивый заяц», – как говорит Валентина – «тётя Валя», наш старший менеджер-флорист и моя сменщица. Как я понимаю, цитата какая-то.

Ещё есть конверты-открытки. Маленькие коробочки подарочного мыла. Всякие там цветочные горшки, удобрения и так далее. Здесь же ключницы в прихожую. Китайский пластик изображает деревянные вещицы ручной работы.

Слева от двери – упаковочный стол. За ним прячутся наши сумки, всякие обрывки лент, ККМ, тетрадка продаж. И, конечно, чайник с микроволновкой – наши спасители. В углу – мой самокат (очень удачно взяла на «Авито», теперь я крутая – с апреля по октябрь на метро не езжу).

-
- Антон Борисович Халецкий родился в 1979 году в городе Подольске Московской области. Окончил юридический факультет МГОУ. По специальности работает с 1998 года. Занимал рядовые и руководящие должности в юридических подразделениях. Работал в консалтинге, фармацевтике, на производственных предприятиях. В настоящее время – юрист аудиторской компании. В литературно-художественном журнале публикуется впервые. Живёт в Москве.

Рядом, на тумбе в углу, – весёлая коробка с большим набором упаковочной бумаги. Рулоны, ленты, сетки всякие... Ну, вы поняли.

На стене под самым потолком – сюрприз! – «уголок покупателя». Это чтобы жалобную книгу нельзя было достать. Она как бы есть, пожалуйста. Рафик Эльдарович распорядился, брат его Сейран посоветовал. Пока проканивает. Сами понимаете, случаи в розничной торговле – разные.

Рядом с жалобной книгой висит плюшевый медведь. Огромный, серый и хмурый. Мое мнение: это уже совсем для вольтанутых. Пылесборник.

Ну, и сами цветы есть, конечно.

Справа во всю стену – холодильник.

Подходим, смотрим сквозь стекло, выбираем по вкусу. И по лаванде. По деньгам, я имею в виду.

Тут тоже всё стандартно. Как у многих. Сверху на полках готовые букеты. Дежурные, так сказать. Это кому совсем неохота загоняться и включать мозги. Такой букет – уже «законченный» товар. Здесь типа всё учтено: базис, концепция, доминанта, декорировка, цвета первого-второго-третьего порядка («Да! Я в этом шарю!»). Всё есть, включая упаковку, а главное – сумма на ценнике уже не увеличится.

Внизу, в холодильнике, – высокие вёдра-вазоны из серого пластика (в них во всех воду я уже сегодня с утра поменяла и пол везде вымыла). Здесь наш главный товар. Живые цветы охапками. Поштучно и ветки.

Рулят, понятно, розы. Вот пафосные, тёмно-красные.

Берут огромными букетами: преподносить после концертов – звёздам эстрады; дорогим любовницам – дарить перед сексом; на юбилеи – нужным, серьёзным людям в форме и так, со значками на лацканах.

К нам друзья нужных людей, конечно, не заходят. Мы на окраине. Это я прикидываю целевую аудиторию. Ха-ха!..

Зато точно знаю: такие розы берут на официальные мероприятия – выставки, презентации, всякие там модные показы, награждения.

Помню, приходили две такие девчонки. Чуть старше меня. Нарочито простая, внешне будто туристская одежда (на самом деле реально дорогая – отвечаю), маленькие, изящные тату на пальцах, косметики как будто нет, но это тоже иллюзия. («Натюрель-стайл, девочки!.. Хотя нет, сейчас принято говорить «нюд».) Фразы чёткие, но интонации небрежные: «...Да, это будет как бы офлайн мастер-класс в коворкинге. Саммари: наполнение контента, продвижение аккаунта...»

Короче, бабы, это вам не жизнь за МКАДом. Мирового масштаба вопросы решаются! Аккаунты двигают! С понтом москвички. Я так прикидываю, уже лет шесть-семь...

А в детстве у них (как у меня) тоже были половицы в доме и туалет на улице. И ходили они не в аквапарки, а на речку за пригорком. По просёлочной дороге. И мылись в потемневшей бане. Ещё дед строил.

Что-то подсказывает: я всё правильно вижу. Есть неуловимые признаки. Правда, здесь в любого можно ткнуть и сказать: «Неместный!» И почти всегда не ошибёшься: Москва – город приезжих...

Следующий номер в нашей программе. Розы белые. Это чистое уважение. По легенде, выходила Афродита из моря, и пена превратилась вот в такие белые розы.

Покупают родители – учителям, например (и конвертик можно туда же).

Ладно, поехали дальше... Розы чайные и персиковые. Эти хорошо берут мужчины своим матерям. Которых видят нечасто (даже если те живут в двух часах езды). К которым вырываются из круговерти бесконечных дел. Тут

тоже могут взять сразу много. Наверно, из резко нагрывшего чувства стыда. Типа пытаются скрыть неловкость суммой, потраченной на цветы. Матери, ясно дело, как всегда, всё понимают и, как всегда, всё прощают своим детям.

Такие розы ещё берут жёнам, с которыми лет сорок прожили. Как-то дядечка один заходил, в годах. Приличный, немногословный. Но видно: придаёт значение. Тому, что покупает. Эти люди, правда, нечасто цветы домой приносят. По праздникам. Дело тут даже не в деньгах. Просто нет привычки в семьях. Но всё равно. Всех благ, как говорится...

Что у нас ещё? Гвоздики. Хризантемы. Герберы. Астры...

Герберы – это да! На позитиве цветы. Разноцветные ромашки. Думаете, они к нам так по одной накладной все и приходят, без деления по цветам? А нет, не угадали! По отдельным товарным, или упэдэшкам.

Их тоже хорошо дарить жёнам. В нормальных, не распавшихся за первые пять-десять лет семьях. Когда оба в душе ещё молодые. Но уже типа с опытом. Притёрлись и не скандалят по пустякам, а просто чтобы выпустить пар. И вообще уже не скандалят.

Но... такое нечасто. Раз сидела в Инете, прочла: разводов сейчас пять-десять процентов. Мать моя женщина!.. Как у нас в городке любят говорить: «Ну что, ребята, подали заявление на регистрацию? Подавайте сразу и на развод! Чего тянуть-то?» Беспонтовые шутки, я считаю.

А так, пока лето, свадьба – это хорошо! Тепло! Невесте не надо придумывать, что поверх свадебного платья надеть. Чтоб потом чёрную кожанку младшего брата не напяливать. Судорожно на ветру.

Осень, правда, уже скоро...

А к первому сентября, конечно, очень хорошо идут гладиолусы. Это понятно. Родители – детям в первый класс. Первый раз в первый класс. Сама как вспомню, так вздрогну. Вот точно в «Уральских Пельменях»: «...Прозвучал приговор семилетней девчужке. Ей дали одиннадцать лет...» Всё как есть!

Я раз видела, как дети в этот день цветы несут. Все по-разному, между прочим. Некоторые как знамя своей страны на открытии Олимпиады: с радостным волнением. А один мальчик, наоборот, с недовольным горьким видом выдёргивал из букета по одной астре и топтал ногами. Пока никто не видел. Ну что ж, родители не подготовили морально к школе. И к жизни. Родители сами, возможно, такие же были и остались...

В школе ещё последний звонок – тоже наш праздник, в смысле покупательской активности. А кроме последнего звонка весной есть ещё один всплеск продаж. Грех, конечно, так говорить... Это день, когда в основном не дарят, а возлагают. Красные гвоздики.

Валентина по этой теме любит пройтись. Иногда ворчит как бабка старая: «...Молодёжь о Великой Отечественной что-то знает, но это как война с Наполеоном. Да, было, но уже далёкое и непонятное. Кому сейчас двадцать, те участников войны не застали. А мы – поколение семидесятых – их внуки. У нас отношение другое...»

Не знаю, какое там другое отношение. Даже бабуля моя – та вообще пятидесятого года – сознаётся: она в детстве тоже не особо слушала, как батя её, прадед мой Николай, о войне рассказывал.

А двоечников, которые вообще никаких дат не помнят, всегда хватало.

Нормально всё. Вон следопыты в лесах копают. (Один сапёр по-любому в отряде должен быть, до сих пор так...) Реконструкторы в страйкболе. И вообще, сейчас военной историей многие пацаны интересуются. Хотя бы через игры, типа «Ил-2» или «Т-34 vs Tiger»...

М-да...

Из цветов у нас ещё всякая экзотика. Немного, правда. Лилии, орхидеи, лотосы. Но это уже дороже. И на любителя. Типа как мулатка в «массажном» салоне. Кто-то именно таких любит. Короче, не для всех цветов.

А к Международному женскому дню – девочки, держитесь – ТЮЛЬПАНЫ! Это жуть!.. «Стопятьсот тыщ» тюльпанов везут из Голландии и Краснодара. Каждое Восьмое марта каждого года принадлежит всем женщинам, но только не нам!

«Праздник» начинается за неделю. Арендованы дополнительные склады. Закуплены зелень и упаковка. Набирают дополнительный персонал. Под это дело специально приезжает рабочая сила из других городов, из Белоруссии и Молдовы. Поднимаются розничные цены..

Тюльпаны уже сразу скомплектованы в букеты по пять. Уже обрезаны «ноги». Уже обвязаны резинкой и завёрнуты в дешёвый прозрачный целлофан (мы потом всё равно переупаковываем – допнаценка). Стоят такие тюльпаны уже даже не в вёдрах. В ящиках! Один на другой. Штабелями в человеческий рост! Занимают всё пространство. Чтобы хватило с запасом, как консервов на армейских складах.

В самые жуткие дни, с четвёртого по седьмое, мы тоже как на фронте. Держим оборону. По пятнадцать часов в день. Ближе к восьмому мы всё делаем, но уже не понимаем, что делаем. Ничего не соображаем. Всё на автомате. Руки берут базис и крутят сами по себе. Голова отключается. Тут уже нет никакого творчества – только тупое, машинное, конвейерное производство.

«Артикул. Количество. Упаковка какая?.. Деньги! Сдача!.. Нет, заранее заказать сегодня уже нельзя.. Артикул. Количество...»

И это только тюльпаны! Плюс мы делаем всё то же, что обычно. Только намного больше и на большем нервяке. Зачищаем розы от шипов. Орхидеи ставим в трубки с водой, а ландыши – в губку, в пиафлор. Составляем букеты. И пакуем, пакуем, пакуем..

В больших цветочных магазинах очереди как в гипермаркетах на Новый год. За три дня хозяева делают пятнадцать процентов годового оборота. Спрос увеличивается в шесть, в восемь, в десять раз!

Да, мы тоже знаем, за что страдаем. Да, в прошлый год я за три дня заработала как за месяц. Правда, если по чесноку, всегда рассчитываешь на большее. Я сейчас безо всякой борзоты. Штрафов в эти дни тоже больше среднего... А здоровье твоё вообще никто не считает – оно же ничего не стоит, здоровье хорошее. Особенно в молодости.

Я слышала, за границей флористами часто работают мужчины – типа это «тяжёлая физическая работа». Ну, не знаю, какие мужики здесь на это подпишутся. Даже за хорошие праздничные надбавки. Мне кажется, у нас в стране только женщины такое вывозить могут..

Но это ладно. Сейчас, в принципе, все так вкальвают. Что далеко ходить! Вот та же тётя Валя. У неё дочка Ленка. Бухгалтер. Казалось бы, белая офисная работа. Так она в отчётный период один раз пришла, как обычно, к девяти утра. А встала из-за стола в полдень... следующего дня. Так-то...

Ломает, что мужчины, которые в женский праздник стоят в очередях, – тоже все на автопилоте. У них в голове схема. Им, самым активным, надо всех остальных мужиков собрать. Тайком от женщин. Пошуметь, что те им две недели назад – к двадцать третьему февраля – какую-то хрень копеечную подарили. («Хотя этих тёток, блин, в шесть раз больше!») Потом надо всех убедить: «Давайте сохраним лицо». Посчитать, сколько надо подарков. Потом – сколько денег. Собрать со всех. Заказать. Оплатить. Прине-

сти. Выдавить из себя два слова... Подарить... Всё, слава Богу, отмучились до следующего Восьмого марта!

Сейчас эти ребята и дядьки на работе бухнут – и домой. Метро, пересадка, электричка, автобус, остановка, подъезд... Эх, всех при желании понять можно!..

Надо только силы где-то брать – на «понять». И время, когда обо всём об этом думать.

Вообще, я слыхала, время – это, как его... производная от энергии, что ли? Типа, если нам что-то очень важно и интересно, мы концентрируемся и делаем, не отвлекаясь. И времени уходит меньше – на такой же объём работы. А что? В принципе, так оно и есть.

Вот реально, людьми правят две вещи: либидо и чувство собственной значимости. Мудрая всё-таки тётя Валя. Сама, правда, говорит, это не она, а Зигмунд Фрейд обосновал. А что? Очень даже похоже на правду. Пацанам часто хочется просто трахнуть и изобразить крутизну. Сразу после, например. Так что в этом смысле я с Фрейдом согласна на все сто!

Не, я ничего не хочу сказать. Ребята иногда встречаются очень даже умные и воспитанные. Помню, накануне Дня святого Валентина заходили двое. Лет по двенадцати, правда. Совсем ещё дети. Они, в очереди пока ко мне стояли, всё в какую-то игру играли: «две коровы», «одна корова»... Ну, чисто на словах. Типа как толкинисты. Я вообще не въехала ни грамма. А так, ребята симпатичные. Такие на стиле. Спортивные. Правда, слишком уж причёсанные (с гелем), чистенькие и томные. Непонятно, будут им девушки нужны вообще или нет? Хотя, это же Москва! Здесь теперь даже взрослые семейные мужчины такие. Типа очень ухоженные, чуть брезгливые, немного инфантильные и реально несмелые (если вдруг ситуация какая). Хм!.. Так что с теми мальчишками ещё ничего не известно. Может, будут потом нормальные, традиционные... Насколько это вообще возможно.

Эти двое тогда, помню, взяли по горшку. Один – с белым спатириллом, другой – с фуксией (эта была пурпурная, но вообще они разные, видов тридцать есть, что ли).

Фишка в том, что горшки, «типа дизайнерские», дороже цветов. Победа формы над содержанием!

А так, вообще, цветок в горшке – нормальный европейский подарок. Для нас эта категория – тоже тема. Перевозить и хранить проще (это ж не срезанные). Не так затратно. Но – медленные деньги, товар не так быстро уходит.

Для людей же – атмосфера, интерьерчик. Кому-то даже друзья (женщинам пожилым одиноким). Просто ухаживать надо уметь и хотеть. («Мы в ответе за тех, кого приручили». Кто сказал – красава! Респект!) Когда пересаживать, как поливать-опрыскивать, как влажность в помещении зависит от времени года и страны происхождения цветка... Короче, при желании можно освоить.

Спрос тоже нормальный. Офисы, учреждения, школы. Сейчас детских садов частных много. Дошкольные развивающие центры (тоже, уверена, нормальный бизнес).

Вот что хреново: окон у нас в павильоне нет, дверь матовая и свет искусственный. Но – зимой тепло: здание всё-таки.

Тётя Валя рассказывала, раньше вообще в холодных стеклянных ларьках сидели. Пока официально все объекты торговли не стали стационарными. А тогда зимой обогреватели не помогали. И пялились на них целый день. Сидели, говорит, как рыбы в аквариуме.

Так что у нас ещё очень даже ничего.

Здесь, правда, люди тоже по-разному смотрят. Есть такие, кто вообще в глаза не глядит. Задают вопросы, расплачиваются и даже головы к тебе не повернут. Типа, я ассистент регионального менеджера и точно выше тебя... по социальной лестнице, дура! Стоишь тут целый день, в цветочках своих и в земле ковыряешься. Сама полы моешь, сама мусор выгребаешь... На самом деле, всё ясно. Это он отыгрывается за то, что его старшие менеджеры на работе чморят. Зато здесь он герой! КЛИЕНТ!..

Но мне пофиг. Я в свою сторону такого не чувствую. У меня чёткая установка внутри. Я не щербнем торгую, я несу людям радость. Живые цветы ненадолго, но их всё равно дарят. Философия! Вот, например, принёс мужчина домой три цветка, и отношения с женщиной – чуть-чуть теплее. Главное, чтобы он искренне. И не выглядело как взятка или отступное, типа: «Не трогать меня сегодня. Я поел, лёг и смотрю телевизор».

Так что без установок в нашей работе нельзя... Но, наверно, все себя втихаря уговаривают, как могут.

Когда совсем лажа случается (недостача или поставщик, падла, обломанные венчики подсунул, а я проглядела), уговаривать становится сложнее, конечно.

Ладно, прорвёмся.

Тётя Валя говорит: читай, Машунь, этого... Эдика Берна... или нет, как-то иначе... Во – Эрика Берна! «Игры, в которые с нами играет жизнь», что ль, вся суть человека показана, сразу всё поймёшь.

Ну, я сроду таких умных книг не читала! «Игры грешниц Запроливья» вон валяются в ящике. От девчонки осталась, что до меня здесь была. Августа-Фредерика Брест-Литовская какая-то. Но это вообще ни о чём. Пилорама сплошная, между эльфами и людьми.

Я что хочу сказать... По жизни и без книг уму наберёшься, если приехала и надо как-то выживать.

Валя тоже когда-то так приехала. Тоже с Волги. Но юго-восточнее. Из Саратова. Бывшая учительница – тётя Валя.

Помню, вначале всё прикалывалась надо мной. Я на ценниках, в документах писала: «компазиция» и «срезаны цветы». Ну, не знаю. Думаю, не это главное. Я ж не учительницей русского сюда пришла. А сейчас у меня даже акцент ма-а-а-сковский появился (и в Нижнем, и в Семёновске замечают). Пропала нижегородская тональность!

Если сравнивать с тётей Валею, у меня вообще – профильное образование, если на то пошло: бакалавр ландшафтной архитектуры. НГОУСУ, Нижний Новгород.

Но образование – это, конечно, ещё не пропуск в Кремлёвский музей-заповедник.

Я, когда из своего Семёновска уехала и в универ в Нижнем поступила, что думала? Вот сейчас мы учимся. Потом я приеду в Москву, и меня мгновенно на престижную работу возьмут. Заместителем директора (я с улицы найду, такая умная-красивая, меня сразу полюбят и примут). Буду заниматься авангардным ландшафтным дизайном. Через год пошлют на стажировку. В Версаль или ещё куда. Подучусь немного и потом, лет в двадцать пять, свою фирму открою. Элитного ландшафтного дизайнера! Самую пафосную в Москве.

Наверное, мы на курсе все так думали. А в основном вообще ни о чём не заморачивались. Ну а что? Приехали все из райцентров – население десять-двадцать тысяч. Для нас Нижний – это уже Нью-Йорк. Шутка ли, миллион с четвертью живёт! Всё, жизнь удалась! Вечером идём шляться

на набережную, к Волге, а в голове – одна сверкающая каша и полная уверенность во всём. Самое лучшее время в жизни – студенчество...

В реальной жизни всё несколько сложнее, конечно... На всех царско-сельских заповедников с версалями не хватает.

А тётя Валя – молодец! Всё шутит: «Засчитайте мне докторскую по психологии за девятнадцать лет здесь, при цветах!» (кандидатская у тёти Вали, вроде, и до того была). Это правда, поддерживаю. Год поработаешь в рознице и начнёшь разбираться в людях. Хочешь не хочешь.

Живой пример. Мужчина один, с обручальным кольцом, такой нормальный дядька, не старый ещё, каждые две недели цветы покупал. И так прилично всегда. На тысячу, на полторы (я сейчас не о деньгах, конечно). Потом вдруг стал меньше брать. А потом по одному цветку. Похудел. Глаза тусклые. Ссутулился. Но всё равно ПРИХОДИЛ И ПОКУПАЛ. Правда, потом месяца два не было его совсем.

Тут, как говорится, не надо быть экстрасенсом. Работу потерял и найти долго не мог. А жену он очень любит и уважает. И вот пришёл снова. В новой рубашке и хороших джинсах, весёлый такой, уверенный. Глаза искрятся. Взгляд твёрдый. С пакетами из магазинов. И цветов купил. Даже больше, чем обычно. Роз маленьких. Кустовых. Тут тоже всё ясно: новую работу человек нашёл, и всё у него стало налаживаться.

Я чуть позже курить на крыльцо бегала. Видела. Тот дядечка в «Продуктах» торт ещё взял. Идёт, букет к сердцу так прижимает, гордо и бережно. Как ребёнка. Я тогда в три затяжки всю сигарету сожгла. Вслед смотрела. Повезло какой-то женщине...

А вот совсем другая «картинка с выставки».

Помню, в воскресенье ещё до девяти подходит (кто ж из нормальных людей в выходной встаёт так рано!). Подходит, значит. Как-то суетливо. Стоит такой. И оглядывается, бодрится. Ухоженный. Одет дорого. Но сейчас помятый, небритый и встрёпанный. Зубы сегодня ещё не чистил. И перегаром от него несёт. Стопудово дома не ночевал. Такой дикий у него сегодня «гудмонинг»! А ночка явно жаркая была. Это я чувствую. И прям вижу, как чужая, случайная баба в прихожей с утра ему волосы оглаживала и в шею целовала. За ухом. Сс-те-э-рр-лядь...

У меня отец семь лет назад к такой уходил. Мама, было, попивать начала. Но я это мгновенно пресекла! Безо всякой наркологии. Этот блудный... через год потом на лестничной клетке на коленях ползал, на кафель плашмя ложился. Вернуться хотел...

А кобелина тот утренний ОЧЕНЬ много роз взял всяких, без разбора. Сколько смог унести. В охапку, как ковёр. Я ему самые дорогие прорекламиривала. А как же! Картой платиновой расплатился. Два раза, помню, ошибался с пин-кодом. Смотрю, пальцами хрустит. Губами дёргает. Плющит его. В телефон лазил, пин-код смотрел. Давай, думаю, ещё раз не то набери – заблокируется карта, посмотрим, что ты дальше делать будешь.

Нет, ну серьёзно! Вчера леваком где-то потрахался. Сейчас цветочками откупится, и вообще всё нормально! Какая женщина такое терпеть будет, мне вот интересно?! Лично я бы сразу ушла. Или прибила. Ночью сковородкой, пока спит.

На этот случай Валя того Эдика-Эрика цитировала. Мол, у таких мужчин и женщины, как правило, соответствующие. Терпят. И ещё этим упиваются. Типа, смотрите, какая я мученица святая! Игра такая – с выигрышем.

Короче, смысл в том, что хищник ищет жертву, и жертва делает то же самое. Прикольный расклад...

Вообще, этот Эдик-Эрик – неглупый дядька, я смотрю. Может, правда потом читану... в будни с утра народу меньше, можно – для общего развития... Надо только на телефон скачать. Найти откуда...

А вот ещё один случай. Запал в душу. Пришёл молодой человек лет двадцати восьми. Тихий, в строгом костюме и в очках. По глазам видно, что не тюлень. Есть стержень. Стоит себе скромно, выбирает (потом оказалось, начальнику на работе – пятьдесят). И что-то меня торкнуло, девки. Взгляд открытый, и улыбка светлая...

И тут звонок у него на мобильном. Тоже простой, строгий, без мелодии. Ну, он же рядом стоит – всё слышно:

«Лена? – Он такой прям удивился. – Привет... Я? Нормально... Сейчас где? В аудиторской фирме, уже пять лет. А ты как?..»

А там голос в трубке такой независимый и требовательный. Будто не она просит. И не она сама сейчас позвонила... через пять лет!..

Это он стоит, удивляется, а умному человеку всё ясно! По десяти словам. Тут больше и не надо! У меня просто шторы упали. Хотелось через стол перепрыгнуть, телефон у него вырвать и перейти на лексику:

«Слышь! Сюда слушай! Да, была у тебя в институте такая... королева драная. Стерва. Первая твоя настоящая любовь. И главное – разные вы с ней совсем. Она смеялась. Издевалась. Разрешала подарки дарить. Только не любила, не уважала и за человека тебя никогда не считала. После института пять лет потом не объявлялась, не писала и не звонила. А теперь у неё – ой, смотрите – что-то случилось. Работу потеряла или ещё что... И заметьте: всякой рвани, с кем обычно спала, она не позвонила. Она кому надо позвонила! Резко вспомнила, что был такой мальчик. Который не откажет.

А у тебя всё нормально! Ты уже младший аудитор. В солидной фирме. И машина у тебя какая-то есть. И однушку в Химках взял в ипотеку. Молодец! Метро туда скоро подтянут... Найди ты себе нормальную девку! Можно такую, типа меня... А я все твои книжки прочту... и пойму... и курить даже брошу!»

Так, успокоились...

Кто следующий?

Мальчишка, школьник ещё. Денег у него совсем мало, а подарить хочется. Они сегодня в кино идут, а потом гулять куда-нибудь. Да... Школьная любовь – это да. Мир вокруг – вдруг другой. Обострённая новизна! Прыжок в водопад. Чувствуешь, что ты уже девушка, не пацанка с грязноватыми ногтями. Тебе улыбаются солнце, машины и собаки. Учёба побоку. С родителями напряг. Мысли только о НЁМ. У мальчика – то же самое (но обычно ещё жёстче). Длинные разговоры по «домашнему» или по «вацапу». Бесконечная примерка одежды перед свиданием.

Исхитримся, сделаем скидку. Эх, мне бы кто сделал скидку на что!.. Удачи тебе сегодня, пацан! Может, эти отношения ненадолго, но в памяти навсегда останутся. Всё пронзительное не забывается! Даже если потом разрыв – подростковая трагедия, хуже смерти, полгода отходишь...

Встряхнулись, не залипаем!..

Да, каждый день – свои заморочки. Бывает, реально приходится шевелить мозгами.

Парень один такой приходит и говорит: «Короче! У двух девчонок на работе день рождения. Одной тридцать, она такая спокойная вся. Второй двадцать три, та, наоборот, зажигалка. Вот есть столько-то денег».

Я тогда прикинула и предложила ему один букет белых хризантем, а для той, что помоложе, – цветные герберы. Даже самой понравилось. Парень тоже доволен остался.

Нет, покупатели – они все разные.

Однажды пришли двое. Такие, андеграундные, типа хипстеров. В сюртуках, прикиньте! С саквояжами... как у врачей при царе! И с тростями. Я в ауте! Принесли кучу новых разноцветных носков, попросили из них букет сделать. Стояла, как больная, делала. Ощущала себя горничной из турецкого отеля. Ну, которые лебедей крутят из полотенец. Но заплатили тогда хорошо, даже сверху.

Конечно, реально богатые сюда не заходят. Они на одностраничных сайтах – на лендингах – цветы заказывают, не слыша запаха и особо не вглядываясь.

Но просто с деньгами люди, конечно, бывают и у нас. Или которые очень хотят всем показать: деньги есть. Это из породы тех, кто может купить уштанную премиум-иномарку старше меня возрастом. А на бензин денег уже нет. Совсем. Могут только внутрь залезть. Завести..

Самый ржач: именно такие берут цветы корзинами в целлофане. Прдемонстрировать «состояние состояния». Иллюзию. Такой хорёк может своей женщине цветы покупать и одновременно тебя всю оглядывать и обнюхивать. Пока его законная половина где-то далеко. Понимаешь... Некоторые даже подваливают, почему-то косят под крутых «из девяностых»: «Слышь, сестрёнка, типа, чё по чём, до сколько работаешь? Может, того, посидим где, отдохнём? Водки выпьем...»

Ну, мне такие что-то совсем не в тему.

Не люблю красные мокасины, и вообще...

Ещё приколы. Именно такие покупатели любят крашенные розы! Вот это меня просто в тупик ставит. Не могу вкурить.

Я начальству сколько раз говорила: «Рафик Эльдарыч, зачем золотой краской розы красим? Они же и так красивые!»

А он: «Э-э, ничё не панимашь в бизниси! Рас бирут, значит, делый. Спрос, типа, раждаэт прэдожениэ. «Капытал» Карл Маркса! Слихала?»

Я говорю: слыхала, но, правда, совсем не уверена, что так можно людей воспитывать. А мы их именно воспитываем! Мы, глянец и Инет. Это красиво, говорим мы. Они и верят. Сами-то люди уже давно ни о чём задумываться не хотят...

Ах, каких только цветов к нам в павильон не привозят!..

Только куда им до дедовой мальвы. У деда моего в деревне под Семёновском такая мальва росла в палисаднике!.. Ещё золотой шар и календула... Нет, дед с бабулей оба живы, дай Бог здоровья. И цветы у дома растут те же. Я просто выросла. Когда приезжаю, не воспринимается многое, как раньше. Да всё равно таких цветов здесь нет. Может, немодные. А может, мальва не продаётся. Типа, как детские воспоминания...

Так что как-то так. Но я не плачусь и ни о чём не жалею.

Вон, на «трёх вокзалах» молдаване под цыган работают. Они так любят выражаться: «Кто обернётся, тот всё враз потеряет». Мне эти слова Хозяйку Медной горы напоминают из детства. Она Даниле-мастеру на прощанье то же самое говорила. Да...

Вы не подумайте, я не озлобленная. Просто, бывает, накрывает. Когда руководство со штрафами драконит. Или на работе шесть дней подряд по двенадцать часов...

Тётя Валя, бывает, как приболеет, так ни кофе, ни энергетики уже не помогают. Реально думаешь: не вывезу... Есть, конечно, разные средства. Девчонка знакомая, там же, на Казанском, в общепите работала, так она подсела на стимуляторы. Типа, бодрит, работаю и совсем не устаю.

Но там как раз плохо всё закончилось. Сначала – стимуляторы. Потом, наоборот, «маруся», дальше – «медленный», и в конце – «крокодил». А он самый дорогой – за него, как говорится, конечностями расплачиваются. Отмирание тканей. Нет, это не вариант... Нам такое не катит.

Вот в такие минуты хочется просто взять и упасть в минорные интонации. Всё у нас не так, на работе всё не так, и страна не та. Хочется, чтобы всё само собой вдруг наладилось. Хочется думать: пусть подвалит немного глупой удачи...

Чтобы вот зашёл тот мальчик-аудитор, поговорили. Он бы меня пригласил куда. Сначала, например, на выставку (можно в ЦДХ), потом в кино, потом ещё куда... Стали бы встречаться (а не просто спать раз в неделю). Съездили бы на море. Мне же полагается отпуск официально! Я бы очень правильно себя вела. Без закидонов. Без всяких там – «давай, оплачивай мои счета», и так далее. Потом бы поженились. Я бы детей ему родила. Девочку старшую и мальчика года через два. Потом открыла бы фирму. По ландшафтному дизайну. А он бы мне цветы домой приносил. Мальву...

Я только думаю: говорить, что под следствием и судом была, или нет? И когда говорить? Когда второго ребёнка от него уже ждёшь?!

Не, не напрягайтесь. Я машин не угоняла и телефоны не отжимала. Всё проще.

В Нижнем ещё, когда учились... от девчонок знакомых, от местных, возвращалась поздно... Хотела на такси сэкономить. Немного совсем до автобусной остановки не дошла. И вроде не девяностые сейчас. Хотя и менты, и врачи тогда сказали: не во временах дело. Такие всегда себя проявить могут. Детская травма, отклонение в психике, всё такое...

Я что хочу сказать... Тогда всё ещё очень удачно получилось. Отвечаю!.. Я же дома ещё, в Семёновске, на карате с шести лет ходила. Кандидат в мастера (курить-то я уже в СИЗО начала). Он ещё упал как-то неудачно. Оформили – «необходимая оборона»! Без превышения. Приговор оправдательный. Родственники у него даже гражданский иск хотели подать. Трэш...

А самый прикол, знаете, в чём? У нападавшего тоже всё хорошо! Да! Из комы вышел, но крыша поехала – теперь всю дорогу у себя в палате в кубики играет, никаких ему забот. Врачи сказали, удар головой спровоцировал какую-то там хрень в деятельности мозга. А главное, старых воспоминаний больше никаких нет, и спит хорошо. Не гнетут воспоминания (если про него вообще так говорить можно).

Четырнадцать эпизодов еще выявили, сходных по почерку. Больничка у него, правда, крепость. Просто судить теперь нельзя. Признан невменяемым...

Народ, я тут зависла и сама с собой треплюсь просто потому, что покупатель сейчас нет. Предвечернее время. Стою и курю на крыльце у входа. Такие минуты – самые светлые за смену. Время принадлежит только мне. Свобода! В ушах – «Ленинград». В лёгких – дым. Ветерок летний – в лицо, короткие русые кудри мои гладит. Курить – солнечные очки не надеваю. Загадочно щурюсь от солнца и сигаретного дыма. Я красивая, подтянутая и очень молодая. Сейчас ещё нижнюю губу чуть-чуть качну (я где-то акцию видела) и буду просто огонь! Чикса!.. Ой, из-ви-ни-те! Так в Москве уже тоже не говорят. В Москве теперь говорят: «мадонна»...

А вообще, вон кто-то конкретно к нам идёт от метро в тёмном костюме и очках. Блин! А у меня руки, как всегда, сухие от воды, и шипами исколоты. И маникюр уже кое-где облупился! А ещё сегодня тени под глазами, и простуда на губах вылезла. Корвалол, я смотрю, от этого ни фиги не помогает! Это вот, девочки, совпадёт так совпадёт!

Так, без палева! Я сейчас метнусь на рабочее место и за две секунды накрашу губы, не смотрясь в зеркало. Ок! Думаю, незаметно.

Короче, я на работе посторонних разговоров не веду! Все разговоры только с покупателями и желательно о товаре!

Колокольчик на входе. Заходит... Не ошиблась я. Младший аудитор...

Так! Выдохнула! Улыбнулась...

– Здравствуйте, Андрей!

– Здравствуйте, Мария.

*Декабрь 2018 г.
Москва*

**Натэлла
ЛЕВИЦКА**

ПРИЯТНО БЫТЬ РАСТЕНИЕМ В САДУ...

У Марии
красивые туфли,
отражающие –
по ходу следования –
блики солнца,
облака
и улицы
в перевёрнутом их
значении,
словно мир
весь
с его многосложностью
к ногам её
без остатка брошен,
и даже лужи
грозы коротенькой,
словно лайнерами,
переплываются
ими.
Кажется, что идёт
Мария
по небу, по облакам,
по солнцу..
Вот такие
новые туфли –
красивые,
как сама
Мария.

● Натэлла Левицка живёт в Саратове. Стихи и проза публиковались в журнале «Пражский Парнас» (Прага, 2016–2018), в сборнике «Глагол» (Москва, 1992), альманахе «Чудеса и приключения» (Москва, 2007–2009), в журнале «Волга–XXI век».

Неправда.
Жизнь дана
не в дар,
в ней всё оплачено
с лихвою.
А даром – лишь
свечной нагар
и треск лампад
над головою.

Приятно быть
растением в саду
и деревом,
что умирает стоя,
приятно – мхом
по северному склону
и ящерицей быстroxвостой
быть.
Быть сразу всем,
отягощеньем чувств
обременяться,
но не в полной мере,
и дождиком
в осеннем сквере
быть,
и вешалкой,
прибитою на двери,
и солнцем в августе –
ленивым и сквозным,
катящимся по небу
слишком скоро.
И винограду арочной
опорой,
и ягодой в его грозди
висеть.
Ловить тепло
последнее за год
и сознавать себя
частичкой всякой...
Но человеком
или же собакой –
не приведи нас,
Боже, воплотить.

Накренился
дужкой лунной
звёздной жидкости
подойник,
млечной струйкою
забрызгав
чёрной пахоты
пары,
мироздания коровник
свежим запахом
покоса
и молочною теплыню,
окропив углы полынью,
пеленает в яслях
звёзды
и баюкает миры.

Томный вечер
в полшестого,
на столе сервиз
чернильный,
и чернилами налиты
чашки в край,
а в отраженье
на столе
пером гусиным
мелким почерком
светило,
проходящее сквозь
блюдце,
пишет вязь
стихотворенья.

**Нелли
КРЕМЕНСКАЯ**

ЖАР-ПТИЦА, ЛЮБОВЬ И ВОЗМЕЗДИЕ

СКУКА

Ну сколько можно смотреть телевизор? Сколько можно лежать на диване и пялиться в потолок? Или плевать в него? Стараясь, чтобы плевки, возвращаясь, не попадали в тебя. Может, поесть? Да сколько же можно жрать?! И вообще... Чем бы занять себя?

Раньше он к квартирантам наведывался. Всё какое-то разнообразие. Сначала они открывали ему дверь (хозяин всё-таки, вернее, сын хозяйки, которая сдавала им жильё). Но посещения были так часты, так не по делу, так он им надоедал, что сначала они любыми путями выпроваживали его из квартиры, а потом вообще не пускали к себе. И тогда он высаживал дверь. Бился до тех пор, пока не проламывал её. Ибо здоров был и молод. Здоров физически: высок и крепок. И лишь с мозгами – какой-то сбой: доучился до пятого класса, дальше не пошёл. Ну и ладно бы. Существует масса профессий, где, кроме физического навыка, никакой науки и не требуется. Мог бы сантехником быть, мебельщиком, строителем, водителем трамвая или автобуса, да мало ли... Но за сорок три года ни одной профессией не овладел. Поэтому работа для него могла быть только грязной и тяжёлой. Оттого работать и не хотелось.

Мать сдавала жильцам приобретённую в девяностые годы однушку в изолированном трёхквартирном коридоре, где и сама жила в двухкомнатной с великовозрастным птенцом. Ведь кроме пенсии надо было изыскивать ещё какие-то средства для его прокорма. Но сынок так доставал квартирантов, что не выдерживали они его частых и агрессивных посещений и съезжали один за другим. А сейчас вообще кризис, и находить квартирантов всё труднее. Да и смысла нет: всё равно не задержатся. Ибо главным развлечением для сына, несмотря на строгие наказания матери нико-

-
- Нелли Фёдоровна Кременская родилась в 1939 году. Окончила филологический факультет СГУ им. Н.Г. Чернышевского. Работала учителем, журналистом, социологом. С 1974 года занимается резьбой по дереву. Лауреат и дипломант областных, республиканских и союзных выставок. Многие работы находятся в частных коллекциях России, США, Германии, Франции и Кипра. Автор нескольких сборников рассказов. Постоянный автор журнала «Волга–XXI век». Живёт в Саратове.

го не трогать, были хоть какие-то разговоры с жильцами, пусть и не очень-то приятные. Зато потом, лёжа на диване, он обсасывал эти разговоры, мысленно кормился ими, обдумывал свои возможные ответы и действия. И подслушивал разговоры квартирантов, часами выстаивая около их двери. И это в какой-то степени занимало его, развлекало, заполняло его время.

Ни друзей, ни подруг никогда не имел. К женщинам тянуло его, но были они непонятны, а потому относился к ним грубо, бесцеремонно, как к жильцам. А они боялись его и избегали, к себе не подпускали. Но сила бурлила, просилась наружу, и удержать её было невозможно. Подражаться с кем-то для него было такой же физиологической потребностью, как еда и сон.

Не раз мать всё же устраивала его на работу грузчиком в разных магазинах. Приучился выпивать. По пьянке агрессия возрастала. За это попадало от грузчиков и от полиции. Связываться с теми и другими зарёкся. Но и это не усмирило. Переключился на тех, кто не мог дать сдачи. Однажды искалечил и без того хилого пенсионера. За сварливость. Тоже мне, воспитатель нашёлся... От тюрьмы мать отмазала, но пришлось полгода посидеть в психушке. Вернулся оттуда почти тихим и сильно похудевшим.

Мать, как могла, ограждала его от им самим создаваемых неприятностей. И уже несколько лет на работу не пускала. Безделье и скука разъедали его изнутри, разрушали и без того неустойчивую психику.

А сейчас вообще – никого. Хоть бы с матерью поговорить... Или поругаться... Так и она уехала к родственникам. Давление поднялось.

В третью квартиру на пятом этаже, напротив которой он с матерью и квартирантами жил, несколько лет назад поселилась старуха. Говорят, бывшая журналистка. Писательница... Интеллигенция, видишь ли... Но мать сказала, что от таких людей неприятностей может быть очень много. В случае чего, знают, куда обращаться, кому и как жаловаться. Строго наказывала её не донимать. К тому же, хоть и живёт она одна, родственники и многочисленные друзья к ней валом валят. Вся жизнь круг знакомых был очень широк.

Он и не донимал. В открытую. Сломал замок в почтовом ящике (а пусть докажет, что это он), исподтишка вскрывал корреспонденцию, прятал жилищные платёжки и ждал её реакции. Но просчитался. За руку она его не схватила. Ничего доказать не могла. Поэтому никакого недовольства, упрёков, скандалов не было. Письма читала надорванными, за новыми платёжками ходила в жилищную контору. К тому же появились электронная почта, возможность говорить по скайпу. Пакостить стало неинтересно. Почтовый ящик пришлось оставить в покое.

Но жизнь как-то надо разнообразить. И он стал наведываться к ней якобы по делу. Идёт ли у неё горячая вода? Ага, идёт. Следующий раз: а какой струёй идёт вода – тонкой или толстой?

Старуха вежливо, терпеливо, но коротко отвечала на его вопросы. Ин-тел-ли-ген-ция, мать её! Никакого разнообразия.

Ну скучно-то как!

Хоть бы что-то удивило. Или развеселило. Или разозлило наконец-то!

Ну хоть что-то!

Однажды в шесть утра постучал в её железную дверь (как чуяла: как только въехала, сразу прочно отгородилась) и попросил денег. Триста рублей.

– Зачем? – спросила она, протирая глаза. – Да в такую рань...

Он удивился: какое её дело?! Надо и всё тут! Но почти вежливо (помнил наказ матери) ответил:

– Как зачем? На еду. На хлеб.

Она не поверила. Ясное дело, выпить захотел. Да кто знает, вдруг наказали за безделье или ещё за что, еды и лишили. Сам не зарабатывает. Еда – дело святое. Денег всё же дала. И даже устыдилась, что спросила, зачем они ему.

Через час сильно пьяный постучал к ней в дверь. Но был вежлив.

– Я глубокую тарелку разбил. У вас не найдётся замены? Мама ругать меня будет.

Его мотнуло. В углах губ застыла пена.

Она провела его в комнату и показала, что все глубокие тарелки стоят под цветочными горшками и свободных нет. Ушёл.

Мать вернулась во второй половине дня. Объяснение с сыном было коротким, но бурным. Не из-за тарелки, конечно. К соседке уже постучала она.

– У вас есть что-нибудь от давления?

У старухи было, ибо год назад пережила сначала обширный инфаркт, потом инсульт. От болезней своих не оправилась. Да и врачи порадовали: лекарства принимать пожизненно.

Мать сбила давление и от сыночка снова решила скрыться у родни. Но перед отъездом опять постучала к соседке:

– Денег ему не давайте. Начнёт приставать – пригрозите полицией.

И ушла.

Он постучал к ней минут через пятнадцать. Она не открыла. Через дверь он сообщил, что мать его – сволочь, оставляет его одного. Для большей убедительности с силой грохнул кулаком в железную дверь и ушёл. Гулкий звук ударил её по сердцу и застрял там.

Через час опять постучал. В глазок она увидела у него в руках какие-то пакеты, свёртки. Подумала: «Мириться, видно, пришёл. Господи, оставил бы в покое!» Но он тут же развеял её иллюзии. Через дверь прокричал:

– Купите у меня продукты. Мать в холодильнике оставила. А мне деньги нужны.

Покупать не стала. Тогда он снова начал стучать в дверь. Гул от ударов разносился по всему подъезду.

Она сказала, что вызовет полицию.

– Попробуй только. Убью!

В полицию звонить не стала. Но удары в дверь не прекращались.

Ему хотелось выпить. Очень. Но он даже и не злился, что она не открывает. Знал, что уже не обломится. Просто делать было нечего. Развлекался: старуху изводил.

Она стояла на кухне и резала к ужину хлеб. Вместо одного куска почему-то искромсала всю буханку. В глазах прыгали чёрные точки. Ноги не держали. Решила прилечь. Но по пути зачем-то открыла свою громящую дверь и оказалась лицом к лицу с соседом. Он стоял по пояс голый (несмотря на начинающуюся весну, в квартирах всё ещё без ума топили), волосатый и большой. Кончик длинного ножа, который она забыла оставить на кухне, упёрся ему в живот. И вдруг она стала валиться на него. Ещё не чувствуя боли, он с ужасом смотрел на входящее в живот лезвие и на бессильно падающую старуху, невольно вжимающую нож в его тело. Адская боль пришла через две секунды. С силой отшвырнул от себя женщину. Она упала на пороге собственной квартиры и застыла в какой-то неудобной позе. Сам сполз на пол коридорчика и тупо следил, как полетели и запрыгали по крашеным доскам сосиски в вакуумной упаковке. Сюрреали-

стическим кошмаром из живота торчала рукоятка ножа. Пакет молока прорвался, потекла белая лужица и вскоре встретилась с растекавшимся красным пятном.

И ночь накрыла...

ПРЕДЧУВСТВИЕ ЛЮБВИ

Тучка сползла с солнца, и лучи его сразу брызнули оранжевыми красками на живописную речку, на зелень вокруг неё, на мальчишек в утлой неустойчивой лодчонке, больше похожей на пирог, подплывающей к двум подружкам на золотом песчаном пятачке.

Пирога ткнулась в берег.

– Садитесь, девчата, покатаем.

– А вы нас не утопите? – Валя не умела плавать.

– Да вы что?! Никогда! – Голубые, чуть на выкате глаза Кольки смеялись. – Куда одетые?! Лодка набрать воды может. Не боитесь искупаться?

– А вы на что, капитаны?

Вторая девочка, Оля, с белыми прямыми волосами до плеч, беззаботно перешагнула через борт и подала руку Вале. Лёшка, высокий ушастый парень, с трудом спихнул с мели перегруженную посудину, чуть разогнал её и на ходу прыгнул сам.

В вышине сонно плыла какая-то большая птица. Она что-то высматривала в зарослях и постепенно снижалась.

– Степной орёл, – авторитетно пробасил Лёшка.

Сначала он работал вёслами, но вскоре бросил их, обломил ивовую ветку с дерева, склонившегося над водой, и стал щекотать девчонкам руки, шею, лицо. Они отмахивались, как могли, а потом начали брызгать на него водой.

– Смотрите, смотрите, какой красавец!

Колька показал на огромного орлана, уже совсем рядом, в нескольких метрах от лодки плывущего в синеве. Он почти не шевелил крыльями и словно отдыхал в потоках тёплого воздуха. Была видна маленькая хищная голова с загнутым клювом и презрительным круглым глазом.

Всё произошло в мгновение: разбойник сложил крылья и неотвратимой торпедой нырнул в непроходимые заросли репейника на берегу. Послышались истерические птичьи вопли, вверх полетели лёгкие пёрышки, как от сильного ветра закачались головки репейника. Проплывая мимо, ребята закричали, замахали руками, застучали ногами о дно лодки. Двумя неторопливыми взмахами хищник недовольно поднялся над зарослями («Из-за чего сыр-бор? Испортили обед, придурки»), высокомерно глянул на них и, почти не шевеля крыльями, скрылся за деревьями.

Это маленькое происшествие словно разбудило джиннов, до поры дремавших в каждом человеке, и они запросились наружу. Лёшка уже начал хлестать девчонку веткой, они отвечали фонтанами брызг. Широко расставив ноги, Колька стал раскачивать лодку. Низко посаженные борта безудержно хлебали воду. Присевшая на корточки Валя судорожно вцепилась в ногу Ольги и, не помня себя, повторяла: «Ай, утону! Ой, помогите!»

Стоя в лодке, Оля с трудом пыталась удержать равновесие. Какое-то мгновение чуть не полетела в реку, но, балансируя руками, схватилась за Лёшкино плечо. Он уворачиваться не стал, а, наоборот, как бы врос ногами в дно пирога и превратился в надёжный поручень спасения.

Тем временем неуправляемую лодку вынесло на середину реки и плавно потащило вниз по течению. Озорник Колька перестал её раскачивать, но не утомился. Он снял майку, завязал один её конец узлом, набрал в неё едва ли не целое ведро воды и быстро, пока она не вылилась, опрокинул на тёмные кудри вопящей Вали. А чтоб не последовала расплата, сильно оттолкнувшись ногами, нырнул с лодки вниз головой. Хекнув, в речную глубину провалился и Лёшка. Пирога, и так уже полная воды, не выдержала подвигов мальчишек и скрылась под водой.

Девчата оказались в утонувшей лодке по пояс в воде и дружно завизжали. А лодка уже стояла на дне речки. Рядом бесконечно ныряли мальчишки. Над поверхностью появлялись то их смеющиеся физиономии, то нелепо дрыгающиеся ноги, которые падали на поверхность воды с целым фонтаном брызг. Солнце смеялось над всеми, брызги доставали до небес, от воплей по реке шли волны. Деревья радостно мотали лохматыми головами, лягушки, спасаясь от тарарам, в ужасе шлёпались в воду. Наконец до подружек дошло, что уж сегодня они не утонут. Взялись за руки и, согнувшись от смеха, перешагнули через борт утонувшей пироги и побрели к берегу. Мальчишки поймали всплывшую со дна лодку, привязали к дереву и куда-то исчезли.

– Вот паршивцы, чуть не утопили! – выжимая волосы, проговорила Валя.

Но было видно, что она не сердится и приключение это ей даже приятно.

– И смылись от греха подальше, – продолжила Оля и, улыбаясь, уточнила: – От возмездия.

Девчата развесили на кустах мокрую одежду и кинулись на переливающийся золотом горячий песок.

Оля закрыла глаза. Всё существо распирала беспричинная радость. Она шла откуда-то из глубины, истоки её были неведомы, да она и не пыталась их понять. Просто радость эта была всё больше и больше, и удержать её было невозможно. Это ощущение сладко тревожило и не давало покоя, чем-то будоражило, будило какие-то незнакомые дотопе чувства. Она внезапно села и увидела, как по мелководью шёл к ним Лёшка с охалкой густо-жёлтых кувшинок и как с длинных сочных стеблей падали в воду сверкающие капли.

ОТРАВА (ПЕЙЗАЖ С НАТУРЫ)

Я прислонила голову к стенке и, боясь пошевелиться, замерла, дожидаясь, когда можно будет войти в заветную дверь. Мимо, шаркая туда-сюда, проползали больные; в туго стянутых халатиках, на высоких каблуках гарцевали сестрички, по-хозяйски важно, тяжело ступали потучневшие от сидячей жизни врачихи. Стена передо мной то удалялась в невидимую бесконечность, то наезжала на голову пыльным душным облаком, и тогда невозможно было дышать. А в вязком, дрожащем воздухе тяжело зудел и не умолкал тонкий старушечий голос:

– Вот я и говорю: на кой ляд мы им сдались? Скоро порошком будут посыпать тех, кому за пятьдесят. Посыпал, а мы, как тараканы, – кувырк и ножками задрыгали. Правду я говорю?

Она активно пихнула меня локтем в бок, пытаюсь вовлечь в разговор. Я сделала огромное усилие и... не свалилась с лавки.

Дверь около нас с треском распахнулась, и в коридор впорхнула... ну красotka, ничего не скажешь! Лыняные вьющиеся волосы обрамляли лицо с большими синими глазами, крашеными губами с прихотливым индивидуальным изгибом, точёным носиком. Яркая, статная, длинноногая, в небрежно распахнутом белоснежном халатике, она казалась жар-птицей, нелепо залетевшей в эту удушливую, полную мучительных ожиданий клетку.

– Все ко мне? По записи? – Синий взор её с надеждой забегал по нашим лицам.

– Я без записи. Нехорошо мне, – прошелестела я.

Жар-птица с маху отрубилась:

– Не приму!

Вгляделась в лицо и несколько смягчилась:

– Идите к дежурной.

Но прежде, чем скрыться за дверью с таинственным и малопонятным словом «терапевт», оглянулась и небрежно бросила:

– Через дверь – направо.

С минуту я продолжала сидеть, туго соображая, сумею ли подняться, а если сумею, дойду ли до нужной двери.

Сумела.

Дошла.

Вот только пальто – груз невероятный. Сегодня вешалка не работала, и все больные таскали с собой зимние пальто, шубы, шапки, шарфы. А уж на таблички: «Без сменной обуви не входить» – никто и внимания не обращал.

Снова очередь, снова ожидание под дверью. Снова погружение в густой, душный воздух, студнем залеплявший ноздри, дубовой тяжестью давящий на грудь. И вдруг – опять синева, уже не холодная, равнодушная, а почти с участием.

– Пойдёмте.

Мимо очереди больных мы двинулись к дежурному врачу.

– Татьяна Матвевна! Тут больная без записи. Примите, пожалуйста. Мне за ребёнком бежать надо... – И трусливо юркнула обратно.

По-моему, Татьяна Матвевна орать начала раньше, чем за Жар-птицей захопнулась дверь. Минут десять без передыху она вопила, как у неё много больных, как мало платят врачам, как тяжело ей работать, когда коллеги постоянно подсовывают ей свинью. «Свинья – это про меня», – догадливо сообразила я. И тут же задала себе вопрос: тогда почему «постоянно»? Я же первый раз пришла. А Татьяна Матвевна распалась всё пуще: сама она – человек пожилой, у неё самой миллион болезней, ей самой надо лечиться, а тут приводят к ней не её больных – и возись с ними. А во имя чего? Да! С какой стати она должна тратить время на «не своих» больных? Так как в комнате никого не было, я справедливо сочла, что все вопросы относились ко мне. Но я не знала на них ответы. Сесть никто не предложил. Я стояла, покачиваясь, как одуванчик на пронзительном майском ветру, и решала для себя непростую задачу: молча повернуться и бесславно уйти или собрать в кулак остатки сил и вlepить его в раскрытую орущую пасть.

Вообще-то по жизни не могла я ударить ни ребёнка, ни животное. Лишь однажды пришлось дать пощёчину. И то мужчине, и то по молодости. Так что боевой опыт был почти невелик. И почти позабыт. Но сегодня желание врезать было столь ослепительно острым, что Татьяна Матвевна, сквозь собственный визг временами поглядывающая на меня и проверяющая его действие, вдруг осеклась и подвинула стул. Сражённая таким великодушием, я рухнула на него и уже не помышляла о битве.

– Надо бы давление измерить, да тонометра нет.

Она злорадно вглядывалась в меня и понимала, что сейчас я слабее её, что она властна делать со мной всё, что хочет, и может говорить мне всё, что накипело. Вряд ли я отвечу. Однако раскрепощение её от условностей цивилизованного мира было недолгим: заботливая Жар-птица прислала медсестру с тонометром. Давление зашкаливало до таких заоблачных высот, что Татьяна Матвевна посмотрела на меня с уважением. И всё же натуру свою сдержать не смогла:

– И чего с таким давлением разгуливаете?! Дома надо сидеть, а ещё лучше – лежать. Вызвали бы «скорую» и лечились без хлопот. А участковым врачам как раз зарплату прибавили. Вот пусть и бегают.

– Зачем их гонять? Я сама прийти могу, – заупрямилась я.

Татьяна Матвевна удивлённо воззрилась на меня и, не придя ни к какому выводу, теряя интерес ко мне, уже равнодушно бросила:

– Зайдите в процедурный кабинет на первом этаже. Там вам сделают укол. Потом вернётесь ко мне.

– Можно я пальто у вас оставлю?

Похоже, она обрадовалась вновь возникшей фазе собственного раскрепощения. Голос её опять сорвался в визг:

– Это ещё зачем? Вы что думаете, я буду сторожить его? Очень надо! И вообще, пальто оставляйте в раздевалке, а не таскайте с собой.

Я давно уже сваливалась с третьего этажа на первый, а крик дежурного врача догонял, бил по ушам, по нервам, вонзался под левую лопатку, как зазубренный разбойничий нож. Она целый день принимала больных в пальто и до сих пор не заметила, что раздевалка не работала.

Через час я, уже вполне жизнеспособная, сидела перед дверью Татьяны Матвевны и ждала, когда «оне» соизволят меня принять. Народ уже рассосался. У неё был только один пациент, который вскоре ушёл. Я было сунулась, но, услышав грозное: «Вызову!», прынула обратно в коридор. Прошло не менее получаса, как из-под двери раздалось зычное: «Зайдите!»

Я вошла.

Она продолжала пребывать в полной боевой готовности. И снова жаждала крови.

– И чего вы расселись в коридоре? Делать, что ли, нечего?

От долгой безнаказанности она потеряла бдительность. Я почти очухалась и в состоянии была ощетиниться.

– Да вы же меня и не пускали.

Мне порядком надоела её наглость, и в голосе она, видно, уловила что-то, что тут же круто сменило её настроение.

– Ну, значит, мы не поняли друг друга, – угодливо завияла она хвостом. – Как вы себя чувствуете? Здоровье надо беречь.

Всю дорогу домой я повторяла как заклинание:

– Никогда. Никогда не приду к ней больше!

И самой становилось смешно. В последний момент я узнала, что Жар-птица увольняется из поликлиники, а старая хищница Татьяна Матвевна назначается нашим участковым врачом.

Прошло несколько дней. Не раз я встречала её в бесконечных коридорах поликлиники. Но видеть её было столь невыносимо тяжело, что, помимо своей воли, я поворачивалась к ней спиной. Мне казалось, что, если она поймает взгляд, всё зло Вселенной обрушится на меня и раздавит своей тяжестью. Ничего подобного. Как и следовало ожидать, судьба снова свела нас. Татьяна Матвевна встретила меня радушно, как старую знакомую, как будто

мы с ней не раз виделись за общим столом. Я сидела перед ней, подперев отяжелевшую голову рукой, и неохотно рассказывала о своих хворях. Дверь её кабинета внезапно хрястнула, и на пороге возник мужчина средних лет.

– Татьяна Матвевна, мне карточка нужна к другому врачу.

Татьяна Матвевна вся подобралась, словно к прыжку изготовилась, как будто боевую трубу услышала, и из неё полилось неудержимым потоком:

– Вы почему без разрешения входите?! Видите, здесь женщина. Кто вас сюда пускал? Ну, народ! Заходят, когда захотят. Совсем невозможно работать. Ну надо же! Обнаглели!

Мужик давно уже выпал из кабинета в коридор, а она всё ещё слала проклятия в адрес всех нахалов, которые врываются без стука к врачу, по самые ноздри заваленному делами. Я молча сидела перед ней и поймала себя на том, что тихо радуюсь возможности быть от этой свары чуть в стороне. Во всяком случае, её отравленные копыя летели не в меня. Хотя бы сегодня...

ДУСЯ И ЛАК

Соседка открыла калитку, вошла во двор и сразу его увидела. Он бежал ей навстречу, и видно было: сердитый. Пока она подбирала ласковые слова, пока заискивающе произносила их, он шмыгнул мимо неё на дорогу, азартно пролетел несколько метров и внезапно остановился. Оглянулся. На морде не просто улыбка – торжество: «Вот вам! Ловите теперь!» Догонять, уговаривать вернуться – бесполезно. Не по её силам.

Хозяева всполошились:

– Убьют его. Уже грозились. Последнее время прохожих начал облаивать. А ведь таким ласковым был.

– Господи! Где же теперь искать его? Лак ведь сразу в посёлок рванул. Там легко затеряться.

Хозяйская дочь Марина, тонкий тринадцатилетний подросток на журавлиных ногах, загадочно улыбнулась:

– Знаю, где. Недавно именно там я нашла его.

– Опять к своей Дульсине пошёл, – засмеялась мать.

Через полчаса Марина и правда нашла его. Впрочем, разыскать было нетрудно. Разноголосый лай, визг, вой, хрип, рёв слышны были издали. Лак стоял, загородив собой прижавшуюся к деревянному забору перепуганную дворняжку, и один отражал атаки десятка разнородных женихов. От его глаза к носу шла большая кровоточащая царапина, на задней ноге был вырван клочок шерсти вместе с кожей, и капельки крови медленно стекали в пыльную подзаборную траву. Дуся с опаской выглядывала из-за спины своего избранника (хотя вряд ли она его выбирала, скорее, он её отвоевал). И не поздоровилось бы ему, если бы не героическая решимость стоять насмерть. Правда, вздыбленный загривок, широко расставленные лапы, огромная башка с торчащими ушами не оставляли сомнения в жестоком наказании тех, кто посягнёт на его собственность. И зубы... Их он демонстрировал всем. Кто смелый?! Налетай! Разного роста и окраса претенденты на сердце дворняжки, видимо, уже проверили их остроту и пребывали в замешательстве.

В самом конце очереди из отвергнутых женихов понуро стоял небольшой кобелёк, шелудивый и бесхозный. Он сам сознавал, что шансы на любовь Дуся у него минимальные. Нет возможности даже пробиться к ней сквозь

агрессивный орущий заслон. И потому даже не гавкал. Но скандал и его взвинчивал. И тогда он поднимал морду вверх и от неудавшейся жизни горестно взывал.

И вдруг он увидел Марину. Угрозы для себя он не почуял и потому с неожиданной дерзостью кинулся на девочку. Наконец-то можно и себя показать. Откуда только злоба взялась?! Он хрипел. Его трясло от ненависти к слабому существу. Раздухарившись от собственной отваги, он близко подскочил к ней и вцепился в подол платья. Марина откинула его ногой. Но стая, сообразив, что до невесты не добраться, не сбавляя накала концерта, постепенно стала окружать ребёнка.

Лак увидел Марину издали, но из-за опасных страстей, бушевавших вокруг него, едва кончиком хвоста шевельнул. Не до нежностей было, хотя из всего хозяйского семейства любил её больше всех. Продолжал рычать и скалить зубы на соперников. И вдруг заметил, что стая около него рдеет и собирается вокруг Марины. Он понимал опасность. Надо было спасти её, но древний инстинкт цепко держал его возле Дульсины.

Лак разрывался. Он сделал шаг к Марине, оглядывался на Дусю и снова пятился к ней. Он уже не рычал, а жалко и позорно повизгивал. Но когда самый большой и нахальный пёс приготовился вцепиться в ребёнка, Лак не раздумывал: в гигантском прыжке он обрушился на противника и вцепился ему в горло. Пока они рыча рвали друг друга, другие собаки с интересом наблюдали, кто победит. Даже гавкать перестали. И только иногда от прорывавшихся эмоций кто-нибудь нечаянно взрыкивал, но тут же сконфуженно замолкал.

А Дуся? Дуся не стала дожидаться победителя. Ей надо было сматываться. И поскорей. Пока о ней позабыли. Она потрусилась вдоль забора. И оглянулась. Её догонял тот самый зачуханный кобелёк. Наконец-то и его время пришло. Выглядел он как победитель: был несуетлив и самоуверен. Дуся приглашающе остановилась, а когда он приблизился к ней, внезапно и сильно куснула его за бок. Тоже мне ухажёр нашёлся! Получше тебя кавалеров видали! Пошёл вон! Кобелёк взвыл, и стая снова обратила внимание на неё. Она побежала, и женихи один за другим потянулись за ней. Вскоре вся свадьба скрылась за поворотом.

В отличие от Дуси, Марина не стала убежать. С одним поводком в руках она ринулась к двум огромным дерущимся собакам и слабым детским голосом крикнула:

– Лак! Ко мне!

И вдруг – о чудо! – собаки остановились как вкопанные. Словно рады были окрику. И тут же потеряли интерес друг к другу. Будто и не было смертельного соперничества. Лак подбежал к девочке, чужая собака – за стай.

Дома, смазывая боевые раны Лака зелёной, мама Марины корила пса:

– Тоже мне, Ромео... Была бы твоя избранница королевских кровей... А то так, дворняжка... К тому же – изменщица. Ты за неё кровь проливал, а она сбежала. Принцессы так себя не ведут. Ну подумай: стоило ли биться из-за неё?

Лак подумал...

Эту ночь никто в округе не спал. Лак тосковал. Выл, не переставая.

**Александр
ГОРНОСТАЕВ**

ОСЕННИЕ ЯБЛОКИ

ГАЛАКТИК ВЬЮГА

У земли бездомная дорога.
У Вселенной тайная стезя.
Этот мир придумывался Богом –
значит, сделать мир иным нельзя.

Снег и вечер. Путь – как по бумаге.
Так идти б до самых до высот!
Но, как свет такси между домами,
эта жизнь мгновенно промелькнёт.

Знаю я, чтоб не промчалась мимо
жизнь, в которой радость есть и грусть,
нужно только согласиться с миром,
с тем, что сам земной проходишь путь.

Что живёшь, как звёзды на орбитах, –
не сойти: судьба всегда права,
и душе, поднявшейся над бытом,
тела от земли не оторвать.

Но идти мне против зла и ветра,
сквозь галактик вьюгу, сквозь беду...
Вечно мало радости и света...
Сам с собой согласья не найду...

ВЕСНА

Тает пепел последнего снега.
Благодарная чёрная почва.
Благосклонное тихое небо...
Оживает наивная почка.

-
- Александр Петрович Горностаев родился в 1962 году в Тамбовской области. Окончил Саратовский сельскохозяйственный институт и СГУ им. Н.Г. Чернышевского. В конце восьмидесятых–начале девяностых активно публиковался в различных областных и городских изданиях Саратова и Тулы. Работал главным экономистом, завотделом в районной газете. Стихи звучали по радио, не раз выступал на Саратовском телевидении. Автор поэтических книг «Галактик вьюга» и «Подсолнухи». Участник литературной студии «Голоса поколений». Живёт в Саратове.

Набухающий куст тополиный,
напрягающийся, как мышца,
к небу тянется, к свету, к ливням,
вопреки не нашедшим Смысла...

О. М.

Чайки, чайки, реющие чайки
над холмами пенящихся вод.
Разрезает реку на две части
увлечённый далью теплоход.
Осень, осень, реющая в выси
в птичьей форме жёлтого листка.
Через край расплёскивает мысли
моих дум осенняя река.
Время жизни уплывает быстро.
Мне пора решиться и решить:
где-то есть моей любимой пристань.
Может, теплоход туда спешит?
Только там не обещали счастья.
Я подумал про свою судьбу:
теплоходы могут возвращаться –
жизнь уйдёт, уйдёт... Оставь мольбу.
С грустным чувством я воспринимаю
взлёт последний жёлтого листка.
Для чего же на воспоминанья
время быстрой жизни обрекать?
Если в жизни не случится счастья,
значит, я пришёл ни для чего...
Чайки, чайки, реющие чайки
над холмами пенящихся вод...

О. М.

Не смог золотые печали
в притихшей душе утаить:
я дождиком нынче стучался
в закрытые окна твои.

И дождик, к окошку приникший,
несмело в жилище глазел:
учебники, стопки давнишних
знакомых тетрадей, газет...

Характер – осенний, унылый.
Деревья и люди тихи...
Ты в доме своём находила
тетрадь и читала стихи.

Я помню, как дождиком вешним
пропитаны были дворы.
Однажды, влюблённый и нежный,
тебе я стихи подарил.

Дождинки по стёклам бежали
на землю, я землю поил,
и осень листвою шершавой
ласкала потоки мои.

Сквозь стёкла я видел: ты тоже
в улыбке хранила печаль,
не ведая, что там за дождик
в закрытые окна стучал.

ПО СЛУЧАЮ ГИБЕЛИ СТАРОЙ РУБАШКИ

Моя рубашка, старая рубаха
пошла на тряпки, прослужив сполна.
Трагичней слёз, грустней мелодий Баха
звучал разрыв на части полотна.

Ловило ухо горестно и чутко
хрипки воротника и рукава.
В той музыке жила судьба и чувства
поистине родного существа.

Тут ощутим в обыкновенной теме
иной источник сокровенных дум,
ведь отживёт изношенное тело,
как хлам рубашки, сбросит его дух.

Непостижима вещи во вселенной
с душой, с сознанием неземная связь.
Как будто часть энергии нетленной
простому полотну передалась.

Связало нас единым жизни мигом,
одним потоком непонятных чувств.
Пред Абсолютом вечным и безликим
я обнажённой стану – на чуть-чуть...

ВЫСКАЗАТЬ СЕБЯ

Я – человек, подбираю слова,
чтобы высказать себя.
Но также
мог бы использовать
камень, резец, кисть...
Или просто Молчание.
Но это

великое искусство,
постигнутое Всевышним.
И никто из земных
не достиг Вершины,
с высоты которой
открывается красота и смысл
безграничного мира.
Невыразимым Молчанием
сотворена и высказана Вселенная.
...Как мне постичь
Молчание...

Осенние яблоки падают...
Последние яблоки падают...
Прощальными взглядами яблони
За тихим паденьем следят.
А после, как женщины – в платьицах,
Листвой пожелтевшею плачутся,
И, словно врагами разграбленный,
Горюет беспомощный сад.
О чём я раздумался вечером
Один посреди человечества?
За мыслями или за листьями
Следит немигающий взгляд?
Как листья, людей поколения
С древ жизни обрушены временем.
Пути в бесконечности выстланы
Непонятой сутью, незримой листвою.
Куда мне податься с вопросами
О днях человеческой осени,
Чтоб людям открылись бы истины,
Как небо над головой?

Осенние яблоки падают,
Последние яблоки падают...

Я буду глух, как тишина ночная,
я буду слеп – не знавший света крот,
но из чужбин любовь к родному краю
меня к тропинкам детства приведёт.

И садом я пойду, шагов не слыша,
не слыша звуков в радостном саду.
Но буду знать, как вызревшие вишни
шумят, шумят тревожно на ветру.

Я буду знать о каждом тихом вскрике,
я каждый всплеск почувствую в краю.
Лишь потому, что в душу, будто в книгу,
я записал всю родину мою.

**Евгений
НОВИКОВ**

«ГЕНИАЛЬНЫЙ СКУЛЬПТОР С БЕРЕГОВ ВОЛГИ»: ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО Дмитрия Цаплина

Журнальный вариант

ПРЕДИСЛОВИЕ

Занимаясь историей своего рода, я приехал в Калининск к своему дяде, Александру Константиновичу Куликову. Мы долго беседовали о наших предках, затем он неожиданно сказал: «Поехали, я познакомлю тебя с интересным человеком». И мы отправились к Евгению Михайловичу Цаплину. Евгений Михайлович – мужчина представительный и крепкий, несмотря на свои 87 лет. Мы разговорились. Евгений Михайлович оказался приятным собеседником. Как выяснилось, наши предки приехали из Тульской губернии в 1872 году в одном обозе. Неожиданно дядя Саша сказал: «А ведь Евгений Михайлович – родной племянник скульптора Цаплина». Тут я вспомнил, что мне рассказывала моя мама, Любовь Ивановна Новикова, о художнике «из Мельковских», рисовавшем Ленина.

Этот разговор о Дмитрие Цаплине запал мне в душу. Работая в областном архиве с метрическими книгами по Малому Мелику, я наткнулся на упоминание о Филиппе Александровиче Цаплине, отце скульптора. После долгих размышлений я решил обратиться в областную научную библиотеку, узнать, есть ли какой-либо материал о скульпторе. К моему большому удивлению, работники читального зала краеведческой литературы с энтузиазмом стали мне о нём рассказывать и посетовали на то, что о нашем земляке, скульпторе с мировым именем не написано ни одной книги. И посоветовали обратиться в музей имени Радищева.

-
- Евгений Александрович Новиков родился в 1958 году в г. Грозный. Окончил Саратовский зоотехническо-ветеринарный институт (1982), Академию менеджмента (1996). Автор ряда публицистических произведений и документально-художественной книги «Я делал своё искусство для своего народа. Скульптор Д. Ф. Цаплин». Член Союза журналистов России. Живёт в Саратове.

Много рассказал мне о творчестве Дмитрия Цаплина заведующий отделом русского искусства Саратовского государственного художественного музея имени А. Н. Радищева, заслуженный деятель искусств России Е. И. Водонос, не одно десятилетие посвятивший изучению культурной жизни Саратова. Долго я беседовал и с сотрудником музея А. П. Краснощёповой, собиравшей несколько лет материал о творчестве Дмитрия Филипповича Цаплина и неоднократно беседовавшей с его дочерью. Её фраза: «Я просто влюбилась в этого человека», – говорит о многом. Такие слова из уст женщины являются высшей похвалой мужчине!

Проанализировав весь сохранившийся материал о жизни и творчестве Д. Ф. Цаплина, я пришёл к выводу, что вовсе не кубизм первого учителя А. М. Лавинского, у которого он занимался «всего одну зиму», повлиял на творческую манеру скульптора. Дмитрий Цаплин интуитивно пытался выразить то, что подсказывала его душа.

Д. Ф. Цаплин, как и его славянские предшественники, работал в дереве, словно ему генетически передались знания своих древних предков о магических свойствах этого материала. Как известно, деревянная скульптура имеет богатые традиции в славянском искусстве. Использование дерева русскими мастерами неслучайно, этому поспособствовала многовековая вера в его чудодейственную силу. Возможно, сыграло свою роль и то, что Дмитрий Филиппович родился в тех местах, где две тысячи лет назад жили славяне. За последние двадцать лет обнаружено большое количество родовых поселений древних славян и так называемые «поля погребений», где кремировали умерших, а остатки кремации вместе с золой и углём собирали и ссыпали в небольшие ямки и засыпали землёй.

«Подобно язычнику, поклоняющемуся силам природы, Цаплин остро и точно чувствует дух материала, его образ, а профессиональное мастерство обогащает этот образ, одухотворяет его, выводя тем самым на более высокий духовный рубеж». (О. Яблонская. Сто памятных дат. Художественный календарь на 1990 год. М.: Советский художник, 1989).

«Процесс его работы своеобразен. Все свои вещи – в большинстве очень крупных размеров – он выполняет без натуры, без предварительных эскизов, отыскивая скрытую в бесформенном куске пластическую форму. Этим свойством творческого процесса объясняются и недостатки, и достоинства его скульптуры», – писал критик А. В. Бакушинский в статье «Два молодых скульптора» (1927).

Дмитрий Филиппович Цаплин о себе говорил:

«Я русский, и все мои помыслы принадлежат родине. У русского народа должна быть своя скульптура, такая же прекрасная, как греческая, но только своя, русская. Впрочем, моя цена искусству – даже не Греция, а Древний Египет. Искусство Египта было и будет прекрасным во все времена, но мы не можем бездумно копировать кого бы то ни было».

Как заметил заслуженный художник России Геннадий Васильевич Животов, ученик всемирно известного скульптора: *«Цаплин был плоть от плоти русского народа, он стал выразителем русского мира во всей его блистающей широте и тёмной, тектонической глубине...»* И это не просто слова. *«Цаплин действительно никого не копирует, как невозможно копировать его самого. Его непохожесть не самоцель, а средство самовыражения мастера. Объект его искусства самый благодатный: человек, личность»* (А. Филатов. Одиссея скульптора Цаплина. «Молодая гвардия». 1966. № 4).

«Перед нами работы одного из самых хороших мастеров. Исполнены они своеобразно, выразительно, сильно. Прямо из материала вырублены

с такой уверенностью и расчётом, что поражают мастерством и техникой, доведённой до совершенства. И какая ширь в разнообразии и своеобразии подхода, ведущего к одной и той же цели: служению через искусство своему народу и прославлению его великих дел», – писал С. Т. Конёнков.

Практически все работы Дмитрия Филипповича Цаплина, как и произведения Александра Сергеевича Пушкина, доносят до нас русскую, даже скорее славянскую философию жизни. И в этом их ценность. Однажды на восклицание посетителя мастерской скульптора: *«Ваши скульптуры мыслят!»* – Дмитрий Филиппович мудро ответил: *«Не скульптуры мыслят. Это я думал, когда создавал их!»*

РОДНЫЕ КОРНИ

«Всё начинается с начала», – любил повторять Дмитрий Филиппович Цаплин. И мы тоже начнём всё с самого начала...

Человек так устроен, что всё время стремится к лучшей жизни. Поэтому в России, как, впрочем, и во всём мире, население постоянно мигрирует. Вот и саратовские целинные степи издревле манили землепашцев.

В XIX веке по темпам заселения и количеству переселенцев Саратовская губерния заняла одно из первых мест в Российской империи. В основном осваивались балашовские земли, так как Балашовский уезд был вторым в губернии по величине и количеству пахотных земель, занимавших более половины территории уезда (562 тысячи десятин). Только между 1835 и 1850 годами, по официальным сведениям, сюда прибыло около 134 тысяч крестьян. А вскоре после отмены крепостного права в 1861 году началась очередная волна переселения.

Не осталась в стороне от этого процесса и Тульская губерния, где остро ощущалась нехватка пахотной земли. На старом месте жить становилось тесно и трудно. Сёла разрастались. Земли не хватало. По сёлам губернии стали ездить чиновники, предлагая переезжать на новые земли. Они объясняли крестьянам преимущества жизни в новых местах, рассказывали о предоставляемых льготах. Так, например, этой категории крестьян прощались старые недоимки, на новых местах давалось больше земли, переселенцы освобождались от налогов на несколько лет и т. д.

В начале марта 1872 года, отслужив напутственный молебен, попрощались с соседями и оставшимися в родном селе родственниками и Цаплины. Выехали в г. Венёв вместе с другими крестьянскими семьями, собранными со всех концов Тульской губернии.

В конце марта 1872 года обоз с переселенцами из Тульской губернии прибыл в Балашовский уезд. Место для них отвели в Катаврасовской волости рядом с селом Малый Мелик, основанным около двадцати лет назад Нарышкиными. Назвали новое поселение Выселки. С этим обозом приехал со своей семьёй дед скульптора, Александр Александрович Цаплин. Отцу Дмитрия, Филиппу Александровичу, тогда было восемнадцать лет.

Интересно сложилась судьба самого Александра Александровича Цаплина. Крепостной крестьянин, отданный в солдаты, вернулся в родное село через 25 лет. Имея от природы хваткий ум и трудолюбие, он освоил на военной службе разные ремёсла, пригодившиеся ему в дальнейшей мирной крестьянской жизни. О таких людях в народе говорят: и швец, и жнец, и на дуде игрец. К тому времени у бывшего хозяина умер сын, и решил барин свою сноху отдать за Александра. Человек мастеровой, хваткий, добро по ветру

не пустит. Да и авторитет среди односельчан имеет. И стал жить Александр Александрович безбедно, в любви и согласии с супругой. Трудился хорошо, с размахом и, посчитав, что землицы становится маловато, решил в Саратовские края перебраться.

На новом месте начали рыть землянки, обживаться, готовиться к севу. Крестьянский труд был очень тяжёлый. С весны по осень работали от зари до зари, зимой, как стемнеет, жгли лучину. В то время электричества не было, а керосиновая лампа для крестьянина была недостижимой роскошью. При лучине мужики приводили в порядок инвентарь, упряжь, женщины пряли, вязали и шили.

Первые годы на новом месте всегда трудно, а тут ещё летом 1872 года нагрянула холера, частая гостья в Саратовском крае. Оставшиеся в живых продолжили начатое.

«Не ленись и работай, – говорили старики. – И земля с лихвой вернёт вложенный труд».

ДЕТСТВО

Дмитрий Филиппович Цаплин родился 8 (20) февраля 1890 года. Крёстными, а по-старому – восприемниками, у него были моршанский мещанин Иван Андреевич Григорьев и супруга солдата Марка Алексеевича Киселёва.

На момент рождения Дмитрия в семье Цаплиных выжило только трое мальчиков. В XIX веке детская смертность была очень высокой, а в сельской местности достигала 90%! Этому способствовало отсутствие медицинского обслуживания, лекарств и элементарных норм гигиены. Например, полы в большинстве деревенских изб были земляные, а в тех избах, где имелись деревянные полы, их не красили и мыли – в прямом смысле слова – по великим праздникам. Причём вначале женщины скребли полы с песком, а потом их уже мыли с золой. Ни мыла, ни моющих средств в крестьянских семьях не было. Зимой в одном помещении жили люди и животные, питьевая вода не кипятилась, отсутствовали средства личной гигиены и т. д.

Митя (так его называли родные) стал четвёртым мальчиком в семье. Родители были очень этим довольны. В царские времена землю давали только на детей мужского пола. Поэтому при рождении мальчиков все радовались – и работник в семье, и землицы прибавится. Но в 1891 году в Саратовской губернии был недород и начался голод. А в 1892 году вспыхнула холера. И это не удивительно. Саратовский край не раз был центром различных эпидемий. На этот раз холера пришла из Персии. «Саратовский дневник» (1892) писал, что в июне в Саратове начались «холерные беспорядки», вызванные слухами о том, что якобы доктора и фельдшера отравляют воду в колодцах. Положение стало настолько серьёзным, что для усмирения холерного бунта в город были введены воинские части.

Дмитрию исполнилось два с половиной года, когда 24 августа 1892 года в возрасте 39 лет умерла от холеры его мать Феодосия Симоновна. Однако в крестьянском хозяйстве всегда нужны женские руки, да и в доме осталось четверо малолетних детей, и отец был вынужден снова жениться. Ему подобрали вдову 24 лет Параскеву Андреевну Горбачёву (по мужу). Повторный брак отца принёс Дмитрию новые испытания: Мите и его старшим братьям пришлось сносить упрёки и побои мачехи. А меньше чем через год родился первый ребёнок от второго брака – Андрей, и Митя стал нянькой (в три года!).

В то время крестьянские дети уже с трёх-четырёх лет приучались к работе. Сначала смотрели за младшими братьями и сёстрами, затем за курами и гусями, пололи огород и т. д. Бездельники просто не выживали. Вот и маленький Митя нянчился со своими младшими братьями и сёстрами.

Дмитрий Филиппович любил вспоминать свою прошлую жизнь, но о детстве говорил с горечью: *«...чай пил после всех, а потом убирал со стола. Так и повелось...»* Сельскую школу посещал *«всего одну зиму»*, научился считать и писать, а дальше нужно было помогать по хозяйству. Да и *«потом учиться было некогда, да и не в чем»*. Ведь порой в крестьянской семье были одни портки на всех детей, и зимой приходилось ходить в них по очереди. *«Ни одёжки, ни обуви...»* – добавлял Дмитрий Филиппович. А тут ещё летом 1898 года восьмилетний Митя с семьёй, как и многие их односельчане (1167 чел.), переехали на новое место – в Аткарский уезд, где не то что школы, но и церкви не было. Но грамоту маленький Митя полюбил и читал всё, что было под рукой – от обязательного в деревенской избе тех лет Священного Писания до обрывков газет, изредка попадавших в глухие степные места. А когда забредали в село странники, мальчик с большим интересом слушал их рассказы и запоминал старинные песни...

В конце 80-х–начале 90-х годов XIX века Россия вступила в новую фазу развития – капитализм.

Одновременно с этим начала развиваться и банковская система, появляются Русско-Азиатский и Петербургский международный банки.

Банковские структуры начинали осваивать аграрный сектор. Так, например, Крестьянский поземельный банк стал активно выдавать долгосрочные ссуды крестьянам на покупку помещичьих земель. Переселение в новые края проходило уже не на бесплатно выделенные земли, а на приобретаемые в кредит.

Некоторые жители села Малый Мелик Балашовского уезда образовали товарищество (158 домохозяйств общей численностью 1167 чел.), которое приобрело в рассрочку у Саратовского отделения Крестьянского поземельного банка землю в Аткарском уезде Саратовской губернии, и весной 1898 года переехали на новые места.

Места и впрямь оказались благодатные. Степной нетронутый чернозём, трава такая, что порой и всадника в ней не видно, и родники с целебной водой. Особенно славился в округе своими целебными свойствами родник близ села Находка, бывший недалеко от Малого Мелика. До сих пор родник существует, его облагородили, поставили рядом часовенку Пресвятой Богородицы, куда по праздникам батюшка приезжает. Вода из этого родника может не один год простоять и не испортиться!

Земли досталось семье Цаплиных семь десятин (десятина – 1,09 га), по десятине на мужскую душу, то есть 7,5 га. Начали жить в землянках, экономили каждую копейку ради заветной мечты – иметь свой угол на своей земле. Еды не хватало. Ребята, в том числе и маленький Митя, ловили сурков и прочую живность, помогали по хозяйству. Начали строиться. За готовыми сосновыми срубами ездили в Сердобск, своего леса не было – бескрайняя степь кругом. Зимой собирался обоз из нескольких подвод, и по санному пути везли брёвна в село. Отсеявшись, ставили избы. Всем миром взял кредит, всем миром же переживали первые трудные годы.

В свободное время маленький Митя любил, подражая старшему брату, вырезать фигурки разных зверушек – собак, лошадей, зайцев. Вначале ножницами из бумаги, а затем, когда подрос, – из дерева. Вдруг целый мир зверей, деревьев, людей стал появляться вокруг него. А младшие братья и сёстры с удовольствием в них играли, ведь в то время крестьяне не могли себе позволить покупать детям игрушки. Дорого. Вот детвора и просила

Митю сделать зайчика или волка. Особенно ребятам нравились лошадки. Если сделать их побольше, то можно на них «скакать» верхом, размахивая хворостинкой, словно саблей.

ЮНОСТЬ

С семи лет Мите пришлось трудиться вместе со взрослыми. Цапину довелось и землю пахать, и молотобойцем работать, и слесарем, и плотником, и столяром, и сапожником.

«Может, кто и не поверит, но работу я с детства любил по-настоящему. Землю пахал и плотничал. Могу замок выковать и сапоги стачать. Могу и скрипку смастерить, – вспоминал Дмитрий Филиппович. – Был я сильный, и мне казалось, что я взрослый. В работе от взрослых не отставал».

Полученный в юности опыт пригодился ему в дальнейшей жизни. Как говорили мельковские старики, *«рукоремесло в жизни всегда пригодится».*

Несмотря на тяжёлый труд, без отпусков и выходных, питание российских крестьян было скудным: щи пустые, безвкусные, каша пшённая с молоком или квасом, хлеб. На праздник студень с квасом и хреном. А летом – огурцы, лук, арбузы, хлеб с квасом. На зиму солили огурцы, арбузы, запасали картофель, редьку, свёклу.

Одежду крестьяне царской России практически не покупали, шили сами из домотканых материалов, изготовленных из льна и конопли. Валенки валяли из овечьей шерсти. Поэтому Дмитрий Филиппович был непритязателен как в еде, так и в одежде.

Овладев специальностью плотника и столяра, вместе со старшим братом Пантелеем стал он работать по найму. Сам делал колёса к телегам и прочую крестьянскую утварь. А ведь в то время не было ни журналов с чертежами, ни интернета с обучающим видео. До всего приходилось доходить самому. Одним словом, *«талантливый самоучка, мастер на все руки, конструктор самодельных сельскохозяйственных машин».*

В 1907 году трое старших братьев (Тимофей, Пантелей и Дмитрий) отделились от отцовского хозяйства. Им выделили двух лошадей, корову, двух овец и нежилой амбар. В 1912 году, когда рядовой Цаплин приехал в отпуск, братья совместно за 200 рублей покупают часть конной крупорушки или, вернее сказать, – просорушки (машина, очищающая зёрна проса от шелухи). Это примитивное деревянное сооружение, которое местные жители называли топчок.

Несмотря на то, что работать приходилось от зари до зари, юный Дмитрий, как и все его сверстники, вечерами ходил на улицу. Магнитол и транзисторов не было. Музыкальные инструменты для них были не по карману, вот и делали ребята, в том числе и Дмитрий, их сами. Кто балалайку, кто гитару... Сами делали инструменты и сами учились на них играть, без нот, подбирая мелодию на слух. Даже организовали небольшой, как сейчас принято называть, ансамбль. А как замечательно Дмитрий пел русские старинные народные песни! Затеяливо выводил высокие фиоритурь, вскрикивал, делал паузы и пел то шепотком, то во весь голос – изумительно!

ТУРКЕСТАНСКИЙ САПЁРНЫЙ БАТАЛЬОН

Дмитрий был молод, полон сил, и ему, как и всем ребятам, нравились девчонки, а одну из них он полюбил. Однако признаться Нине в своей любви

он так и не смог. Осенью 1911 года Дмитрий Цаплин был призван в армию. Напомню, что в 1874 году была отменена рекрутская повинность, просуществовавшая почти двести лет, и была введена всеобщая воинская обязанность. Призыву в армию подлежали юноши, которым на 1 января исполнилось двадцать лет. От солдатской службы освобождались священники и медики, а лицам, проходившим обучение в учебных заведениях, давалась отсрочка до 28 лет. Срок солдатской службы составлял шесть лет, но в 1906 году срок действительной солдатской службы был сокращён до трёх лет.

В соответствии с разрядкой Мобилизационного отдела Главного управления Генерального штаба и имеющейся квалификацией и опытом работы столяром и плотником, Дмитрий Цаплин был направлен в сапёрный батальон 2-го Туркестанского полка.

Прибыв к месту службы, Дмитрий попал в телеграфную роту 2-го Туркестанского сапёрного батальона в качестве столяра при батальоне. На лето полк выводился в лагерь под село Троицкое, находящееся в трёх километрах от Ташкента.

Рядовой Цаплин в казармах своего полка считался мастером на все руки.

«Я был солдатом в сапёрном батальоне 2-го Туркестанского полка. Меня ставили к денежному ящичку. Я и знамя охранял. Ценили меня за то, что я всё починить мог», – вспоминал Дмитрий Филиппович.

А ведь в полковом денежном ящичке под охраной часового, кроме всего прочего, хранился в секретном пакете мобилизационный план, который мог быть вскрыт только в день объявления войны.

Здесь, в телеграфной роте, начался творческий путь батальонного столяра Цаплина, сделавшего однажды отличную копию репинских «Запорожцев». Удивлению начальства и сослуживцев не было предела: «Цаплин-то – художник!» После чего он начал рисовать своих сослуживцев. Но особой тяги к рисованию Дмитрий не испытывал, хотя спустя много лет в Париже любил уединяться с мольбертом в красивейшем парке Монсури, недалеко от которого располагалась его мастерская. К сожалению, его картины тех лет не сохранились.

В 1914 году рядовой Дмитрий Цаплин должен был демобилизоваться, но началась Первая мировая война. По мобилизационному плану 2-й Туркестанский армейский корпус оставался на месте постоянной дислокации до особого распоряжения. Но уже 16 августа 1914 года корпус, куда входил и сапёрный батальон, где проходил службу рядовой Цаплин, направили в район боевых действий на Кавказ и расквартировали в Тифлисе как армейский резерв.

Рано утром 16 октября турецкий флот неожиданно атаковал Одессу, Севастополь, Феодосию и Новороссийск. Наместник Кавказа телеграфировал о случившемся государю. Император Николай II приказал начать военные действия против Турции. На основании этого распоряжения главнокомандующий Кавказской отдельной армией, наместник на Кавказе граф Воронцов-Дашков отдал следующую приказ:

«Турки вероломно напали на наши прибрежные города и суда Черноморского флота. Высочайше повелено считать, что Россия в войне с Турцией. Войскам вверенной мне Армии перейти границу и атаковать турок».

И в ночь на 20 октября русские войска перешли турецкую границу. 25 октября все кеприкейские позиции были взяты. Однако, обойдя фланги, турки контратаковали, и 29 октября Кепри-Кей был ими отбит. На правом фланге корпуса турецкие части вышли к Российской государственной грани-

це у села Караурган. Туда в срочном порядке из района Тифлиса по железной дороге был выдвинут 2-й Туркестанский армейский корпус.

Кавказский фронт... Изнуряющая жара летом, зимой дикая стужа, снег в три метра высотой, занесённые снегом обозы. Чтобы двигаться вперёд, приходилось прорубать проходы в снежных заносах. От бескормицы кони погибали на глазах. И всё это – на высоте выше 3000 метров. А ведь сапёры всегда шли первыми. Нужно было обеспечить подходы к передовой, тянуть связь, наводить переправы через горные ущелья в тяжелейших климатических условиях и часто под огнём противника.

ОЗАРЕНИЕ

В середине февраля 1915 года 2-й Туркестанский армейский корпус был переброшен на Ольгинское направление. Штаб корпуса расположился в урочище Ольты.

Именно здесь, недалеко от небольшого турецкого городка Ид, будущий скульптор *«...бродя по оврагам вблизи расположения своего полка, нашёл маленький кусок белого мрамора. Эта находка натолкнула его на мысль сделать из камня свой портрет, пользуясь для этой цели фотографией. Товарищам по полку это изделие казалось волшебством. Посылались заказы. У Цаплина, по его собственным словам, кружилась голова».*

«С этого момента я стал жить, а до этого я не чувствовал жизни, – впоследствии вспоминал Дмитрий Филиппович. – Я был счастлив за этой работой. Для меня открылся новый мир...»

Работая над портретами сослуживцев, Дмитрий вначале делал наброски углем, но вскоре отказался от этого и стал *«работать сразу в материале»*. Вырезанный перочинным ножом из мягкого белого камня автопортрет хранился в сделанном им самим футляре. Как дорогую реликвию берёт скульптор этот первый маленький бюстик. К сожалению, после смерти дочери скульптора местонахождение бюста стало неизвестно.

Пик местной славы пришёлся на тот момент, когда рядовой Цаплин сделал бюст командира корпуса генерал-лейтенанта Михаила Алексеевича Пржевальского, а затем его адъютанта Моргунова.

Рядовой Цаплин так был увлечён своим открытием, с таким упоением и восторгом объяснял своим сослуживцам своё видение искусства, что в полку, с лёгкой руки адъютанта Моргунова, его прозвали Савонаролой.

«Я сделал сначала свой портрет, а потом начал делать портреты других. Но прославился, когда сделал фигурку генерала, корпусного начальника. Адъютант командира корпуса прозвал меня Савонаролой. Звали этого адъютанта Моргунов, и я сделал его портрет. Доктор нашего полка поехал в отпуск и привёз словарь, где я и прочитал про Савонаролу», – рассказывал Дмитрий Филиппович.

Как впоследствии мы увидим, адъютант Моргунов очень точно определил в рядовом Цаплине такие черты характера, как целеустремлённость и одержимость, доходящие до фанатизма.

А в это время на фронте наступило длительное затишье, что дало возможность Дмитрию больше времени уделять творчеству. Он часто бродил по окрестностям, где была расположена его часть. Эта привычка навсегда вошла в его жизнь. Где бы Цаплин ни проживал: в Саратове ли, в Париже, в Испании, в Лондоне – он любил часами бродить по окрестностям, присматриваясь к окружающему его миру.

И вот однажды рядовой Цаплин случайно забрёл на местное кладбище. Он искал подходящий кусок камня, чтобы сделать портрет своего сослуживца. Вдруг он заметил выступающую из-под земли голову барана. Освободив её от щебня и земли, Дмитрий увидел перед собой обыкновенный песчаник, обработанный рукой древнего персидского мастера. Дмитрий Филиппович был просто потрясён тем, как инструмент древнего мастера смело отсёк всё лишнее, оставив только главное. Это открытие словно молния озарило его, и Дмитрий испытал необъяснимое чувство, будто отверзлись духовные очи. Скульптор скорее почувствовал, чем понял, что отличает настоящее искусство от простого копирования оригинала. После этого случая рядовой Цаплин стал часто приходить на кладбище и подолгу глядел на скульптуру барана, старался понять и осмыслить то первое необъяснимое чувство, вспыхнувшее в его мозгу как молния, как озарение.

Это было время рождения великого Мастера. Дело в том, что, создавая свои скульптуры, Цаплин тщательно прорабатывал каждую деталь. А теперь он стал понимать, что главное в скульптуре – не внешнее сходство в деталях.

«Меня не волнует точная анатомия, скульптура в классическом стиле. Я хочу показать внутреннюю силу, сущность этого объекта», – эти слова были произнесены уже сложившимся скульптором Дмитрием Цаплиным девятнадцать лет спустя в интервью для одной из мадридских газет.

Именно это открытие и повлияло на его убеждённости в ненужности натурщиков. Цаплин научился схватывать в облике объекта самое главное, его сущность, его внутренний мир и после этого, уединяясь, начинал работать над образом.

Возможно, именно это открытие, сделанное на древнем кладбище, и позволило Дмитрию Цаплину спустя двадцать лет написать: *«Я люблю большое, глубокое в искусстве и потому преклоняюсь перед мудростью древних мастеров...»*

Кроме того, это событие послужило толчком для развития нового направления в творчестве Дмитрия Филипповича – анималистики, что принесло ему впоследствии мировую известность. Именно здесь, в урочище Ольты, недалеко от городка Ид, Дмитрий сделал свою первую анималистическую работу – небольших размеров скульптуру «Голова собаки».

Следующее наступление Кавказской армии началось только 10 января 1916 года атакой 2-го Туркестанского корпуса, где служил рядовой Цаплин. Туркестанские полки вели ожесточённые бои за овладение «Орлиным гнездом», что южнее города Ид, но, взяв его, корпус втянулся в ещё более дикие края. Кругом – бездорожье, сплошь непроходимые «чёртовы пропасти», заваленные снегом. Туркестанские стрелки в поднебесье гор вели бои с турками, защищавшими последний край Гяур-Даг (Собачья гора). В ущелье на палаточных полотнищах, словно на салазках, наши воины спускали своих раненых, убитых, обмороженных. Последних было особенно много. Но самое показательное то, что солдаты жаловались не на упорство турок, а на сильные морозы в горах.

2 февраля 1916 года был взят форт Кара-Гюбек, блокировавший единственную дорогу с севера на Эрзерум по узкому Гюрджи-Богазскому ущелью. Этот форт, расположенный на конусообразной горе, выдвинувшейся в самой середине ущелья, теперь был весь чёрный от разрывов русских снарядов и выглядел мёртвым и мрачным на фоне высоких хребтов, покрытых ослепительным, чистейшим снегом.

Через два дня перешёл в наступление и 1-й Кавказский корпус, поддержанный армейским резервом. Для турок наступление русских было полной неожиданностью, что позволило быстро овладеть кеприкейской позицией. Основная тяжесть наступления легла на пехоту, которой приходилось тащить пушки в гору на руках. Особенно тяжело пришлось войскам 2-го Туркестанского корпуса. Для того чтобы продвигаться вперёд, солдаты, в прямом смысле слова, прорубали в снегу туннели.

Через неделю был взят Гассан-Кала, и русские войска подошли к Эрзеруму. По данным нашей разведки, началась переброска турецких войск из Константинополя и Месопотамии к Эрзеруму. Чтобы опередить турок, генерал Юденич предложил немедленно штурмовать Эрзерум. Однако прибывший в армию из Тифлиса великий князь Николай Николаевич был против немедленного наступления. И только после долгих препирательств Юденичу удалось настоять на своём, и вечером 11 февраля русские войска начали штурм Эрзерума.

Уже 12 февраля были захвачены два форта, что дало возможность с севера выйти в тыл турецкой армии. 16 февраля русские войска ворвались в Эрзерум, и турки были отброшены на сто километров к западу.

1917 ГОД

В феврале 1917 года Николай II под давлением ближайшего окружения написал отречение от престола. Власть перешла к Временному правительству. Русская армия, которую ослабляли неорганизованность и измена в верхних эшелонах власти, начала разваливаться. Озлобленные и голодные, солдаты тысячами покидали фронт. Александр Керенский, премьер Временного правительства и любимец дам, развезжал по фронтам и обращался к войскам с призывом продолжать войну до победы. Однако его речи не убеждали солдат. Они бесконечным потоком двинулись домой. А в это время большевистская партия Ленина, которую Керенский загнал в подполье, быстро завоёвывала популярность в России. Возвращавшиеся с фронта солдаты вместе с рабочими и крестьянами по всей стране начали создавать комитеты и советы. Страна напоминала огромный митинг. Веками молчавший народ обрёл дар речи.

25 октября 1917 года в результате Октябрьской революции власть взяли большевики. Армия практически прекратила своё существование, и в конце декабря 1917 года 2-й Туркестанский полк был отправлен в город Мерв для дальнейшего расформирования.

САРАТОВ (1918–1924)

*Я не забочусь ни о здоровье, ни о земных почестях,
живу в величайших трудах...*

Микеланджело Буонарроти

1918 ГОД

Первый год Советской власти. Крестьяне получили землю в собственность, заводы и фабрики перешли в руки рабочих. Недра страны национа-

лизированы. Бывшие солдаты царской армии возвращаются домой. Страны Запада и США планируют раздел территории России.

В это время рядовой Дмитрий Цаплин возвратился после роспуска 2-го Туркестанского корпуса в родной дом. Многочисленная родня встретила его с радостью. Но больше всех обрадовались его отец, Филипп Александрович, и старший брат Пантелей, которых очень любил и уважал Дмитрий. Брат предложил ему взять назад часть своего дома, просорушку и жениться, но Дмитрий уже не смог продолжать прежнюю жизнь крестьянина. Крестьянские заботы больше не занимали его мысли. На то были две веские причины. Во-первых, безудержное желание стать скульптором и воплощать в дереве и камне образы, сложившиеся в его голове. Это стало теперь его главной целью. Во-вторых, пока он служил на действительной, затем воевал на фронтах Первой мировой войны, его любимая девушка Нина вышла замуж.

12 июня 1918 года в связи с катастрофической обстановкой на фронте Совет Народных Комиссаров объявил в Поволжье первый призыв в Красную армию *пяти возрастов* и военных специалистов, вводилось всеобщее военное обучение рабочих и крестьян. И Дмитрия Цаплина опять призвали в армию, теперь уже в Красную. Это и решило его дальнейшую судьбу.

Надо отметить, что Саратов всегда являлся одним из культурных центров России. Художественный музей и рисовальное училище, цирк и консерватория, несколько театров. Город дал целую плеяду известных художников, артистов, музыкантов, политиков и т. д. Органы Советской власти Саратовской губернии принимали активное участие в сохранении и развитии культурного наследия в эти тяжёлые годы Гражданской войны и разрухи, когда в Саратовской губернии неоднократно объявлялось военное положение.

Так, например, при Исполкоме был создан отдел по делам искусств (Большая Казачья, 26), а 5 марта председателем отдела и заведующим драматической секцией избирается Дмитрий Николаевич Бассальго, личность, по словам современников, *«деятельная и яркая»*, оказавшая огромное влияние на культурную жизнь Саратова.

Всей культурной жизнью города руководил отдел по делам искусств.

В октябре 1918 года состоялось открытие Саратовских государственных свободных художественных мастерских (ГСХМ) («Известия» от 22 октября 1918 года, № 13).

В ноябре *«скульптор Н. П. Волконский, представитель секции Рабоче-го Политехникума при внешкольном подотделе Губоно, представил смету на исполнение скульптурных портретов и памятников вождям революции»* («Известия» от 24 апреля 1918 года).

А в это время *«город живёт напряжённой, нервной жизнью. В окрестностях возводят укрепления. Население добровольно идёт на рытьё окопов. Чуть ли не на каждом шагу проволочные заграждения. В Радищевском музее давно замёрз водопровод. В нетопленных мастерских студенты работают в шубах, перчатках, валенках...»* – вспоминала М. А. Егорова (личный архив).

1919 ГОД

При непосредственной и активной поддержке Запада (Антанты) началось наступление с востока армии Колчака, а с юга – войск Деникина. В районе Саратова они планировали объединиться и начать совместное наступление на Москву. С 19 апреля в Саратове и Саратовской губернии приказом № 87 вводится военное положение.

И в то же время в художественных мастерских создаётся «Бюро по выполнению работ художественного характера», предоставившее студентам возможность подработать. В Саратове не прекращается работа по развитию у детей художественных навыков. Так, например, в июне в селе Большая Поливанова открылись театр, художественные студии и школа. Под руководством Фёдора Максимовича Корнеева, заведующего студией изобразительного искусства № 2, оформлением помещения занимался художник М. Арутчев. Коллегия изобразительных искусств при Губернском отделе народного образования организовала инструкторские курсы по изобразительному искусству для учителей. В Народном дворце открылась выставка работ дошкольников. В Затоне, в помещении 3-й Советской школы имени Н. И. Пирогова начала работать художественная школа.

После того, как 3 июля Добровольческой армией Деникина был взят город Камышин, тяжёлые бои развернулись под Балашовом, переходившим четыре раза из рук в руки, и на подступах к Лысым Горам. Белые вплотную подошли к Саратову, в Саратовской губернии объявляется осадное положение. Д. Н. Бассальго уходит на фронт. Главный итог его пребывания в Саратове очень точно сформулировал театралный критик и журналист Николай Михайлович Архангельский:

«Бассальго саратовский театр обязан многим, и, между прочим, тем, что среди общего распада театрального дела саратовский театр сохранил прочность и затем стоял всё время крепко и был одним из лучших театров провинции».

В этот тяжелейший период командование части, где служил Дмитрий Цаплин, обратив внимание на талант художника, направило его для получения специального художественного образования в Саратовские государственные свободные художественные мастерские.

И вот после семи лет службы в Русской, а затем Красной армии, следуя непреодолимому влечению к искусству и желая получить профессиональное образование, двадцатидевятилетний Дмитрий Цаплин приезжает в Саратов, подаёт документы в художественное училище и начинает искать для себя жильё. Критерием поиска жилья он определил для себя два условия: во-первых, недалеко от училища, во-вторых, во дворе должен быть какой-нибудь сарай, который можно было бы использовать под мастерскую. Уже в то время у Дмитрия сложилось в голове несколько образов, которые он хотел бы воплотить в дереве. Это образ его любимой девушки, его отца и его семьи. В это же время в Саратове объявляется конкурс на монумент красноармейцу, и Цаплин решает принять в нём участие. Он был молод, полон сил, и трудности не пугали его.

После непродолжительных поисков он остановил свой выбор на небольшом домике, расположенном в старой части города на улице Соляной. Во дворе этого дома был сарай, когда-то служивший конюшней, который можно было использовать под мастерскую. Хозяйкой недавно купленного домика была учительница начальных классов Александра Васильевна Горяинова. Она сдала Дмитрию небольшую комнатку. К сожалению, этот дом давно снесён, не сохранился и сарай, в котором размещалась первая мастерская скульптора.

АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВНА ГОРЯИНОВА

«Жить стал у Александры Васильевны, – вспоминал Дмитрий Филиппович. – Она выделила мне комнатку. Она сделала доброе дело. Люди

они были старого времени. Александра Васильевна Горяинова, учительница, прекрасный, образованный человек, я ей очень многим обязан...»

Я задумался над этой фразой, которую не раз повторял Дмитрий Филиппович, и решил поискать информацию об этом человеке в областном архиве. И чем больше собирал информации о жизни Горяиновой, тем больше утверждался в мысли о том, как много среди нас жило и живёт замечательных людей и как сильно порой их влияние на нашу будущность. Поэтому я считаю своим долгом более подробно рассказать об этом необыкновенном человеке, оказавшем огромное влияние на дальнейшую творческую судьбу Дмитрия Филипповича Цаплина. Причём, Человеке и Учителе с большой буквы, одарённом преподавателе, посвятившем всю свою жизнь обучению и воспитанию подрастающего поколения. Ведь Учитель – это не только тот, кто несёт в себе знания, но тот, кто наделён особым даром любить своих учеников и умело передавать им эти знания. Таким Учителем, как говорится, от Бога, была Александра Васильевна Горяинова.

Родилась Александра Васильевна в Саратове в 1883 году. В 1900 году окончила Саратовскую Мариинскую женскую гимназию, получив отличное базовое образование в привилегированном учебном заведении, где преподавали высококвалифицированные педагоги, с классами и кабинетами, оснащёнными всеми необходимыми учебными пособиями и материалами, с хорошо подобранной библиотекой.

В 1903 году Александра Васильевна поступила на Московские Высшие Женские курсы – первое в мире высшее учебное заведение для женщин, где прослушала курс на историко-философском факультете по отделению всеобщей истории и выдержала установленные факультетом испытания. А также выполнила все три требуемые факультетом практические работы. *«Специально занималась всеобщей историей и написала по данному предмету кандидатское сочинение»* (ГАСО ф. Р-315, оп. 6, д. 461, л.7).

Обучение Александре Васильевне пришлось прервать из-за революционных выступлений рабочих 1905–1907 годов, поэтому диплом Московских Высших Женских курсов она получила лишь в 1915 году.

По окончании курсов Горяинова стала преподавать в начальных классах школы. А, как всем известно, именно учитель начальных классов закладывает тот фундамент знаний, который впоследствии служит основой дальнейшей деятельности человека. И чем основательней фундамент, тем крепче стоит надстройка.

Воистину правы древние: ничто не происходит просто так. Не зря судьба привела Дмитрия, стремящегося к знаниям, в дом к этому удивительному человеку. Дмитрий, несмотря на склонность к уединению, был коммуникабельным и открытым, с детства тянулся к знаниям. Поэтому не удивительно, что он быстро нашёл общий язык с хозяйкой, которая сразу поняла, что её жилец – человек талантливый и имеет пылкий ум. Александра Васильевна предложила начинающему скульптору свою помощь.

Дмитрий Филиппович, достигнув высот мировой славы, не забыл об Александре Васильевне. Он сделал бюст этого замечательного Человека и Учителя, который сейчас хранится в Государственной Третьяковской галерее. Ведь она не только привила Дмитрию Цаплину любовь к искусству Древнего мира, которую скульптор пронёс через всю свою жизнь, но и познакомила с азами философии, что породило у Дмитрия тягу к философскому осмыслению создаваемого образа, научила основам французского языка, пригодившегося ему во время творческой командировки во Францию. Он часто повторял: *«Я ей очень многим обязан...»*

Вот почему Дмитрий Филиппович был ярким почитателем древнеегипетской скульптуры и считал, что искусство Египта было и будет прекрасным во все времена, а все его работы как бы «мыслят». Да и приехав в 1927 году во Францию, он мог, хотя и на плохом французском, общаться не только с местным населением, но и с коллегами по ремеслу.

ЛЕТО 1919 ГОДА

В начале лета 1919 года Дмитрий поступил в Саратовские государственные свободные художественные мастерские (ГСХМ), где в классе ваяния он и получил первые уроки пластики.

«В Саратове я пришёл в Высшие художественные мастерские и увидел размятую глину, стал лепить...» – вспоминал Дмитрий Филиппович.

Мастерские находились в здании нынешнего Художественного музея им. А. Н. Радищева, в подвальном помещении. Основателем мастерских был известный художник, профессор Академии художеств Алексей Петрович Боголюбов, задумавший объединить общедоступный художественный музей и рисовальную школу в единое целое, чтобы *«возвысить образовательное дело юношества»*, а также увековечить память о своём опальном деде – писателе Александре Николаевиче Радищеве.

Это было очень трудное время: в городе было введено осадное положение, разруха, голод, безработица.

«Среди учащихся много крестьян. Общежитие на 20 человек. Столовая на 120 обедов. Работают учащиеся с утра до вечера. Посещаемость мастерских очень хорошая. Плохо обстоит с художественным материалом. Помещение в настоящий момент является уже недостаточным», – пишет в статье «Отдел ИЗО в Саратове» автор под псевдонимом Приезжий («Искусство коммунизма» от 18 марта 1919 г.).

Кто-то поступал в художественные мастерские только в расчёте на бесплатный паёк, который им выделяла Советская власть, кто-то – в расчёте на бесплатные материалы для занятий. Были и такие студенты, которые, окончив курс обучения ваянию, поступали на другой курс, например, графики.

«Народу было много, возраста разнообразно, нередко были и женатые, и с детьми. Материалы художественные (бумага, холст, краски и т.п.) давали бесплатно», – вспоминал эти годы М. И. Поляков.

В художественных мастерских не было покурсного обучения и определённого количества лет обучения на факультетах. Посещение было свободное, студенты учились по своему выбору в классах таких художников, как А. И. Савинов, П. С. Уткин, М. В. Кузнецов. Всего было восемь групп – графическая, скульптурная и шесть художественных, где обучалось почти 350 человек! Группу графики вёл А. И. Кравченко, футуристов – Ф. Константинов. Была ещё мастерская «независимых», работавшая по принципу Старой Академии (без профессора). В скульптурных мастерских занималась группа опытных студентов, среди которых были Дмитрий Филиппович Цаплин и Эмиль Фёдорович Эккерт. У Дмитрия и Эмиля всю жизнь сохранялись тёплые товарищеские отношения.

В августе 1919 года войска генерала П. Н. Врангеля вплотную подошли к Саратову и находились всего в пятидесяти километрах от города. *«Ночами гром приближающейся канонады был слышен в самом Саратове»*, – вспоминали очевидцы. Началась эвакуация советских учреждений. Культурная жизнь в Саратове приостанавливается до ноября. По указанию В. И. Ленина

в Саратовской губернии была проведена мобилизация всего трудоспособного населения, в том числе и учащихся учебных заведений, на военно-полевое строительство. Студенты и преподаватели художественных мастерских были направлены на рытьё окопов на краю лесного массива Поливановки.

После того как белогвардейцы были отброшены, студенты и преподаватели художественных мастерских вернулись в Саратов. Начинался новый учебный год. Но учиться Дмитрию пришлось недолго. С детства приученный к самостоятельности, Цаплин резко разошёлся со своим педагогом в классе ваяния А. М. Лавинским в понимании задач скульптуры и методике обучения.

«Цаплин принадлежит к числу тех истинных художников, которым напряжённая работа творческой мысли не даёт ни минуты покоя. Чтобы дисциплинировать эту колоссальную энергию, направить её по правильному руслу, необходима была здоровая школа. Цаплин, к сожалению, не прошёл такой школы. Он формировался в тот период, когда каждый начинающий художник претендовал на создание собственной школы и рассматривал учёбу как покушение на его творческую индивидуальность. Так именно обстояло дело с Цаплиным, когда он учился в Саратовском художественном училище.

Цаплин упорно отказывался делать кубы, конусы и прочие геометрические тела, за что его награждали презрительными кличками. Когда терпение Цаплина истощилось, он в потрясающе короткий срок сделал несколько изумительных кубов (чем несказанно обрадовал преподавателей скульптурного класса) и... покинул училище», – пишет И. Хмарский в статье «Забытый скульптор».

По признанию самого Цаплина, в школе он чувствовал себя ужасно одиноким. Дмитрий не понимал учителей и того, зачем нужно ему было рисовать греческие фрески, а профессора не понимали ученика и того, что, собственно, нужно ему от искусства. Причина этого конфликта заключается в том, что он попал в ГСХМ уже сложившимся мастером, наделённым яркой индивидуальностью, работавшим по-своему и не терпящим вмешательства. Творческая зрелость Дмитрия Цаплина и своеобразие его таланта выделяли его на фоне других учеников, что вызывало недоумение учителей. Кроме того, неискушённому молодому человеку были малопонятны модные в то время течения в среде художников. Например, реалисты, академисты, импрессионисты, символисты, экспрессионисты, кубисты, лучисты, футуристы, геометрические абстракционисты и т. д. мало волновали его. До конца своей жизни Дмитрий Филиппович с презрением относился ко всем этим «измам» в искусстве, появившимся в конце XIX века, считая, что синонимом всех этих направлений является слово «карьеризм».

«Все «измы» – это карьеризмы», – часто говорил Цаплин.

К тому же, учитывая разницу в возрасте и жизненном опыте, Дмитрий не нашёл общего языка и с сокурсниками. И, по словам Цаплина, научившись, *«как смять глину»*, он оставил мастерскую и начал работать самостоятельно.

Однако это не помешало в том же 1919 году Дмитрию Цаплину принять участие в конкурсе на проект монумента красноармейцу в Саратове и получить, заметьте, II премию! (РГАЛИ, ф. 2943.оп. 4. ед. хр. 769. лл. 1–29).

1920–1924 ГОДЫ

Нередко жители Саратова видели, *«как какой-то долговязый чудак»* тащил на себе с Волги найденные на берегу сухие стволы деревьев в свою мастерскую, располагавшуюся во дворе дома на улице Соляной.

А когда поднять бревно было ему не под силу, так как порой оно достигало до пяти обхватов в комеле (более трёх метров в диаметре!), нанимал извозчика. Ведь начинающий скульптор использовал для реализации своих замыслов всё дерево целиком, с ветками. Необходимые инструменты он конструировал и делал сам, используя знания и опыт кузнеца, полученные в родном селе.

«Жил впроголодь, в великой нужде. Из огромных стволов деревьев, которые находил на берегу Волги и тащил к себе, тесал свои первые большие скульптуры: «Песнь весны», «Семья», «Красноармеец», «Грузчик». Я привык к труду, это моя стихия. Удовольствия, роскошь – это всё для меня чепуха...» – часто вспоминал Дмитрий Филиппович.

Неслучайно для своих крупных и объёмных работ Дмитрий выбрал дерево. Дерево архитектурно благодаря своим природным конструктивным свойствам. Ему присуща жизненная теплота цвета, его слои имеют вертикальное строение, разнообразна и сложна слоистость древесины. Дерево допускает самую разнообразную обработку поверхности, вплоть до зеркальной шлифовки. Оно легко принимает окраску, не теряя собственной фактуры. Дмитрий чутко присматривался к материалу, используя особенности его строения, его окраску, его плотность и вес. И все эти свойства он великолепно применял в своих скульптурах. Его резьба была довольно своеобразна и рождала ощущение накала естества.

«Дерево – моя слабость, оно духовнее камня, может быть, потому, что ближе к человеку: сначала космос камень создал, а дерево уже после, на пути к нам с вами...» – объяснял своё пристрастие к деревянным скульптурам Дмитрий Филиппович. – *Однако дерево дереву рознь. Одно дело – миниатюра, например, медвежонка из липы вырезать, а другое – того же медвежонка из дубового пня в натуральную величину. Это только кажется, что инструмент похож – всё те же стамески. Но в первом случае эту мелочь едва в руку возьмёшь, а во втором – прежде, чем за стамески возьмёшься, топором так намашешься, что семь потов сойдёт».*

Так же, как и всемирно известный итальянский скульптор Микеланджело Буонарроти, Дмитрий Цаплин жил и творил в уединении, полностью отдаваясь своему творчеству. Его колоссальная энергия как бы отдаляла его от окружающего мира.

«Жил замкнуто, много работал», – вспоминал впоследствии сокурсник Цаплина художник Борис Васильевич Миловидов.

В 1922 году Цаплин едет в родное село. Но и здесь Дмитрий трудится: помогает брату по хозяйству, а вечерами после ужина за чаем рассказывает родным о жизни в городе, о своей работе над «скульптурой». Внимательно слушает их рассказы о крестьянской жизни в новых условиях, местные новости. Однажды зашёл к Цаплиным их сосед Михаил Семёнович Новиков. Пили чай, разговаривали. И тут Пантелей говорит:

– А ты знаешь, Митя, что Михаил Семёнович ездил к Ленину?

– Нет. Расскажи, Михаил Семёнович.

– Дело было так, – начал свой рассказ сосед, а рассказывать, надо отметить, он умел так, что все слушали затаив дыхание. – После Февральской революции 1917 года началось трудное время. Армия разваливалась. Солдаты, возвращаясь домой, привозили с собой окопных вшей. В 1918 году в селе вспыхнул тиф, а затем грипп «испанка», унёсшие много жизней сельчан. Стали приезжать агитаторы от разных партий, все они обещали крестьянам землю и свободу. Появился Совет. Началась продрозвёрстка, когда местные власти забирали практически всё зерно. Затем появились разномастные

банды – «зелёные», «антоновцы» и т.п. Голова шла кругом: кого слушать, кому верить?.. И тогда решили селяне направить ходока в Москву. Собрали сельский сход, долго выбирали, кого послать, и решили ходоком к Ленину отправить меня.

Вернувшись в село, я подробно рассказал на собрании, как нас принял Владимир Ильич у себя в кабинете. Особенно поразило то, что он сам открыл дверь и пригласил к себе. Подавая руку, спросил каждого, из каких он мест. Как слушал нас внимательно, расположившись в кресле и прищурив один глаз, пытливо всматривался в наши лица.

Я рассказал, что задолго до революции обществом через Крестьянский банк купили землю, потом и кровью окупали её годами, порой голодая, чтобы выплачивать проценты. А теперь на нас смотрят как на собственников и собираются её отобрать.

Выслушав всех, ответил на вопросы, растолковал всё как есть. Когда уже уходили, мне дали бумагу для местных властей.

Одним словом, Советская власть пришла надолго, а Владимир Ильич за нашего брата-крестьянина, – подытожил Михаил Семёнович.

Выслушав этот рассказ, Дмитрий стал подробно расспрашивать о Ленине. Какой он, как разговаривает. Выспрашивал все мельчайшие подробности.

– Зачем это тебе? – спросил брат.

– Да есть у меня одна задумка... – ответил Дмитрий.

В этот момент, надо полагать, и зародилась у него мысль сделать бюст Ленина, первый вариант которого он представил на своей персональной выставке в Саратове (1924).

«Голова Ленина производит впечатление незабываемое, в ней чувствуется напряжение и сосредоточенность мощной мысли, – писал критик В. И. Зелинский («Известия Саратовского Совета» от 5 декабря 1924 года).

Весть о том, что к Пантелею Цаплину приехал его родной брат-художник, дошла и до местных властей, попросивших Дмитрия сделать бюст Карла Либкнехта, популярного в то время в Советской России руководителя восстания немецких рабочих (1919). Таким образом, здесь, в родном селе Дмитрий Филиппович получил свой первый скульптурный заказ.

«Ему заказали бюст Карла Либкнехта. Памятник не сохранился, но любопытен факт его возникновения, объясняющий обстановку, в которой творил художник. На Волге всюду свирепствовали голод и разруха, а деревня, заброшенная в саратовских просторах, страстно желала иметь бюст Карла Либкнехта, одного из социалистических вождей тогдашней Германии, и заплатила скульптору пятью мешками ржи», – писал в статье «Непризнанный гений (скульптор Дмитрий Цаплин)» К. А. Макаров.

По возвращении в Саратов Дмитрий Цаплин, чтобы как-то прокормиться, устроился в Культпросвет Губвоенкома. Хотя постоянная работа и отнимала много времени, однако дала возможность в дальнейшем получить разрешение на проведение своей выставки в здании Саратовской консерватории.

ПЕРВАЯ ПЕРСОНАЛЬНАЯ ВЫСТАВКА

И вот, как бы подводя итог шестилетнего упорного труда в старом сарае, бывшем когда-то конюшней и переоборудованном под мастерскую, тридцати-четырёхлетний скульптор Дмитрий Цаплин в конце 1924 года решил выставить на общее обозрение свои работы. Так родилась первая персональная выставка, как писали газеты того времени, *«талантливую и упорную скульптуру»*

итора-самоучки». Выставка была проведена в зале в здании консерватории, преобразованной за два месяца до этого события коллегией Главпрофобра в музыкальный техникум.

М. И. Поляков в разговоре с Е. И. Водососом вспоминал, как бывший их сокурсник Дмитрий Цаплин таскал на себе свои почти трёхметровые работы на четвёртый этаж консерватории. И как студенты, и особенно студентки, с восхищением смотрели на высокого светловолосого крепкого парня с огромными деревянными скульптурами на широкой спине.

На выставке Д. Ф. Цаплин представил девять скульптурных работ. Расскажу о некоторых из них.

«Песнь весны». 1920–1923. Дерево.

Трёхметровая композиция из берёзы, со сложным пластическим решением, состоящая из переплетённых в единое целое фигур матери и двух детей, с плавными линиями тел, устремлённых ввысь, к небу и солнечному свету. Она была сделана из дерева, за которое Дмитрий заплатил миллион рублей. Вот как описывает этот случай сам Цаплин:

«Вышел как-то погулять на берег Волги. Смотрю: хороший чурбак лежит.

– Сколько стоит? – спрашиваю хозяина.

– Миллион, – говорит.

Алё! По тем временам мешок картошки дороже стоил. Но всё равно и миллиона у меня тогда не было. Выручила Александра Васильевна Горяинова, сейчас заслуженная учительница. Дала она мне деньги. Впрочем, посмотрите: вот он, этот миллион – «Песнь весны» называется...»

Подавляющее большинство критиков признали, что наиболее эффектно смотрелись его габаритные композиции, впоследствии с большим успехом экспонировавшиеся в Москве и за рубежом.

Бюст «Мой отец». 1922. Дерево.

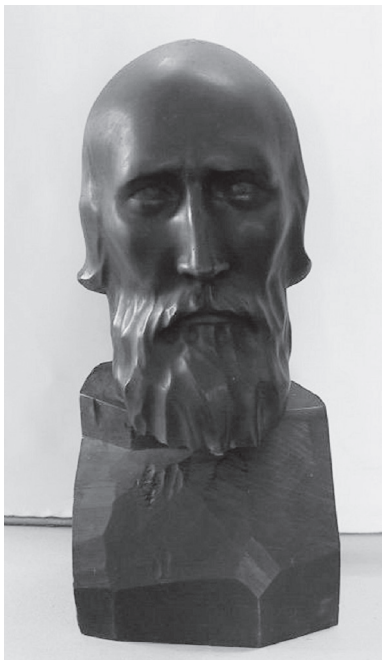
С левой стороны подставки на торце вырезано: «Мой отец 1922», слева по боковому торцу процарапано: «Цаплин».

Бюст находится в Астраханской государственной картинной галерее имени П. М. Догадина, поступил из Государственной Третьяковской галереи в 1925 году.

Скульптор очень любил своего отца и в каждый сделанный его портрет вкладывал

«Песнь весны»

Бюст «Мой отец»

вал частичку своей души. Поэтому пять бюстов отца находятся в российских музеях (Пермская государственная художественная галерея, Новосибирский художественный музей, Калининский историко-краеведческий музей, Государственная Третьяковская галерея).

«Семья (фрагмент), или Три возраста». 1920–1923. Дерево

2,5-метровая пятифигурная композиция «Семья», символизирующая крестьянскую семью того времени. Мужчина и женщина, стоящие к ним спиной старик и старуха, значительно меньших размеров, одетые в длинные одежды, и младенец у их ног.

В этой композиции показаны знакомые с детства отношения в крестьянской семье, где нередко вместе проживали три-четыре поколения.

«Сеятель». 1917–1919. (Гипс тонированный. Государственная Третьяковская галерея).

В этих своих первых работах Дмитрий стремился показать то, что ему было близко и знакомо с самого детства, то, что он пережил и прочувствовал своей душой. Измождённый недоеданием крестьянин сохранил до весны семена для посева. Бросая их из последних сил в родную землю, он надеется, что предстоящей зимой его дети уже не будут есть хлеб из мякины, а весной из лебеды...

«Я трудился всю жизнь, был пахарем, сапожником, кровельщиком, трудился и наблюдал. Плакал тех, кто плакал, и радовался с теми, кто ликовал... Я наблюдал жизнь моих земляков, моего народа, она вся в моём искусстве. Я шёл к свету знаний, переживая, оставляя всё, что дала мне в наследство тёмная, глухая деревня, и унося с собой всё, чем наградила меня мой талантливый великий народ», – рассказывал на склоне своих лет Дмитрий Филиппович.

В первое время на выставке было мало посетителей. Трудно сказать, что на это повлияло – то ли небольших размеров невзрачно оформленная афиша, то ли неизвестное публике имя.

В первых числах декабря посмотреть на работы молодого скульптора зашёл саратовский критик В. И. Зелинский, писавший под псевдонимом Л. К., и был настолько поражён и зачарован скульптурами Цаплина, что написал восторженную рецензию на эту выставку («Известия Саратовского Совета» от 5 декабря 1924 года):

«НА ВЫСТАВКЕ СКУЛЬПТОРА Д. ЦАПЛИНА

На самом верш музыкального техникума в большем зале – несколько работ из дерева, камня и гипса. Работы Цаплина приковывают. Они влекут, дерево в его огромных фигурах живёт, даёт впечатление движения и лёгкости изумительной. В танце гибкая фигура девушки, вся в ярких намёках, непередаваемо чарующих, как будто тело танцовщицы окутано лёгкой прозрачной тканью. Хороши «Гамма», «Песнь весны». Голова Ленина производит впечатление незабываемое, в ней чувствуются напряжение и сосредоточенность мощной мысли. Особенно радостно видеть эту работу после мелких изображений нашего вождя, которые обычно возмущают и вызывают чувство досады. Работы Д. Цаплина производят впечатление значительного художественного мастерства.

Бесконечно жаль, что эта выставка как-то проходит вне общественного сознания. Прежде всего, на неё следовало бы обратить внимание нашим культурным организациям и привлечь общественное внимание. Будет непро-

стительно, если выставка работ Цаплина пройдёт бесследно, при вялом интересе окружающих.

А. К. »

После выхода этой статьи в областной газете саратовцы начали более активно приходить на выставку доселе неизвестного скульптора, и, как вспоминали впоследствии М. И. Поляков и М. А. Егорова (Троицкая), впечатления от выставки Дмитрия Цаплина затмили грандиозную экспозицию современных немецких художников-экспрессионистов, проходившую в это же время.

Однако реакция на выставку Цаплина была неоднозначной. Кто-то восторгался его работами, кто-то завидовал его таланту, а кто-то просто сплетничал, ища скрытые пружины, позволившие провести Дмитрию в здании консерватории свою персональную выставку. До сих пор в среде искусствоведов ходят споры об этом. А ответ довольно прост: как отмечалось выше, по окончании Гражданской войны Дмитрий Филиппович работал при Культпросвете Губвоенкома. У него были золотые руки, в чужие дела нос не совал, да и работы не боялся. *«В армии меня ценили за то, что я всё починить мог...»* Поэтом, работая в Культпросвете Губвоенкома, он имел хорошие отношения с руководством и, как он неоднократно подчёркивал, *«без всякой посторонней помощи мог добиться в жизни всего, чего хотел»*. Это и позволило ему в 1924 году получить разрешение на проведение своей первой персональной выставки в здании консерватории, в то время музыкального техникума.

А вот ещё одно мнение маститого саратовского критика Николая Михайловича Архангельского, опубликованное в «Известиях Саратовского Совета» от 9 декабря 1924 года.

«ВЫСТАВКА СКУЛЬПТОРА Д. Ф. ЦАПЛИНА

«Средь шумного бала» концертов, лекций и «боевиков» экрана текущего сезона совершенно затерялась скромная своими еле заметными афишами выставка скульптора Цаплина. Многие с недоумением даже спрашивали: кто сей неведомый чудак, рискнувший устроить выставку из собственных произведений на четвёртом этаже музыкального техникума (в так называемом оперном классе)? Действительно чудак. В холоде, в голоде, порвав с художественными мастерскими, куда он было поступил по классу скульптуры, не имея не только ателье, но даже просторной комнаты, где он мог бы установить увесистые и высокие брёвна, из которых затем резал свою «скульптуру», таская эти брёвна с берега Волги на себе, — этот чудак в течение шести лет упорно работал, ведомый вперёд одной лишь силой — силой художественного творчества. И когда в холодном сарае Цаплин своим резцом давал умершему дереву новую жизнь, уродились наконец произведения, удовлетворившие художника, он решил отдать их на публичный суд. Так родилась эта выставка...»

Уже одна судьба этого скульптора-саратовца заслуживает самого живого внимания. Много ли таких упорных, настойчивых работников знает наше искусство? Особенно — скульптура. **Ведь Цаплин — первый скульптор-саратовец, показавший нам свою работу. Остальные... Где они?** (выдел. Авт.)

Но, быть может, выставленные им вещи не имеют художественной ценности?

Сходите на выставку, и вы убедитесь в обратном.

Цаплин выставил шесть изваяний из дерева и три работы из гипса — три портрета. О последних не хочется говорить, и едва ли сам художник

придаёт им большое значение. Но его статуи из дерева невольно останавливают на себе внимание, интересуют, волнуют.

Это шесть больших работ. Фигуры, фундаментальные группы-монолиты, около сажени ростом. Но первое, что бросается в глаза, – лёгкость рисунка, а обнажённое тело молодой женщины, стыдливо мечтающей, – это рисунок и воздушно-изящный. Вообще тело у Цаплина живёт. Оно гибко, зыблется (в группе, например, «Танец»), даёт впечатление тёплой крови, упругих мускулов. Второе – это общая экспрессия, красноречивая выразительность. Ни одна из выставленных вещей не имеет названия, и тем не менее сразу ясно, что хотел сказать Цаплин своим резцом. Эта ясность – верный признак дарования.

Не всё в работах Цаплина безупречно. Вероятно, специалисты найдут дефекты в частностях, хотя среди именно этих «частностей» как раз есть и превосходные детали: например, руки трёх фигур в очень сложной композиции-группе – мать с умирающим на руках ребёнком, и у ног её девочка, протянувшая руки к умирающему братику.

Художник находится ещё в периоде роста. Однако то, что он уже дал, свидетельствует и о значительной зрелости, и об истинном даровании.

Выставка стоит того, чтобы побывать на ней, чтобы уделить ей и время, и внимание.

Марко Брун»

Да, мнения в оценке работ скульптора разошлись, и это понятно – на вкус и цвет товарищей нет. Так, например, «левые художники» отнеслись к выставке Цаплина со скептицизмом, однако большинство молодых литераторов, артистов и музыкантов отзывались о его скульптурах восторженно. Наряду с отсутствием «крепкой профессиональной выучки и подлинной пластической культуры» были отмечены мощный темперамент, громадное дарование скульптора и его потрясающая работоспособность.

Изумив саратовцев многоплановостью и монументальностью своих работ, Цаплин уехал в Москву, забрав с собой все свои произведения. Перед отъездом Дмитрий обратился с ходатайством в Саратовский горисполком о выделении ссуды в размере 75 рублей на переезд в Москву. Однако президиум горисполкома Саратова ответил отказом: «За отсутствием средств отказать». Но всё же власти города нашли способ помочь начинающему скульптору – его работы были отправлены в столицу отдельным вагоном.

ПЕРВЫЙ МОСКОВСКИЙ ПЕРИОД (1925–1927)

В Москву Дмитрий Цаплин приехал в канун своего 35-летия и проработал практически три года (1925–1927). Он быстро включился в художественную жизнь столицы, стал выставляться и сразу же привлёк к себе внимание «столитных скульпторов и знатоков искусства оригинальностью композиций, мастерством исполнения и абсолютным чувством материала». Под мастерскую ему выделили место в сарае во дворе Дома Союза писателей на Тверском бульваре, 25, или, как его все называли, – «у Герцена».

У Дмитрия выработался свой особый ритуал работы с исходным материалом. Перед тем как начать делать новую скульптуру, он долго ходил вокруг камня или дерева, гладил его, всматривался, думал, стараясь почувство-

вать его душу, понять его сущность. В этот момент он полностью отключался от настоящего, переставал видеть и слышать окружающее, словно получая давно забытые знания от своих предков. И только поняв, почувствовав и увидев то, что было сокрыто от чужих глаз, начинал творить чудо.

Предварительных рисунков или эскизов он практически никогда не делал – высекал или резал прямо в материале. (РГАЛИ. Фонд 2943, оп. 4, ед.хр. 769, личное дело Д.Ф. Цаплина). *«В принципе, я работаю так и по сей день, без набросков, моделей, эскизов. Беру материал и из него делаю вещь...»* – рассказывал Дмитрий Филиппович. Изготавливал и точил инструмент Дмитрий всегда сам.

Тревожный, напряжённый, трагически воспринимавший критику и так часто не уверенный в себе, он преображался за работой. Его движения становились выверенными и точными, он убирал всё лишнее, словно освобождая из неволи своим резцом существо, находившееся в куске камня или дерева. С математической точностью он ударял молотком по резцу и отлетал именно тот кусочек камня, именно того размера, иногда крошечный, какой скульптору был нужен.

Дмитрий Цаплин, 1927 г.

А когда он работал по дереву, то казалось, что он держит не долото, а смычок скрипки. Работал он, как и итальянский скульптор Микеланджело Буонарроти, без усталости, упорно, до самозабвения, вкладывая частичку своей души в нарождающийся образ. Причём творческая мысль работала постоянно, поэтому он предпочитал, чтобы мастерская была рядом. А если это было невозможно по каким-то причинам, он ставил в мастерской топчан и часто там ночевал, порой среди ночи вскакивая и начиная работать, часто над уже готовой скульптурой. Окончив работу, он говорил: *«Вот теперь то, что нужно»*.

«Он брал камень или дерево, воспринимая его как некий объём, и делал из него свой объём – скульптурный, изобразительный, звучащий как слово. При этом принципиально минуя все подготовительные стадии: рисунки, эскизы, форэскизы и прочее... Он никогда ничего не переводил из пластилина или глины в твёрдый материал... В этом – никакого новаторства. Эта традиция многовековая, идущая из глубины времён...» (Из выступления на Международной научно-практической конференции «Искусство и власть» скульптора В.П. Буйначева. Саратов, 2016 год).

Как заметил саратовский искусствовед Е.И. Водонос, Дмитрий Цаплин, подчиняя свой замысел живой форме дерева, высвобождает из ствола дерева заведомо заключённый в нём образ. Практически так же высказывались современники о манере работы Микеланджело, когда резец скульптора словно оживляет тело, спрятанное в мраморе.

Вот как описал сам Микеланджело Буонарроти процесс рождения своих скульптур (перевод А. М. Эфроса):

*И высочайший гений не прибавит
Единой мысли к тем, что мрамор сам
Таит в избытке, – и лишь это нам
Рука, послушная рассудку, явит.*

Постоянного места жительства у Дмитрия Цаплина в Москве не было. Приходилось ежевечерне искать место для ночёвок. Как выражался сам Цаплин: «Жил по друзьям...» Но это не мешало ему не только упорно работать над скульптурами, но и активно участвовать в художественной жизни столицы.

Практически сразу по приезде в Москву в начале января 1925 года Дмитрий становится членом Ассоциации художников революционной России (АХРР). И сразу же принимает участие в работе 7-й выставки, организованной АХРР, проходившей с 8 февраля по 15 марта в Москве в Музее изобразительных искусств, где экспонирует бюст «Мой отец» (1922, дерево) и бюст В. И. Ленина (1925, дерево), сделанный Дмитрием уже в Москве за четыре дня специально для этой выставки.

Возникает естественный вопрос: как за такое короткое время можно воссоздать образ Ильича, привлёкший внимание его соратников своим реализмом? Как мы видим из ранее сказанного, первую попытку понять и выразить в гипсе образ вождя пролетарской революции Дмитрий сделал ещё в Саратове. Он пошёл своим непроторенным путём к созданию героико-монументального образа Ленина, над которым впоследствии работал практически всю жизнь.

Цаплинский Ильич резко выделялся на фоне ленинских портретов других скульпторов. Многие художники и скульпторы работали над образом Ленина, в том числе и скульптор Н. Андреев, создавший впоследствии всемирно известную «Лениниану». Однако портреты, рисунки, бюсты Ленина того времени различных авторов в основном были малоудовлетворительны. Как отмечает А. А. Фёдоров-Давыдов в своей статье «Скульптура», «только работы Н. Альтмана, Д. Цаплина, И. Чайкова и Б. Королёва заслуживают серьёзного внимания». Соратник Ленина – Леонид Борисович Красин, участник социал-демократического движения в России с 1890 года, советский государственный и партийный деятель, сказал: «После обхода этой небольшой выставки с грустью начинаешь думать, что истинный образ Владимира Ильича остаётся совершенно неуловимым для художников...»

В 1926 году Дмитрий Филиппович вступил в Общество русских скульпторов (ОРС) и с самого начала стал принимать активное участие в его работе.

Автопортрет 1925–1927 гг.

В Москве Дмитрий делает и свой автопортрет в той же манере, что и «Голова Ильича», только из мрамора.

В ОРСе подобралась дружная команда, которая собиралась раз в неделю. Эти встречи проходили бурно. Спорили об искусстве, обсуждали методы работы, готовились к выставкам, мечтали. Так, например, Г. И. Кепинов (15.01.1886–17.07.1966) был ярким сторонником академической манеры, *«требовал, чтобы скульпторы строго придерживались натуры и во всех деталях прорабатывали свои вещи»*. Кепинов в 1909 году окончил Петербургский университет, затем учился в художественных студиях в Париже. С 1921 года жил в Москве.

А вот М. Д. Рындзюнская и Д. Ф. Цаплин были против натурщиков и считали, что натура только стесняет художника.

Время, когда все ОРСовцы готовили очередную выставку, было особенным. Забывались все споры и разногласия. Царила атмосфера доброжелательности и взаимопонимания. И это несмотря на то, что ОРСовцам приходилось работать в трудных условиях: не у всех были свои мастерские, материалы стоили дорого, да и достать их было нелегко.

Как я уже неоднократно отмечал, характерными чертами Дмитрия Филипповича была простота и в то же время независимость. Для него не существовало авторитетов, он понимал своей крестьянской душой, что рассчитывать можно только на себя, на свой труд. Поэтому общаясь с коллегами, участвуя и экспонируя свои работы на выставках АХРР, ОРСа и других творческих организаций, он никогда не примыкал ни к каким группировкам, оставаясь свободным и самобытным скульптором.

Первая выставка, организованная ОРС, открылась 28 марта 1926 года в Москве в здании Государственного Исторического музея и называлась «Государственная художественная выставка современной скульптуры». В ней участвовали 29 художников, экспонировалось 147 произведений. По итогам выставки был издан каталог «Государственная художественная выставка современной скульптуры». (Вступительная статья А. Бакушинского. Каталог. Художественный отдел Главнауки НКП РСФСР, М. 1926). На выставке был представлен практически весь цвет скульпторов – Королёв, Эрвзя, Чайков, Домогацкий, Мухина, Голубкина, Лебедева, Ефимов, Ватагин. Как писала московская пресса, *«незнакомцами для Москвы были Фрих-Хар и Цаплин»*. Надо отметить, что на этой выставке было представлено много работ в дереве.

Главным же событием выставки были выполненные из дерева и мрамора работы С. Т. Конёнкова, находившегося в это время за границей. Московский критик А. В. Бакушинский писал, что Конёнков *«повернул русскую скульптуру от импрессионизма... к культуре выразительности и полноты пластической формы... вновь открыл для современности таинственную и органическую связь формы и вещества»*. Дмитрий Цаплин на этой выставке воспринимался как заметная фигура этого направления. И не зря же цаплинская скульптура «Гамма» стояла рядом с известной конёнковской скульптурой «Раненая».

Одна из организаторов ОРСа Анна Семёновна Голубкина, ученица Родена, увидев работы Дмитрия Цаплина, сказала: *«А ведь у него хорошая вещь. С большим чувством сделана»*.

Это был блистательный дебют саратовского скульптора в Москве. Дмитрия Цаплина не только заметили, но и поставили рядом с известными мастерами того времени. А это, как вы сами понимаете, дорогого стоит. Однако, несмотря на это, Дмитрий не зазнался, а продолжал упорно тру-

диться над новыми скульптурами. В этот период из-под его резца выходят такие грандиозные работы, как загадочный «Гриф», «Встающий человек», «Волжский грузчик», «Мой отец», «Страж СССР». Особенно потрясла всех скульптура «Волжский грузчик». Отполированная до блеска, она напоминает крепко стоящего на земле русского богатыря в лаптях и рубахе навыпуск. Благодаря монументальности и образности, грузчик становится символом труда. *«Цаплинский грузчик производит потрясающее впечатление. Он словно нависает над тобой и давит всей своей громадой»*, – рассказывает А. П. Краснопёрова, искусствовед Саратовского государственного художественного музея имени А. Н. Радищева и автор нескольких работ о творчестве скульптора. Именно скульптура «Волжский грузчик» ошеломила своей новизной французов, а падкие до сенсаций западные газеты назвали Дмитрием Цаплиным *«гениальным русским мужиком с берегов Волги»*.

«Я жил тогда интересами науки, культуры и мысли, – вспоминал много лет спустя Дмитрий Филиппович. – Нам говорили: «Стройте новую жизнь, пройдёт время, и вы непременно построите». А я уже тогда жил в новой жизни. Я верил и радовался, мой дух расцветал...»

В январе 1927 года Дмитрий Филиппович организует свою вторую персональную выставку*, проходившую в Москве в сарае-мастерской при «Доме Герцена» на Тверском бульваре. На ней были представлены как большие, сложные композиции, так и небольшие статуэтки, и головы, талантливо вырезанные из дерева. Привлекали внимание скульптуры «Мой отец», «Красноармеец», «Встающий человек», «Волжский грузчик», «Гриф». Особенно выделялся замечательный бюст Ленина. Эта выставка принесла Цаплину не только известность, но и изменила всю его дальнейшую судьбу.

А. В. Бакушинский опубликовал рецензию в журнале «Красная нива», № 7 от 13 февраля 1927 года:

«В каменном сарае при Доме писателей на Тверском бульваре открылась выставка скульптуры Д. Ф. Цаплина. Выставка мало посещается. О ней не знают. Но производит она впечатление большое и своеобразное. Виденное там не забывается. Перед нами талант несомненный и – большого калибра, находящийся на пути к самоопределению и упорно добывающийся намеченной цели, вопреки невероятной тяжести чисто внешних условий... (выдел. Авт.)»

Путь намечился изнутри, сам собою. Период напряжённого творчества начался с 1922 года. В эти годы определились очень ярко индивидуальность художника и основные свойства его формы.

Мир образов Цаплина характерно-скульптурный, несмотря на некоторую аллегоричность и оттенок литературности в его начальных темах. У Цаплина можно отметить два типа художественного мышления и обработки скульптурного замысла – в прямом соответствии двум коротким, но контрастным периодам творческого развития этого художника. Первый период – с начальных опытов до 1925 года. В это время у скульптора господствуют символические образы, навеянные в значительной мере музыкой и отвлечёнными ритмами движения. Таковы «Гамма», «Танец», «Песнь весны», «Ноктюрн», «Порыв». Пластический материал человеческого тела, богатство форм и их отношений для Цаплина здесь лишь средство ритмической выразительности.

* 1927 год. Персональные выставки. ЦАПЛИН Д. Ф. Выставка скульптуры. Открыта 9 января 1927 г. в Москве в помещении Союза писателей.

Второй период в развитии Цаплина как скульптора обозначился примерно с 1925–1926 гг. Происходит резкое изменение и тематики, и форм творчества... В этих произведениях последнего времени всё становится противоположным тому, что увлекало художника раньше. В противовес духовной напряжённости и телесной истончённости прежних работ теперь господствует начало материально-пластическое, характеристика напряжения чисто телесного. Внимание скульптора привлекает первичная мощь скульптурной массы. Его пластическая форма становится иной: грузные пропорции, большие объёмы и их соотношения в сложном взаимном напряжении. Цаплин ищет вескости формы. И поэтому, кроме привычного дерева, он стремится к использованию и такого материала, как гранит. Характерно, что Цаплин, как подлинный «скульптор», почти не пользуется глиной, предпочитая работать в твёрдом материале (пока исключительно почти в дереве).

Процесс его работы своеобразен. Все свои вещи – в большинстве очень крупных размеров – он выполняет без натуры, без предварительных эскизов, отыскивая скрытую в бесформенном куске пластического форму...

Цаплину предостоят большой и серьёзный путь, упорная работа над языком стилистической формы, над внимательным изучением натуры. Всё остальное у скульптора есть в достаточной мере для выхода в большое искусство...»

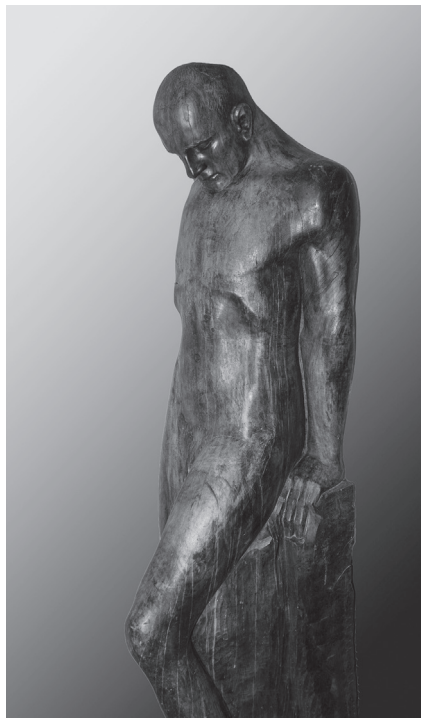
Надо отметить, что А. В. Бакушинский и в дальнейшем неоднократно возвращается в своих работах к творчеству скульптора Дмитрия Филипповича Цаплина.

В газете «Известия» от 3 марта 1927 года была опубликована статья критика Я. Тугендхольда «По скульптурным мастерским», в которой он не только восхищается несомненным талантом скульптора, но и ставит вопрос о материальной поддержке молодых дарований:

«...Саратовский крестьянин, бывший столяр и красноармеец Д. Цаплин, несмотря на холод в своей мастерской-сарайе «у Герцена», уже несколько лет режет из дерева одну за другой фигуру в натуральную, а то и большую величину. Из его творчества рвётся такой же страстный человеческий прорыв, какой был у Родена. Но если в ранних работах Цаплина этот динамизм носил некий философский или стилизованный характер (группа «Три возраста», «Гамма», «Песнь весны», «Ноктюрн»), то теперь Цаплин обеими ногами упёрся уже в более конкретную почву. Он изображает грузчика, сеятеля, красноармейца и т. д. И в этих мощных древесных массивах порывистость Цаплина уже уравновешена архитектурной композицией, сдержанной силой, монументальностью. Особенно величав его громадный волжский «Грузчик» – подлинный Атлант. Все эти работы Цаплина в настоящее время выставлены им в мастерской «у Герцена» для обозрения публики.

В лице Цаплина перед нами, несомненно, большой талант-самородок, которому недостаёт только той шлифовки, что даётся практикой. Но чтобы не остаться этой практикой (столь частое горе нашего художества!), чтобы заняться этой практикой, чтобы наконец попросту работать с живой моделью – нужны средства. Между тем за несколько лет творчества Цаплина у него приобретена лишь одна вещь – деревянный бюст Ильича. ПОЧЕМУ?»

Хочу обратить ваше внимание на то, что Я. Тугендхольд первым сравнивает скульптуры Дмитрия Цаплина с работами Родена. В Париже к такому же выводу пришёл и Пабло Пикассо!

«Поднимающийся человек»
1925–1926. Дерево

«Волжский грузчик»
1925–1926. Дерево

А. В. Бакушинский в журнале «Искусство» (1927) в статье «Современная русская скульптура» отмечает:

«Пока это самородок, деревообделочник. Его материал – дерево. Справляется скульптор с материалом любовно и по-своему очень удачно, быстро изживая формальную неустроенность в некоторых вещах как остаток наивности и дилетантизма...»

Типичным экспрессионистом-самобытником показывает себя и Цаплин. На выставке два этапа его развития. Первый, ранний, характеризуется лучше всего «Танцем». В темах этого периода символизм, литературный привкус, поиски «настроений». В форме все досадные признаки того же *modern'a*. Формы истощены, пропорции преувеличенно вытянуты. Они – только каркас, дающий направление их движению в пространстве, средство ритмической выразительности. Второй, современный период вполне контрастен первому по художественным исканиям. Скульптор увлечён языком пластических масс, их мощью, их материальной выразительностью. Грузные пропорции, напряжённость отношений форм и движения, резкое изменение в выборе тем. Интересует героика труда, нередко его титанического напряжения. Таковы «Грузчик», «Человек».

Об этой работе лучше всего рассуждает сам автор «Волжского грузчика»:

«Вы говорите, что мой грузчик задавлен... Да посмотрите на его плечи и мускулы. Разве ему тяжело? Он грузчик по профессии. Он любит свою работу и привык к ней. А если захочет, то сбросит свою ношу. Он свободный человек. У нас на Волге раньше были целые династии грузчиков. Всю жизнь работали грузчиками и гордились этим. Нет, мой грузчик не чувствует тяжести. Она ему привычна...»

Произведения Д. Цаплина были замечены и московской прессой.

О работе выставки «Совкино» сняло кинохронику, впоследствии показанную во многих городах СССР. Фрагменты из неё были включены в документальный фильм о творчестве Д. Ф. Цаплина (автор

М. Д. Игнатов), снятого Ленинградской студией научно-популярных фильмов незадолго до смерти скульптора, но вышедшего на большой экран только в 1970 году.

Персональную выставку Цаплина посетили народный комиссар просвещения А. В. Луначарский и народный комиссар по военным и морским делам К. Е. Ворошилов. И надо отдать должное первому наркому просвещения А. В. Луначарскому, имевшему острый глаз и отменный вкус. Под впечатлением от работ Дмитрия Филипповича, представленных на этой выставке, почувствовав всю мощь его таланта и видя недостаток профессионализма в его работах, Луначарский приказом по Совнаркому отправляет Дмитрия за границу *«с целью изучения классического искусства и совершенствования мастерства»*.

Да и Климент Ефремович, равнодушный к искусству, не забыл работы Дмитрия и после возвращения его из-за границы, по воспоминаниям Е. М. Цаплина, не раз бывал в мастерской скульптора Д. Ф. Цаплина, в получении которой оказал ему неоценимую помощь.

«ГОРЯЧЕЕ» ЛЕТО 1927 ГОДА

Лето 1927 года стало для Дмитрия Цаплина той вехой, после которой в результате упорного труда в тяжелейших условиях, без выходных и отдыха его известность, особенно за границей, начала стремительно расти. Зимой этого года Советское правительство приняло решение направить скульптора за границу и выделило на поездку тысячу рублей валютой. Деньги были выданы с оговоркой: в счёт будущих работ.

И настали для Дмитрия Филипповича «горячие денёчки». Надо было оформить загранпаспорт, отправить на станцию свои громоздкие работы для погрузки в товарный вагон и подготовить все необходимые для этого документы (с собой в Париж он взял шестнадцать своих лучших скульптур).

Подготовив документы и отправив на станцию свои скульптуры, Дмитрий Филиппович едет на малую родину проститься с отцом и родными. Он очень любил и уважал своего отца, Филиппа Александровича Цаплина, и всегда прислушивался к его мнению.

В каждый свой приезд в родное село Дмитрий Филиппович заходил к своему соседу, жившему напротив через дорогу, Михаилу Семёновичу Новикову. И в этот приезд скульптор был в гостях у Новиковых. Сидели, пили чай, разговаривали, и вдруг Дмитрий предложил соседу нарисовать его. Михаил Семёнович – в ту пору ему было 63 года – обрадовался, закрутил усы и сел. Дмитрий Филиппович долго смотрел на него, а затем и говорит: *«Нет, Михаил Семёнович, усы надо опустить вниз, как у Некрасова...»*

Рисунок получился отличный, выполнен был в карандаше, но, к сожалению, пропал при раскулачивании и высылке Михаила Семёновича в 1930 году во Фрунзе. Узнав о раскулачивании и высылке Михаила Семёновича с семьёй в Среднюю Азию, Дмитрий Филиппович, находясь в Париже, написал письмо В. М. Молотову, в то время занимавшему пост председателя СНК СССР, в котором поручился за своего соседа. Семью вернули, а Михаил Семёнович в свои 66 лет, к сожалению, не перенёс это тяжкое испытание.

Филипп Александрович Цаплин, услышав, что сын уезжает на длительный срок за границу и берёт с собой все свои работы, не на шутку встревожился. Он прекрасно понимал, что «там» русские не нужны.

«Ты зачем это везёшь всё за границу? – спросил он. – Навсегда, что ли, решил остаться?» – «И не думаю, но показать свои работы – покажу, увидят, что и русские «лапотники» умеют кое-что делать». – «Оно хорошо, конечно, но помни, что земля твоя тут...»

На чужбине Дмитрий Филиппович часто вспоминал слова напутствия отца, его последний наказ: *«Ты едешь за границу. Отправят с тобой и твои скульптуры... Но ты оттуда вернёшься. Здесь твоя земля, твоя Родина. Здесь, в России, прах твоих отцов...»*

Именно этот наказ и стал той основой, не позволившей Дмитрию Филипповичу продавать свои работы в частные руки и передавать их музеям Франции, Испании и Англии. Все до единой скульптуры он привёз в Советский Союз. Тридцать ящиков бесценного груза.

Все долгие годы, проведённые за границей, Дмитрий Филиппович Цаплин ощущал духовную и гражданскую связь со своей Родиной. Из Парижа он постоянно писал в родную деревню отцу и старшему брату Пантелею. Рассказывал о том, что видел, где был, с кем встречался. С интересом читал и перечитывал письма из отчего дома. К сожалению, после смерти брата Пантелея все письма выбросили как ненужный хлам...

Итак, в последних числах августа 1927 года, вернувшись из родного села, тридцатисемилетний Дмитрий Филиппович Цаплин, получив паспорт, выехал во Францию.

Продолжение следует.

**Эдуард
АНАШКИН**

НАРОДНЫЙ ПИСАТЕЛЬ РОССИИ

**К 100-летию со дня рождения русского писателя
Михаила Николаевича Алексеева**

*Моё седое поколение –
Оно особого каленья!
Особой выкладки и шага –
От Сталинграда до рейхстага!
Мы – старики, но мы и дети,
Мы и на том, и этом свете,
А духом все мы – сталинградцы,
Нам Богом велено держаться!*

(Егор Исаев однополчанину М. Н. Алексееву)

Надо признать, что телевидение забыло фильмы по произведениям Михаила Николаевича, которые вошли в классику отечественного кинематографа – это «Журавушка» с Людмилой Чурсиной, «Русское поле» с Нонной Мордюковой, «Хлеб – имя существительное», «Ради нескольких строчек».

В майские праздники на пятом канале центрального телевидения был показан замечательный фильм по роману Михаила Алексеева «Вишнёвый омут».

Был взволнован этим фильмом. Полез в книжный шкаф и нашёл роман Алексеева «Вишнёвый омут». Эта книга в светлосиреневой обложке отпечатана в издательстве «Советская Россия» в 1968 году. Открываю обложку и читаю: «Постановлением Совета Министров РСФСР от 11 октября 1966 года роману М. Н. Алексеева «Вишнёвый омут» присуждена Государственная премия РСФСР имени М. Горького».

Однажды в разговоре с Михаилом Николаевичем он поведал мне о своём романе:

– Самым дорогим для меня человеком (после матери, конечно) был дед Михаил Николаевич Алексеев. Он был старшим

-
- Эдуард Константинович Анашкин – член Союза писателей России, лауреат Самарской литературной премии им. Н. Г. Гарина-Михайловского. Автор книг прозы и литературной публицистики: «Вовкин поцелуй», «Запрягу судьбу я в санки», «Ангел с огненным мечом» и др. Активно публикуется в центральных и региональных изданиях России. Член СП России. Живёт в селе Майское Пестравского района Самарской области.

в нашем доме, я – самым младшим. И мы были тѣзки тройне – по имени, отчеству и фамилии. И мы любили друг друга. Когда я писал свой роман «Вишнёвый омут», то своего главного героя Михаила Аверьяновича Харламова почти в точности списывал с деда Михаила. С деда началось в селе Монастырском повальное увлечение садами или, как сказали бы теперь, садоводством. Дедушкин сад – это был для нас, детей, мир почти волшебный. Мы росли в этом мире. И гибель сада в тридцатых годах – незаживающая рана в моём сердце. Как это произошло, рассказано в «Вишнёвом омуте».

Открываю свой дневник, который веду много лет, нахожу страницы с описанием нашего знакомства с Михаилом Николаевичем и моего посещения его дачи на проезде Вишневского в городке писателей Переделкино.

«20 января 2002 года.»

Проснулся рано, как всегда, выпил чашку кофе – и за стол. Поработал. В Доме творчества тишина: кто отдыхает, а кто и работает.

Дом творчества «Переделкино» находится в лесу. Милые моему сердцу сосны. Сам посёлок – словно учебник по литературе в старших классах. Улица Тренёва, улица Серафимовича, улица Павленко, проезд Вишневского – все знакомые по советской литературе имена. Они жили в Переделкине, они ходили по этим тропкам и улицам, они дышали этим чистым, настоящим на смоле воздухом.

Телефон в корпусе на первом этаже около дежурного. Этот телефон для связи с Москвой был и раньше, писатели, живущие в посёлке, приходили сюда, чтобы позвонить. Иногда образовывалась очередь, и мэтры советской литературы обсуждали новинки, высказывали своё мнение, бывало, спорили, отстаивая свою точку зрения на то или иное произведение.

Живу я на втором этаже, в комнате № 40. Тепло, уютно, рядом холл, можно выйти, посидеть на диване, поговорить с проживающими здесь писателями.

Подошёл к окну. Смотрю, как белка по огромной берёзе спустилась на землю, шмыгнула в кусты, запорошённые снегом, и начала что-то там искать. Я испугался за неё: по территории бегают собаки. Но белочка пропала, и я её больше не видел. Почему я так испугался за белочку? Дело в том, что вчера, возвращаясь из переделкинского храма Преображения Господня, около территории Дома творчества, на обочине трассы, я увидел погибшую белочку. Возможно, её сбила машина, а возможно, задушила собака.

Сегодня в Москву не поеду. Ещё раз схожу в музей К.И. Чуковского, побываю в его прекрасной детской библиотеке. Меня поражает обилие книг на даче Корнея Ивановича: шесть тысяч томов.

Когда уходил из музея Чуковского, заметил, что температура на градуснике минус 7 градусов по Цельсию. А так хорошо в посёлке: тихо, идёт крупный пушистый снег, небольшой морозец.

После обеда, захватив книгу, пошёл на дачу Михаила Николаевича Алексеева.

Сильно волнуюсь. Ещё бы! Михаил Николаевич Алексеев не обижен славой, он – Герой Социалистического труда, академик двух академий, профессор МК ЮНЕСКО, ветеран Великой Отечественной войны, полковник в отставке, инвалид войны 2-й группы, лауреат Госпремии СССР, Почётный гражданин Саратовской и Курской областей, десятки лет возглавлял центральный литературный журнал «Москва», состоял в руководящих органах

Союза писателей СССР, автор 40 книг. И общий тираж его изданий – более двух миллионов экземпляров.

И кто я? Простой мужик из деревни. Ну, пописываю, иногда печатают. Я бы, возможно, и не осмелился пойти на дачу к Михаилу Николаевичу, но меня к этому подтолкнула детская писательница Светлана Васильевна Вьюгина, за что я ей очень благодарен:

– Эдуард Константинович, – сказала мне она в Союзе писателей на Комсомольском проспекте, – вот вам книга Михаила Алексева «Мой Сталинград», изданная недавно в Москве, сходите к нему на дачу, познакомьтесь, возьмите автограф.

Дом находится в глубине сада, калитка заперта. Нажимаю кнопку звонка и жду. Ранние вечерние сумерки, рядом проезжая шоссе́нная дорога, а дальше село Переделки.

На крыльце дома показалась женщина, не спеша подошла к калитке, спросила:

– Кто?

– Мне нужен Михаил Николаевич.

В калитке повернулся ключ, что-то звякнуло, она открылась.

Передо мной стояла ещё не старая, сохранившая свою русскую красоту женщина. «Дочь», – подумал я.

– Михаил Николаевич отдыхает. Недавно прилёт. Заснул.

– Мне от него ничего не надо. Я издаю, и вряд ли мне представится ещё такая возможность повидать Михаила Николаевича и взять у него автограф.

– Откуда вы?

– Из Самарской области.

Мы шли с ней по очищенной от снега дорожке от ворот до самого дома.

На первом этаже при входе работал телевизор, здесь же журнальный столик, на нём телефон.

Мне предложили раздеться, а сама хозяйка поднялась по деревянной лестнице на второй этаж.

Через некоторое время появился Алексеев, в тёплой зимней рубашке, чёрном трико. Его узнал сразу же по многочисленным фотографиям в газетах и журналах.

Михаил Николаевич протянул мне руку, поздоровался и произнёс:

– Проходи, земляк, в мой кабинет.

Кабинет писателя на первом этаже, сразу же за столовой, довольно-таки просторный.

Мне предложили сесть в кресло. Михаил Николаевич обратился к женщине:

– Таня, принеси нам что-нибудь..

Сам же начал подробно расспрашивать меня.

Через некоторое время на стол был поставлен поднос, на котором красовались початая бутылка водки «Гжелка», два стаканчика, хлеб, колбаса, горчица.

«Аристократическая водка», – подумалось мне, – в писательских кругах её так «обозвали».

– Это у меня вторая жена, Татьяна, – сказал Михаил Николаевич, разливая водку. – Первая, Галина Андреевна, была сестрой милосердия. Только окончив десятый класс, хрупкая и тонкая, как тростинка, она защищала Сталинград. Как медсестра, несколько раз и меня спасала от смерти. Имела боевые награды: орден Отечественной войны II степени и медаль «За боевые заслуги». Вот уже два десятка лет, как ушла в мир иной, оставив мне

двух дочерей – Наташу и Ларису. Подруга моей жены, талантливая поэтесса Людмила Шикина, ещё при жизни Галины Андреевны посвятила ей вот это стихотворение:

*Что ж ты, Галя,
Шаль посадскую
Опустила на глаза?
Где шинель твоя солдатская –
Злому ворогу гроза?
Где пилотка – ломтик месяца
В окровавленном дыму?
То ли тополь в окнах мечется,
То ли память – не пойму.
За окошком ночь осенняя,
Ты глядишь в квадраты рам.
Небо звёздами усеяно,
Подсчитать бы,
Сколько ран –
Сколько ран тобой врачёвано,
Милосердная сестра,
Сколько раз в снегу ночёвано...
Так и будешь до утра
Всё глядеть куда-то в прошлое,
На сиреневую ночь?
Всё, что жизнью было спрошено,
Что по силам и невмочь,
Отдала ты с верой чистой
И печалиться постой.
Веря в Жизнь,
Солдат от выстрела
Заслонил тебя собой.*

Когда я поинтересовался, как отчество жены, Михаил Николаевич ответил: – Она ещё молодая. Только что на пенсию ушла.

Михаил Николаевич поднял рюмку и произнёс:

– Давай, земляк, за знакомство, за нашу волжскую дружбу!

Выпили, закусили.

Вошла хозяйка и попросила Михаила Николаевича к телефону. Он подошёл к левому углу кабинета, взял трубку (я понял, что это параллельный телефон) и начал разговор.

Я оглядел кабинет. Везде книжные шкафы, забытые книгами. С левой стороны от меня, на стене, картины, и в центре – деревянная икона, старинная.

Из разговора понял, что хозяин дома беседует с автором статьи в первом номере газеты «Российский писатель» (январь 2002 года) «Возвращение огня» Александром Дориным. Врезалась в память одна фраза: «Если бы у меня эти письма с фронта (Михаил Николаевич переписывался с девушкой из уральского города Ирбита Ольгой Кондрашенко) были на руках, когда я писал роман «Мой Сталинград», то это был бы другой роман, ещё лучше..»

Закончив разговор, Алексеев вернулся к столу, сел на своё привычное место, взял в руки ручку и подписал мне книгу «Мой Сталинград»: «Дорогому моему земляку – волжанину Эдуарду Константиновичу Анашкину на память от автора. М. Алексеев. 20.01.2002 года. Переделкино».

Затем поднялся из-за стола, подошёл к одному из книжных шкафов, достал книгу и сказал:

– Я подарю вам самую любимую мной книгу.

Сел за стол, подписал и подал её мне, затем протянул для пожатия руку. Книга, изданная в городе Оренбурге в 1999 году «Печатным Домом Димур», называется «Карюха. Рыжонка». Открываю обложку: *«Доброму другу-земляку Эдуарду Константиновичу от такого же в прошлом пастуха на память о встрече. Автор М. Алексеев. 20.01.2002 года. Переделкино».*

Вот выдержка из рассказа Михаила Николаевича Алексеева: *«После выхода в свет моего романа «Драчуны» замечательный критик Михаил Лобанов написал об этом статью «Освобождение». Я ему посоветовал и помог, чтобы она прошла в журнале «Волга». Статья была напечатана в 10-м номере журнала – и началось...»*

В газете «Правда» появилась статья «Освобождение от чего?». Михаила Лобанова вызвали в ЦК. В ЦК вызвали и меня как редактора журнала «Москва». Обо мне и романе речь вроде бы и не шла. Начали нас, двух Михайлов, «разбирать» на всевозможных собраниях. Клеймили за национализм, за непонимание классовой борьбы. Особенно усердствовали заведующий отделом культуры ЦК КПСС В. Шауро, литераторы Валентин Оскоцкий, Юрий Суворцев, Валерий Дементьев. Главный редактор журнала «Волга» Николай Егорович Палькин был снят с должности.

А надо признать, что это был лучший журнал в регионе, да и в России его с удовольствием читали и выписывали».

– ...Рад, что познакомился с земляком-волжанином. Я хорошо знаю, что наша Саратовская область граничит с южными районами вашей области, – тепло сказал Михаил Николаевич.

– Да, всё так. Наш Пестравский район соприкасается с Пугачевским и Ивантеевским районами вашей области. Сам несколько раз был и в Пугачёве, и в Ивантеевке.

Когда я уходил из гостеприимного дома Алексеевых, попрощавшись с его женой, Михаил Николаевич проводил меня до калитки.

– Дорожку от ворот до дома ещё сам очищаю от снега, – сказал мне Алексеев, – удовольствие одно, люблю работать, голова светлая, вот только ноги подводят.

Около ворот остановились. Здесь в углу около забора стоит небольшой бревенчатый дом с гаражом.

– Была у меня своя машина «Волга». А когда работал редактором журнала «Москва», была служебная машина. Своя стояла, начала ржаветь, жена посоветовала продать. Можешь верить, можешь нет, но в этом неотопливаемом домике написал роман «Драчуны» и посвятил его своей внучке Ксении...

Мы попрощались. Захлопнулись ворота. Я ещё долго стоял и смотрел в небольшую щель между створками ворот, как медленно и осторожно шёл к освещённому дому классик советской литературы.

Не всегда в жизни получается так, как планируешь, как хочешь. Думал, в отпуск пойду зимой и съезжу в Переделкино, поработаю. Но отпуск дали только в начале сентября. Пришлось заниматься огородно-садовыми делами, запастись корм на зиму домашним животным.

И только когда освободился, уехал в Переделкино. По приезде спустился на первый этаж Дома творчества, где я обустроился, позвонил Михаилу Николаевичу. Он быстро откликнулся на телефонный звонок.

– Ты уже в Переделкине? Устроился? Жду тебя у себя на даче завтра. Сможешь?

Подумалось: «Ещё спрашивает?! Хотя сегодня же пошёл бы!»

«11 сентября.

Встал, как обычно, в пять часов утра – крестьянская закваска, да и ранние утренние часы самые плодотворные за рабочим столом: тишина, никто не мешает.

После завтрака ещё немножко писал, а затем вышел с известным русским поэтом Валентином Устиновым на балкон покурить.

Мелкий нудный дождь, но на улице тепло. Захватив зонтик, пошёл к Михаилу Николаевичу Алексею.

Калитка была открыта, значит, меня ждали. По дорожке прошёл к дому. На веранде очистил туфли, зашёл в дом. Михаил Николаевич в фартуке что-то делал на кухне. Как оказалось, он варит и солит грибы, собранные на даче. Жены дома нет – на два месяца уехала в Крым, что-то с лёгкими.

– Книгу я твою получил. Хорошая книга. Удачное название: «Запрягу судьбу я в санки». И предисловие написано прекрасно: краткое, ёмкое.

– Валя Распутин зря писать не будет. О книге я обязательно напишу короткую рецензию или в «Правду», или для Проханова в «Завтра». По этому поводу необходимо выпить. Что будем пить? А затем утвердительно произнёс:

– Вот мне подарили настоящий французский коньяк, его и попробуем. Правда, закуска не для коньяка, но мы – русские люди, и, соответственно, закуска такая.

Михаил Николаевич улыбнулся, а затем сказал:

– Сходи, земляк, нарви свежего лучка, грядка направо, как пойдёшь к воротам.

– Чем нарезать лук, Михаил Николаевич?

– Да ты что, не деревенский мужик? Нащипи его руками, и все дела.

Я так и сделал. Хозяин подавал мне тарелки, вилки, банки – я носил всё это в столовую.

Заметил, что Михаил Николаевич стал слышать хуже, жалуется на ноги. Выпили за мою книгу. Хозяин угощал грибами, спрашивая: «Как они?» На столе – колбаса, хлеб, горчица, зелёный лук.

– Ты, Эдуард Константинович, закусывай, закусывай, не стесняйся, – приговаривал хозяин, пододвигая ко мне поближе то колбасу, то грибы.

Сам же, взяв кусок чёрного хлеба, намазал его горчицей и, макая в соль зелёный лук, с аппетитом ел всё это.

– Заметил, что дачи в Переделкине не продовольственные, а для работы? А я немножко нарушил общепринятые нормы жильцов: вскопал земельку, сделал грядку, посадил лук – и вот он, результат! Так и ел бы его, своими руками выращен. А раз своими, то и вкуснее в несколько раз.

С этим его заключением я был согласен на все сто процентов.

– Я тебе уже говорил, что голова ещё светлая, да ноги подводят. Пишу сейчас новый роман, скажу по секрету название: «Оккупанты». Покажу в нём, какие мы были оккупанты! Я сам шесть лет был «оккупантом» в Австрии. Мы питались по карточкам, по таким же карточкам, как и наши

люди в Советском Союзе, но мы умудрялись что-то от полученного пайка дать и австрийским детям – угостить их.

Я познакомился недавно с документами о поверженном Берлине.

Первый: 11 мая, два дня спустя после Победы, Военным советом фронта было принято постановление № 063 «О снабжении продовольствием немецкого населения Берлина». А 31 мая – постановление № 080 «О снабжении молоком немецких детей в Берлине».

А в это время над Дунаем возродились заново построенные мосты на месте рухнувших, которые, кстати, разбомбили не мы, а наши союзники. У них было больше самолётов, и они совершали свои налёты, и целые кварталы в Вене исчезли. Нам пришлось их восстанавливать. Вот такие мы были оккупанты!

– Ну что, ещё по одной или хватит на сегодня? – спросил Михаил Николаевич.

– Давайте воздержимся. Вы же мне хотели грибные места показать.

Мы поднялись из-за стола, вышли на веранду, обулись и пошли по тропинке, а потом ушли влево от неё. Алексеев часто повторял одно и то же слово: «Осторожно!»

Я поинтересовался, почему? Ответ ошеломил меня.

– Да ты, земляк, на грибы наступаешь. Видишь, листва приподнялась – значит, гриб. Нагнись, присмотрись, срежь его ножичком, чтоб грибница осталась.

Мы прилично походили по даче, я почти промок, дождик так и шёл. Остановились около ворот. Михаил Николаевич что-то подумал и попросил меня:

– Подожди немножко, сейчас схожу в дом и принесу тебе подарок. Зайди вот сюда, под навес. – И он махнул рукой в сторону деревянного домика, где он писал «Драчуны».

Через некоторое время хозяин возвратился и подал мне пакет, в нём была книга.

– Не открывай пакет, а то намочит книгу. В Доме творчества посмотришь. Вот осенью, в конце ноября, поеду на малую родину, заеду к тебе на недельку. Я последние годы свой день рождения праздную около «Вишнёвого омота». А ты, Эдуард, найдёшь мне по силам и возможности работу у себя на подворье? Вспомню детство. Работать люблю, до костей я сельский мужик.

– Не понял я, Михаил Николаевич, о каком дне рождения вы говорите? У вас же в мае день рождения.

– Нет, не всё ты знаешь обо мне. В паспорте моём проставлено: родился 6 мая 1918 года. И месяц, и число эти возникли из небытия. Дело было так, когда я поступал в 1936 году учиться в Аткарское педагогическое училище, то необходимо было представить метрическую выписку о моём дне рождения. Запросили в сельском совете села Монастырское. Поскольку метрик в совете не оказалось (в тридцатом году они были уничтожены каким-то местным активистом-атеистом, потому как были религиозного происхождения), в сельском совете обратились за помощью к «потолку». Так и записали, как «потолок» подсказал: 6 мая 1918 года. А я родился 29 ноября, настолько привык к этому, что ни о какой другой дате и думать не хочу.

Старшая моя сестра Анастасия, например, убеждена, что произошло это двадцать первого числа. Но главным для меня стало то, что в прежние времена новорождённые автоматически наследовали имена святых. А Михайлов день бывает только в ноябре.

– Да, вы правы, Михаил Николаевич, – сказал я. – У меня тесть родился в ноябре, правда, в 1913 году, но день рождения всегда отмечаем на Михайлов день. И зовут-величают его Михаил Ильич.

– Вот-вот, и я об этом говорил и говорю. В своих биографиях писал об этом даже. Найди мою книгу «Меж дней бегущих» (Москва. Издательство «Современник», 1986 год), там, в статье «Познай самого себя» об этом я подробно всё рассказал.

Кажется, эту книгу и первое издание в сиреновой обложке «Вишнёвого омута» приобрёл в букинистическом магазине, и где, думаете, – в Забайкальском крае несколько лет назад.

Михаил Николаевич крепко пожал руку и произнёс: «Жди поздней осенью. Обязательно приеду к тебе...»

А я уже в комнате Дома творчества достал из пакета прекрасно оформленную книгу Михаила Алексеева – трилогию «Драчуны». «Карюха». «Рыжонка». (Москва. Современный писатель. 1998 год.) Открываю и читаю: «Книга издана к 80-летию писателя благодаря губернатору Саратовской области». А на титульном листе: *«Земляку и талантливому писателю Эдуарду Анашкину на память и с глубоким уважением. М. Алексеев. 11.09.2003 г. Переделкино».*

Перед Новым годом начальство сообщило, что я в отпуск иду по графику, перед Рождеством Христовым. Хорошо, очень хорошо. Праздник буду дома со своей семьёй, а затем поеду в Москву – надо решить кое-какие свои вопросы, повидаться, поговорить со своими друзьями-писателями, коллегами по перу.

Позвонил Михаилу Николаевичу, сказал о своём плане. Ответ был краток: – По приезде позвони. Жду тебя в любое время суток.

Я постоянно думал, как помочь Михаилу Николаевичу с его больными ногами. Перебирал в памяти все растения, травы, которые произрастают у нас в степи. И вспомнил. У меня в саду около забора растёт топинамбур (мы называем это растение земляной грушей). Мой друг, актёр, режиссёр, поэт Володя Осипов, когда бывает у меня, постоянно прикладывает широкие листья земляной груши к своим больным ногам, говорит, что на время боль исчезает, как бы затухает.

Всё лето я собирал листочки земляной груши, связывал пучками и сушил в тени, на ветерке, но чтоб солнце не попадало. И вот везу в Москву Алексею целый пакет высушенных листов. Хочу, чтобы помогли Михаилу Николаевичу. Дай Бог! А приготовить всё это – пустяк: в кипяток опускаешь листья, они размягчаются, прикладываешь к ногам, на несколько минут укутываешь ноги тряпкой или полотенцем. И так несколько раз в течение нескольких дней. Улучшение должно быть.

И вот я снова у Михаила Николаевича. Сидим в его кабинете, беседуем. Я, конечно, расстроен. Оказывается, зря привёз листья земляной груши.

Михаил Николаевич расстроился не меньше меня.

– Спасибо тебе дорогой Эдуард! Спасибо! Но мне нельзя прикладывать к ногам ничего горячего. А листья распаришь и приложишь – что будет? Ноги не выдержат, да и сам тоже. Знаю, сколько трудов тебе стоило не только вырастить, собрать, правильно высушить и доставить. Дай я тебя обниму.

И он прижал меня к своей груди.

Говорит хозяин дома, а я больше слушаю.

– Я тебе подписывал свою главную книгу «Мой Сталинград». Выступая в Центральной библиотеке имени Ленина, об этой книге я говорил так: «Мой Сталинград» – это действительно мой, а не чей-то там Сталинград. Каждый из нас, кто был там, мог сказать: Сталинград – это моя судьба. И из миллионов судеб зримо предстаёт судьба победителей и побеждённых, судьба живых и мёртвых... больше мёртвых, чем живых».

У меня много боевых орденов и медалей: два ордена Красной Звезды, два ордена Отечественной войны II степени, две медали «За боевые заслуги» и много ещё и других.

Первую боевую награду – медаль «За боевые заслуги» – я получил в Сталинграде, и получил я её за то, что, когда сменил выбывшего командира роты, вывел бойцов из окружения. Но для меня самая дорогая награда, самая ценная – это медаль «За оборону Сталинграда». Вот подожди, что покажу...

Михаил Николаевич поднялся из-за стола, подошёл к книжному шкафу, достал из какой-то коробочки уже пожелтевший, вчетверо сложенный лист бумаги. Я развернул его:

«За нашу Советскую Родину
Удостоверение
За участие в героической обороне
Сталинграда
Политрук Алексеев Михаил Николаевич
Указом Президиума
Верховного Совета СССР
от 22 декабря 1942 года награждён
медалью «За оборону Сталинграда»

Это не орденская книжка, а обыкновенный плотный лист бумаги, уже изрядно пожелтевший.

– Сразу после журнальной публикации романа «Мой Сталинград» я был приглашён посетить Францию. Приглашения прислали из четырёх городов. Французы повторили одно и то же: «Там, на Волге, вы спасли не только свою страну, но и нас».

Во Франции я посетил мемориал Второй мировой войны: они собрали кинохронику всех союзников-победителей. Две двери – на левой написано: «1945», на правой: «1939» – год начала Второй мировой войны. Медленно спускаюсь по покатоному пандусу – и попадаю на войну. Звуки стрельбы, рвущихся авиабомб, грохот рухнувших наземь домов. На нижней точке спуска смотрю вверх – там огромными буквами написано по-немецки одно слово: «Сталинград». Отсюда начался подъём к победе.

Я лично написал письмо на имя нашего Президента. Иначе бы я не написал такого письма с почти молитвенной просьбой: «Верните городу имя «Сталинград»! Ведь это же символ победы над фашизмом не только для нас, но и для всего мира. А мы от него отказываемся. Нас становится всё меньше и меньше, но пока будет Россия – будут наследники победителей в Сталинграде». В ответ – тишина... Надеюсь, что на праздновании 60-летия Сталинградской битвы в городе на Волге Президент что-то скажет конкретно. Да что я говорю? – Михаил Николаевич махнул рукой. – Зайди в Союз писателей, найди газету «День литературы», и в материале Галины Платовой хорошо об этом сказано, хотя и кратко.

Не поленился, зашёл в редакцию газеты, нашёл нужный номер с материалом. Вот что она пишет о праздновании Сталинградской битвы: «Их, сталинградцев, становится всё меньше, и всё пронзительнее радость встреч с однополчанами. В этот раз мечталось воинам, что ради знаменательного Дня воинской славы в честь разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Сталинградской битве в 1943 году городу будет возвращено историческое имя – Сталинград. С ним город себя обессмертил, так его называют за рубежом. Да и в Кремле вроде бы витала такая идея. Но Президент, в протокольном порядке отметившийся на юбилейной встрече с ветеранами в Волгограде, не проронил ни слова о возвращении имени городу-героу...»

Уходил я от Михаила Николаевича опять с дорогим подарком.

– Вот тебе, земляк, мой первый роман – «Солдаты». В 2002 году исполнилось 50 лет со дня выхода. Долгожитель, и, главное, читают и у нас, и за рубежом.

Алексеев вручил мне книгу в великолепной обложке: «Солдаты. Роман. Приволжское книжное издательство. 2003 год, г. Саратов», с такой записью на титульном листе: *«Дорогому моему земляку и прекрасному писателю Эдуарду Анашкину на всё самое доброе. М. Алексеев. 18.01.2004 г. Переделкино».*

Пожимая мне руку, Михаил Николаевич сказал:

– Приятно было получить мне такой подарок к 85-летию. Спасибо землякам! А издана как книга – чудесно!..

В январе 2005 года, уже поздно вечером, зазвонил телефон. Поднял трубку и услышал голос Алексеева:

– Не спишь ещё, Эдуард? Нет, хорошо. Жду тебя 19 января, в день Великого праздника Крещения Господня в конференц-зале Союза писателей на Комсомольском, 13, в пятнадцать часов. Мне будут вручать премию «Имперская культура» за повесть в письмах «Через годы, через расстояния». Не подведи, ты у меня в списке. О финансовых расходах не беспокойся, решим всё на месте.

В трубке прозвучал отбой.

18-го числа, в морозный солнечный день я уже был на железнодорожном вокзале Самары. Но не всегда так получается, как запланируешь. Платформенных мест не оказалось на фирменный поезд «Жигули», а на купейное не хватило денег. Сутки промучившись, уехал только на завтра, в день Великого праздника.

Москва встретила мокрым снегом. Сразу же на Киевский вокзал, а там на электричку – и в Переделкино...

Сижу на даче Михаила Алексеевича. Хозяин отпаивает меня густым чаем с мёдом, а сам рассказывает о торжественной церемонии награждения.

– Какие люди получали премию – гордость России! – восхищается Алексеев. – Виктор Потанин, Феликс Кузнецов, Семён Шуртаков, Пётр Палиевский, детский писатель Светлана Вьюгина, Марина Ганичева – редактор журнала «О, русская земля», представители духовенства. Дали слово и мне, как лауреату. На, прочти... – И Михаил Николаевич протянул лист бумаги.

«Мои дорогие, в самом начале небольшой моей повести, которая вдруг подняла меня на такую высоту (награждение Имперской премией –

от такого слова даже дух захватывает!), мне кажется, я угадал, сказав, что куда бы ни увели меня новые пути-дороги, Сталинград-то меня не отпустит, потому что он во мне, а я в нём. И так будет до конца дней моих. А когда я посетовал на свои ноги (вот и на сцену не могу подняться), дескать, почему они прихрамывают, то они так рассердились, так скрипнули!.. И я услышал: «И тебе не стыдно? Мы тебя пронесли целых две войны и ещё 60 лет в придачу». Так что простите, ноги мои, вы честно исполнили и исполняете свой долг передо мной... Спасибо вам, мои друзья, мои коллеги, что пришли на этот праздник, прямо скажем, несколько для меня неожиданный. Выходили у меня большие романы, повести, а тут маленькая вещичка – и вы её заметили... К сожалению, не дождавшись всего одного месяца, ушла из жизни женщина, девушка моей юности Оля Кондрашенко, без которой эта книга никогда бы не вышла – шестьдесят лет она хранила письма, которые я присылал ей из Сталинграда, потом с Курской дуги, из-за Днепра, из Венгрии, Румынии, Австрии, Чехословакии – до самого последнего дня моего участия в Великой Отечественной войне... Да, есть женщины в наших селеньях, и городах, и vesях... И останутся они моими «ивушками неплакучими»... до конца моих дней.

Как важно оказалось связать нас, русских писателей, узами нравственными, духовными с Православной Церковью... И вы видите, как здорово мы выиграли во всём...

Спасибо вам, дорогие друзья мои!»

– Хорошо сказано! – произнёс я. – Главное, что вам эту премию вручили в год празднования 60-летия Победы над фашистской Германией.

– Знаешь, а всех собравшихся в зале тронули слова Агафангела, Митрополита Одесского и Измаильского, постоянного члена Священного синода Украинской Православной Церкви, по случаю награждения его премией «Имперская культура», – с радостью сказал Михаил Николаевич, – до слёз меня тронули его правильные слова.

Помолчав, хозяин дома продолжил:

– Невелика материальная составляющая (диплом и ценный подарок) этой премии, но её авторитет среди деятелей отечественной культуры и науки чрезвычайно высок. Я не знаю кто – друзья или недруги – подсчитал, что я лауреат 73 литературных премий. Ну а теперь могут и ещё одну приплюсовать – получится 74. А вот две главные премии прошли мимо меня. Это Сталинская и Ленинская. Был в списках награждённых утверждён, но в самый последний момент – вычеркнули. О Сталинской ты знаешь – об этом много писали и говорили. А вот о Ленинской долго молчали.

После статьи Миши Лобанова «Освобождение», опубликованной в журнале «Волга», начался большой шум. Даже ЦК КПСС вмешался. А до этого члены комитета по Ленинским премиям единодушно проголосовали за присуждение Ленинской премии автору «Драчунов», то есть мне. А после статьи сверху удаётся указание отменить – и я лишаюсь премии.

– Михаил Николаевич, а как дела с «Оккупантами»? Не пишется?

Алексеев махнул рукой и с обидой ответил:

– Ты что, земляк? Этот автобиографический роман идёт к своему завершению. Вот немного времени им не занимаюсь, в сторону отложил. (Роман «Оккупанты» был напечатан в журнале «Роман-журнал XXI век», в № 9 за 2006 год, с продолжением.)

Всю войну я вёл переписку с одной женщиной, её звали Ольга Кондрашенко. У нас была светлая переписка. Посылал ей письма из Сталинграда, Курской дуги, с Днепра, Румынии, Венгрии, Австрии, Чехословакии. Она их все сохранила. И вот я сел за рабочий стол и на одном дыхании написал повесть на основе этих писем.

Она вышла в прошлом году под названием «Через годы, через расстояния», хотя первоначально название повести было такое: «Лирическая повесть в письмах».

Все узнали о нашей былой любви. Но не узнает о ней только Ольга Николаевна – книга вышла после её смерти. Это была потрясающая женщина. А сейчас я опять за столом – продолжаю автобиографический роман «Оккупанты». Так что работаю...

– Михаил Николаевич, а на чём вы добрались до Москвы, до Союза? Неужели на электричке?

– Нет, Эдуард, что ты... Ноги... Раньше, когда приглашали, присылали машину, а сейчас всё меньше и меньше, причины находят: то бензина нет, то машина сломана... Но у меня есть настоящий друг, скромный человек, руки у него золотые – поэт Константин Васильевич Скворцов. О чём его ни попросишь, обязательно сделает. А уж о машине не говорю, доставит и доведёт бережно обратно. У него своя машина...

Я согрелся в тёплом доме Алексеева не только от горячего чая, но и от тёплого, доброго внимания, которое мне оказывал Михаил Николаевич.

Уходил с тяжёлым пакетом-подарком. Хозяин – патриарх советской литературы – подарил мне собрание сочинений в шести томах издательства «Молодая гвардия».

На титульном листе первого тома вписан такой автограф: *«Дорогому моему земляку-волжанину Эдуарду Константиновичу Анашкину на память о первой встрече, с самыми добрыми пожеланиями. М. Алексеев. 20.01.2005 г. Переделкино».*

– Сохранил один экземпляр шеститомника, хотя и вышел он почти двадцать лет назад, – задумчиво проговорил Михаил Николаевич, обнимая меня. – Всё лежал на всякий случай. И вот он, случай, подвернулся. Удачи тебе в творчестве...

В 2006 году мне не удалось побывать в Москве. Однако в январе 2007 года получаю вызов из Союза писателей приехать в столицу – оказывается, мне присудили Всероссийскую литературную премию «Имперская культура» за книгу «Лети, мой блистательный снеже...», выпущенную в прошлом году.

Собрался, поехал. Из Дома творчества позвонил Михаилу Николаевичу. В трубке незнакомый женский голос: «Михаил Николаевич тяжело болеет. Не беспокойте...»

Уезжал с щемящим сердцем. Тяжело было на душе.

20 мая вечером, закончив дела на огороде, зашёл в дом. Не успел умыться, привести себя в порядок – телефонный звонок. Голос Дианы Кан: «Где ты попадаешь? Дозвониться не можем. Вчера Алексеев умер». Трубка выпала из рук. Сразу же за свежую почту – в газетах ни строчки. По «ящику» также тишина.

«Что же делать?» – в голове только такой вопрос. Звоню в Союз писателей. Отвечает дежурный охраны: «Да, правду вам сообщили. Похороны на Переделкинском кладбище...»

Сел, подумал, обхватив руками голову. В Москву не еду, потому что на похороны не успеваю. Пусть он в моей памяти останется живым.

У нас в Самарской области почитатели таланта Михаила Алексева узнали о его кончине из газеты «Волжская заря» от 23 мая № 52, где работавшая в то время заведующей отделом культуры известная российская поэтесса Диана Елисеевна Кан дала большой некролог с портретом писателя.

А центральные СМИ промолчали.

Через месяц в Союзе писателей России состоялось вручение ордена Петра Великого I степени семье Михаила Алексева. Эта награда Академии безопасности и правопорядка готовилась к вручению большому писателю ещё при его жизни, но так случилось, что была вручена посмертно.

Из рук Героя Советского Союза М. Борисова награду приняла внучка Михаила Алексева Ксения, которой когда-то дед посвятил один из лучших своих романов – «Драчуны».

А на родине Михаила Николаевича, в селе Монастырское по решению Совета депутатов Симановского муниципального образования и непосредственном участии главы сельского поселения И. П. Трышкина была торжественно открыта мемориальная доска памяти М. Н. Алексева – писателя-фронтовика, Героя Социалистического Труда, Почётного гражданина Саратовской области.

Этот народный проект осуществили жители села Монастырское, которые проявили инициативу и вложили материальные средства в увековечивание памяти знаменитого земляка. Мемориальная доска установлена на фасаде здания общеобразовательной школы.

А закончить свою статью хочу небольшим отрывком из материала Константина Скворцова «У Вишнёвого омута», опубликованного в газете «Российский писатель» в январе 2009 года, № 1–2.

«...Неподалёку от могилы Михаила Николаевича на Переделкинском кладбище стоит расколота молнией ива. Неслышно течёт река Сетунь. Плачет ржавыми слезами небольшой родник. С грохотом, от чего вздрагивает земля, проносятся по дороге автомобили...»

Но в недолгие минуты затишья, в предутреннем тумане заливаются и нестерпимо громко на всю Россию поют соловьи, взывая к её памяти.

Ведь она так неслышно похоронила своего Великого сына...»

**Наталья
ТЯПУГИНА**

НЕ РОЛЬ, НО ЖИЗНЬ...

(о поэзии Сергея Кабакова)

Когда время в России в очередной раз сходит с ума, из каких-то неведомых глубин, стряхнув тенету веков, являются к людям они – мудрецы, пророки, поэты. Типаж (на самом деле – архетип) неизменен. Меняются непринципиальные детали, но типаж! – о, типаж всё тот же! – его невозможно сбить с орбиты такими пустяками, как исторический момент, польза или слава. Настоящая поэзия – это точная мера весов, на которых взвешивается нетленное. К счастью, она, эта мера, от веку тоже не меняется, только всё реже и реже встречается, а потому всё дороже ценится.

Итак, Сергей Кабаков. Ему 65 лет. По корням – уралец, по месту жительства – наш земляк, саратовец. Поэт – и это в нём главное. То, что не нуждается в доказательствах. Достаточно открыть его книжку и прочитать. И то волнение, которое охватит тебя на первых же строчках, пошлёт точный сигнал: слова живые!

*Струна не выдержала стона,
прорвавшегося невзначай.
На подземелье не сердчай –
оно бездушно и бездонно.*

*Судьба подбросила тебе
Кифару, Ад и Эвридику –
когда бы не был ты великим,
ты б не покорствовал судьбе.*

*Но встать в слепую кутерьму,
заставив мёртвых встрепенуться,
чтобы от света оглянуться
в холодную, глухую тьму.*

-
- Наталья Юрьевна Тяпугина – автор более полутора сотен научных, литературно-критических, учебно-методических работ и более десятка художественных книг. Публиковалась в журналах «Москва», «Наш современник», «Октябрь», «Волга», «Дон», «Волга – XXI век», «Литература в школе», «Женский мир» (США); альманахах «Саратов литературный», «Краснодар литературный», «Эдита» (Германия), «Порт-Фолио» (США-Канада), в электронном журнале «Новая литература» и др. Лауреат литературного конкурса им. М.Н. Алексеева, Международного конкурса литературоведческих, культурологических и киноведческих работ, посвящённого А.П. Чехову (2010). Почётный работник высшего профессионального образования РФ, Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

*И эта слабость жизнь стёреть
единым поворотом взгляда –
невозвратимая награда,
которой ты не смог стерпеть.*

*Теперь иди и пой впотьмах,
тебя вторично не услышат,
зато посмертно возвеличат –
тебе уже неведом страх.*

(«Орфей»)

У Сергея Кабакова есть то, что выделяет его из всех пишущих: свой язык. Он пронзителен, своеволен и чувственен. Его языку подвластны строгий античный перевод и живописный пейзаж, лирическое откровение и звукопись пёстрого мира. Но всё это – инструменты. Главное – Кабакову есть что сказать. Для этого, собственно, язык и нужен.

Невероятная метафоричность, плотная, как древняя скала, трудная для подъёма и понимания – его художественная материя. Для взгляда, скользящего по поверхности, это может показаться бредом, шаманством, словесным опиумом. Но поверхностные суждения настоящих поэтов не интересуют. У них достаточно внутренней мощи, чтобы не реагировать на глупости. Для них метафора не знак мастерства, а единица мышления.

*Листьями ива касается самой воды...
Трудно течение речное остановить.
Гнутся зелёные ветви, и дождь проливной
Русло реки наполняет водой.*

(Из цикла «Настроения»)

Заселён художественный мир Кабакова плотно. У него свои герои:

*И юный Одиссей сгребает вёрсты,
и на плечах с тяжёлым кораблём
идёт искать высокий голос пены.
В глазах его топорщатся сирены,
а на губах – солёный окоём...
Родные лица, как густые звёзды,
в зелёном доме светятся потом...*

(«И юный Одиссей сгребает вёрсты...»)

В Интернете о Сергее Кабакове вы вряд ли много чего отыщете: лишь лаконичные фрагменты биографии, совсем чуть-чуть стихов да пару статей о нём. Оно и понятно: где Интернет – и где он, ценитель поэтического досуга, собрат вольных муз, собраниям «союзных» писательских завсегдатаев предпочитающий общество Катулла и Гомера.

*Как ты нашёл по русому бытию
меня в славянских куцах на ночлеге,
как ты нашёл меня, Гомер счастливый?
Иль посох твой, в котором брезжил
скрип земной оси,
тебя ко мне привёл?*

(«Путник»)

Вот уж точно – неисповедимы твои пути, творец. Лишь в поэзии такие временные и географические перемещения – дело обычное. Здесь Гомер сам выбирает себе в собеседники того, кто носит в себе чувственное родство с ним и со всем остальным миром. А не наоборот:

*Ну как же! Было пусто, а теперь
опять вода наполнила сосуды,
небесная вода до самой кручи,
прохладная и свежая, как веник
берёзы ранней, в бане заливной:
шипят дрова в печи, кипит колода,
и скоро хлынет жар и аромат
сосны, берёзы, и дождя, и хлеба.
Я этим хлебом стал и стал дождём,
немножко стал, но счастлив,
я прикоснулся искренне к нему,
как со слезой касаешься любимой,
слезой, которая не выйдет никогда,
но будет жить в ладонях и словах.*

(«Путник»)

Когда твоё мироощущение соприродно любви, небесной влаге, ветру и морской пучине, границы твоей жизни распахиваются настолько, что под силу понять, например, это:

*И снова я дыханье обнажил ветров,
они меня давно томили. Бежать?
Но от кого, да и куда? Одна земля,
одни на свете люди, одна река и океан один,
и Одному есть множество названий.*

(«Путник»)

Сергей Кабаков до сегодняшнего дня опубликовал совсем немного – только две нетолстые книжечки: «Путник» (1997) и «Оклик» (2006). Но разве это играет роль, если мы имеем дело с подлинным талантом, самобытным и масштабным! Вот уж точно: две тоненькие книги *томов премногих тяжелей...*

А на родном Урале Сергея Кабакова знают, ценят и уважают. Потрясающее вступление к сборнику стихов «Путник» не написала, а соткала из тончайших полутонов и нежнейших смыслов Майя Никулина, сама первоклассный поэт. *«Поэзия – сама себе начало и причина. По верному природному праву она представляет нам жизнь в целом, во всей полноте, и сама оригинальность поэта именно тем и определяется, какие знаки этого целого она видит и именуется. У Сергея Кабакова это «роса-крупянка», «птичий выпорх» и «конский топот и трава», колонны, камни, «лебедь-снег», игла и нить, дыханье, оберег, ребёнок, Аполлон, дельфийский храм и «серебро простуды», кентавры, прялки, песня-тишина – словом, всё, что он, лишенный дара цивилизованной избирательной любви, оглядывает разом и приемлет».*

Майе Никулиной удалось, как ажурным покрывалом, уловить и собрать воедино огромный, своевольный мир Сергея Кабакова, который, судя

по перечислительному ряду, вроде бы должен распадаться на части, а на самом деле благодаря поэтическому вдохновению эти разрозненные и разноуровневые элементы, оплавившись в душе поэта, как в мощном горниле, являются в его стихах в своём первородстве, лишившись окалины повседневности и каким-то загадочным образом приобщившись к вечности.

Очень точно интонационно и по смыслу написал о Сергее Кабакове другой уралец – Юрий Казарин, автор книги «Поэты Урала» (2011), один из разделов которой посвящён творчеству Кабакова: *«Поэт, обладающий невероятной природной силой... Стихи Сергея Кабакова первобытны: поэзия этого крупного, талантливого человека выполняет в основном главные свои функции – чувственное называние, взволнованное, если не страстное, осмысление и абсолютно эстетически нравственное признание мира как необъятной и повсеместной красоты...»*

Сергей Кабаков своими стихами способен породить энергию чудовищной силы, и качество такой поэтической энергии обусловлено добром. Мудрое добро поэзии Кабакова нужно не понимать, а любить, потому что всё, что любит, «будет жить землёю и думами земными будет зреть».

Кабаков отдаёт себе в том отчёт. Именно об этом он и сам пишет в предисловии к поэтическому сборнику своего друга – другого уральского поэта Юрия Трофимова, издавшего свою «Книгу текстов» (2010): *«Погружение в стихию творчества Юрия Трофимова напоминает одиночное плавание по океану, где пловец то погружается в тёмно-глубинные воды прозы, то выныривает и созерцает горизонты неба, то озаряемого солнцем, то погружающегося во тьму, то освещённого звёздами и луной – горизонты воздуха поэзии. Вся поэтическая ткань Юрия Трофимова создана из перетекающих друг в друга нитей поэтической прозы и прозаической поэзии. Кажется, что поэт-пловец плывёт по стихиям воздуховод к своей путеводной звезде без каких-либо ориентиров, то натываясь на рифы, то попадая в лабиринты течений, то на отмели неведомых океанических островов. Но, вчитываясь и углубляясь в его поэзию, ты начинаешь понимать, что путеводной звезды нет, что есть только эта спонтанная дорога в никуда...»*

Понятно, что с такой душевной пронизательностью и одарённостью Сергею Кабакову живётся нелегко. Он не вписывается в наше расчётливо-амбициозное время, которое решительно не для него. Вот почему он вполне экзотично смотрится в своём-не своём времени: огромный, как Дельфийская колонна, и такой же не по-сегодняшнему капитальный. Чужой, избегающий панбратства. Внешне один-в-один – брат-близнец другого отшельника, Максимилиана Волошина.

Я была поражена этим сходством. Долго рассматривала фотографии обоих и перечитывала по очереди их стихи. На всём знак родовой близости. Не ученичества, не копирования, а родства! И общая «праматерь» очевидна: особая человеческая и поэтическая порода. Она отпечаталась в их жизни наособицу в неподражаемых стихах, вольном обличье. Бородатые странники с глазами вечного ребёнка. Не рифмоделы, но путники, проходящие по жизни, что им выпала, с мудрым терпением и тайным знанием. Несуточные, как небо; добрые, как земля; глубокие, как море.

*Войди, мой гость, стяхни житейский прах
И плесень дум у моего порога...
Со дна веков тебя приветит строго
Огромный лик царицы Таиах.
Мой кров убог. И времена суровы.*

Но полки книг возносятся стеной.
Тут по ночам беседуют со мной
Историки, поэты, богословы.
И здесь – их голос, властный, как орган,
Глухую речь и самый тихий шёпот
Не заглушит ни зимний ураган,
Ни грохот волн, ни Понта мрачный ропот.
Мои ж уста давно замкнуты... Пусть!
Почётней быть твердым наизусть
И списываться тайно и украдкой,
При жизни быть не книгой, а тетрадкой.
И ты, и я – мы все имели честь
«Мир посетить в минуты роковые»
И стать грустней и зорче, чем мы есть.
Я не изгой, а пасынок России,
Я в эти дни – немой её укор.
Я сам избрал пустынный сей затвор
Землёю добровольного изгнанья,
Чтоб в годы лжи, паденья и разрух
В уединенье выплавить свой дух
И выстрадать великое познанье.
Пойми простой урок моей земли:
Как Греция и Генуя прошли,
Так минет всё – Европа и Россия.
Гражданских смут горючая стихия
Развееся... Расставит новый век
В житейских заводах иные мрежи...
Ветшают дни, проходит человек,
Но небо и земля – извечно те же.
Поэтому живи текущим днём.
Благослови свой синий окоём.
Будь прост, как ветер, неистощим, как море,
И памятью насыщен, как земля.
Люби далёкий парус корабля
И песню волн, шумящих на просторе.
Весь трепет жизни всех веков и рас
Живёт в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас.

(25 декабря 1926, Коктебель)

Это Волошин, конечно.

А вот Кабаков. Будто подхватывает и продолжает:

Ты запыхался и устал, прохожий,
Зайди ко мне, присядь, поешь и выпей,
Полжизни я сижу, не носят ноги,
И руки сохнут, как пустые плети.
Но путник крикнул мне: «Открой же двери,
Я тоже изнемог в пути и высох!»
Тогда я встал и дверь из петель вышиб...
Но путника за ней не оказалось.

*Я только чувствовал, как почва тяжелеет,
Как дышит твердь, носящая живое.
Открой меня и снова заглуши
Раскаты радуг на крутом откосе,
Моя морская роковая пена,
Которую Гомер навстречу дует.
О, не испить судьбы из этих дланей,
И Зевсу их покоя не нарушить,
Но Троя упадёт, и дрогнут пальцы,
И выступит на лбу одна морщина.*

(«Путник»)

Может быть, Волошин и был смешон в своих греческих хитонах, подпоясанный лёгким шнурком, широко шагающий по пустынному Киммерийскому берегу. Может быть...

Так же нелепо смотрелся бы за компьютером и Кабаков, если бы он у него был, конечно. Нашего героя невозможно представить не только за компьютером, но, если честно, и за пишущей машинкой тоже. Перед глазами – Гаргантюа, вышивающий крестиком.

В чём же смысл появления таких несовременных, не просто – выпавших из времени, а принципиально – вневременных авторов? Зачем, например, Кабаков упорно переводит своего Катулла, о котором что-либо ведомо лишь ничтожно малому проценту даже читающих людей? Где Катулл и где мы все?

А всё там же: Катулл в своих стихах и в думах о них людей, разошедшихся с ним во времени на несколько тысячелетий. Так бывает. Но в том и дело, что для искусства время не всегда противник. Оно может и союзником быть. Только тексты нужны. А читатели в любое время отличат подделку от подлинника. Об этом – посмертная судьба стихотворений древнеримского поэта, которого не признавали ни при жизни, ни сразу после смерти, и лишь через множество веков его настигла настоящая слава. Многовековая слава поэта, прожившего на земле всего тридцать лет!

Напомню: точных сведений о жизни Гая Катулла сохранилось мало. Известно, что родился он в Вероне, вероятно, в 87 г. до н.э. Писал свои стихи во времена Цицерона и Цезаря. В Средневековье произведения Катулла были утеряны. Единственный экземпляр его единственного поэтического сборника был вновь обнаружен лишь в XIII веке в его родной Вероне. Позднее и эта рукопись была утрачена, но с неё успели сделать две копии, от которых и происходят многочисленные публикации Катулла в XV и последующих веках.

Судя по этим сохранившимся стихам, очевидно, что Катулл обладал ярким поэтическим талантом, особенно для выражения лирического чувства, и может быть назван истинным основателем художественной лирики в Риме. Там, где в поэте говорило живое, неподдельное чувство, как в стихотворениях, предметом которых была его любовь к Лесбии, которую он обессмертил своим творчеством, или трагическая смерть его брата на чужбине, Катулл обнаруживает настоящую силу поэтического таланта. Этот поэт способен заражать интересом к себе и сегодня. А почему нет? Катулл был молод, задирист, остроумен, смел, порой даже безрассуден. И непобедимо талантлив. Если прочитать его язвительные эпиграммы, подивиться силе и сложности любовного переживания, названного поэтом любовью-ненавистью, то станет понятно, почему Сергей Каба-

ков буквально заболел своим Катуллом, выучил латынь, читает, переводит, только о нём и думает. Почти по Светлову: «Откуда у хлопца испанская зрусть?»

И о чём это говорит? Да всё о том же: настоящее искусство живёт и вдохновляет, сколько бы лет и столетий ни прошло. И ещё один вывод: книжки нужно издавать. Надо дать себе шанс быть прочитанным если не современниками, то хотя бы потомками.

Что и делает Кабаков. Он издаёт свои книги практически раз в десятилетие. И знает точно: тот, кто его не ищет, ему не нужен. Как в мелком сите, в его нечастых книгах застревает только золотая порода текстов. А его бесценные читатели каким-то седьмым чувством ощущают в нём своего поэта, и находят, и читают, и знают. А чужие ему и не интересны. Нет у него гонки за публикациями, славой. Для Кабакова это звук пустой. Какой он и есть на самом деле.

Так бывает: духовная колыбель Сергея Кабакова качнулась не только в уральской глубинке, но и в древней античности, задавая траекторию его движения. Это его вторая родина, пристанище, сюда он будет неостановимо стремиться, уходить и возвращаться. Как и его поэтический собрат Волошин, Кабаков явился в мир тогда, когда небо, кажется, готово рухнуть на наши слабые головы, а эти могучие Атланты, как им и положено, подставляют свои мужицкие плечи, чтобы спасти нас и удержать наши души и хрупкие духовные ценности.

*Густых дыхание кентавров,
и конский топот, и трава,
и белой пряжей острова
в пустыне волн, ветров и лавров.
И Аполлон, что превозмог
лишь самого себя когда-то,
теперь тоскует без собрата,
которым не был побеждён.
Цветёт над морем камень храма,
в колоннах светится огонь,
и на траве пасётся конь,
жуя и фыркая упрямо.*

И – через столетие – благословение старшего, Максимилиана Волошина:

*Бездомный долгий путь назначен мне судьбой...
Пускай другим он чужд... я не зову с собой –
Я странник и поэт, мечтатель и прохожий.*

*Любимое со мной. Минувшего не жаль.
А ты, что за плечом, – со мною тайно схожий, –
Несбыточной мечтой сильнее жги и жаль!*

Вне своей духовной родины они сироты. Они тоскуют по утерянной гармонии, их веселит только *тот* юмор, печалят *те* трагедии. Оно и понятно. Древние греки и римляне были первыми, они всё сказали. Остальное вторично – безвкусовые перепевы и заимствования. Им этого не надо. Надо – сочинять, переводить, оживлять, собирать вокруг переведённых текстов знатоков и единомышленников, способных всё понять и оценить.

*Когда я понял, что тебя люблю,
о, Лесбия, я превратился в пепел.
Теперь ты видишь пепел тот горячий
у ног своих. Назвать его любовью
уже нельзя.
Нельзя назвать и пеплом.*

(«На темы Катулла»).

У Сергея Кабакова особый глаз, даже не зрение – глаз! – иное, чем у всех, природное устройство для оживления того, что у людей принято считать неодушевлённым.

*Цветёт зелёною иглой
на белом пологие заката
моя смолистая отрада,
мой недосказанный покой.*

*И в тот покой, в закат медовый
слетятся к моему лицу
ахейские большие пчелы...*

Как в реальности разошлись цивилизация и культура, так и в жизни и творчестве Сергея Кабакова – это параллельные вселенные: первая – чужая, невозможная, ненужная; вторая – населена теми, кто люб и надобен, кто по-настоящему вдохновляет. Эта тяга к первоисточнику, остановить которую не в человеческой власти, – свойство личности талантливой, глубоко образованной, с хорошим вкусом. Вот почему у таких поэтов на земле не роль, но миссия.

*Терем
древен,
брёвен
врөвень
приподнял
святые
брови.
Ни щербинки,
ни гвоздя,
ни слезинки
от дождя.*

(Из цикла «Звонница»).

Это нам напоследок – оберег Сергея Кабакова от забывчивости и бескультурия. Наша копилка прочности.

Наталья
ТЯПУТИНА

«Всё это было бы смешно, когда бы не было так грустно...»

Общее падение профессионализма, которое связано с целым рядом серьёзных причин, не может не сказываться и на качестве художественных текстов. Утрата культуры книгоиздания, отсутствие квалифицированного редактирования при возможности публиковать что угодно, было бы желание и деньги, открыли шлюзы мутным потокам графомании и плагиата. Понятно, что не сегодня они родились, но, похоже, что именно сегодня при отсутствии литературной критики и внятной культурной политики они чувствуют себя особенно вольготно.

Передо мной книжка стихов местного поэта из Петровска Юрия Гринёва «Я слышу осени дыханье...» (Саратов, 2019). Прочитала её. Скажу честно, сделала я это с трудом, с насилием над личностью. Произведения Гринёва, увы, банальны и скудны, беспомощны и безвкусны. В них проявляются все приметы хрестоматийной графомании. Создаётся стойкое ощущение, что вы читали всё это уже десятки раз в различных вариациях. Если называть вещи своими именами, книжница эта не имеет к искусству никакого отношения и свидетельствует лишь о том, что поэтический талант её автор явно не отмечен. При этом он упустил из виду такую важную деталь: поэт – хоть и своеобразная, но ПРОФЕССИЯ. Пишущий стихи (даже бездарно делающий это!) должен владеть языком, на котором пишет, и знать правила стихосложения. Без этого – никак! В рецензируемой книге я, к сожалению, не нашла ни таланта, ни обученности.

Одним словом, эффект от книжки Гринёва таков: человек, видимо, стихи любит, а они его – нет. Ну что ж, бывает. Не помогает автору и то, что берётся он в основном за пафосные темы: любовь к Родине, природе, женщине. При этом получается обратный эффект. Одним словом, стихи слабые. Да и не стихи это вовсе...

Может, есть люди, которым всё это по вкусу (судя по списку спонсоров и благодетелей, благодаря которым книжка появи-

лась на свет). Но, как известно, кто любит арбуз, а кто – свиной хрящик.

Но таких рифмованных «хрящиков» я, к своему несчастью, видела тонны, и не стоило бы сегодня палить из пушки по возрастным петровским воробьям, но в рецензируемом сборнике оказалось то, что поначалу мне даже доставило дурную радость, развеселило неумелой наглостью и масштабом простодушного цинизма.

Однако скоро количество плохо зашифрованных «находок» перешло в качество неудержимой эстетической брезгливости. Наступило читательское озлобление, и словесные игры кончились.

Итак, ещё раз, по существу. В этой слабенькой книжнице вы явственно улавливаете чужие голоса и идеи, над которыми автор попросту надругался. Вы с трудом и болью узнаете строчки любимых писателей, которые, попав в чужой словесный компот, просто испускают дух.

Наш автор оказался далеко не безвредным графоманом, он – литературный вор. Интересно, с каким стажем? Ведь не на старости же лет бес попутал! Что, так сильно захотелось выпустить ещё одну книжницу, покрасоваться молодым на обложке, напомнить о своих великих заслугах миру – что взял и рискнул приспособить себе в подручные – не поверите! – Анну Андреевну Ахматову, Ивана Алексеевича Бунина и... Ивана Петровича Мятлева. Наверняка есть и другие «доноры». Но пока достаточно и этих.

Наш лихой поэт не то чтобы перепевает означенных классиков, развивая понравившуюся ему тему, он, как тать, крадёт их стихи, распоряжаясь украденным по своему усмотрению: потрошит, перелицовывает, обрезает. При этом чужие шедевры он развлекает сермяжной отсебятиной и получает на выходе (как он, видимо, думает) оригинальный продукт, а не чудовищный микс, состоящий из искорёженного классика и... себя, не скажу, какого...

Гринёв, видимо, убеждён, что живёт он в диком лесу и окружают его не умеющие читать варвары. А иначе разве рискнул бы он, будучи в ясном уме и твёрдой памяти, перелицовывать «Листопад» Бунина? Ведь вещь, помнится, из школьной программы...

*Лес, точно терем расписной,
Лиловый, золотой, багряный,
Весёлой, пестрою стеной
Стоит над светлою поляной.*

А может, плагиатор решил, что риск его оправдан и вариант с расчленением и усекновением бунинского стиха пойдёт ему на пользу? (См. стр. 41 у Гринева.):

*Точно терем, лес расписной —
Золотой, лиловый, багряный —
Пёстрою, весёлою стеной
Над светлою стоит поляной.*

И далее у Бунин:

*Берёзы желтою резьбой
Блестят в лазури голубой,
Как вышки, ёлочки темнеют,
А между клёнами синеют
То там, то здесь в листве сквозной
Просветы в небо, что оконца.
Лес пахнет дубом и сосной,
За лето высох он от солнца,
И Осень тихою вдовой
Вступает в пёстрый терем свой.*

У нашего автора всё, конечно, лаконичней и самопальней:

*Деревья жёлтою резьбой,
Как вышки, ёлочки темнеют,
В лазури блестят голубой
И между клёнами синеют.*

Суровый автор попросту оборвал не в меру расписавшегося Ивана Алексеича, отобрав для своего «продукта» лишь 16 строк из 166 имеющихся. Ну, и подправил, конечно, классика. Как мог.

Что бросается в глаза в рецензируемой книжке, так это то, что Гринёв вообще с Бунинным на дружеской ноге. Любит его усовершенствовать. Прямо руки у Юрия Петровича чешутся улучшить стихи Ивана Алексеича.

Это Бунин:

*Не угас ещё вдали закат,
И листва сквозит узором чётким,
А под ней уж серебрится сад
Светом и таинственным, и кротким:
Народился месяц молодой.
Робко он весенними зорями*

*Светит над зеркальной водой,
По садам сияя меж ветвями.
Завтра он зарёю выйдет вновь
И опять напомнит, одинокий,
Мне весну, и первую любовь,
И твой образ, милый и далёкий...*

А теперь наш автор (см. стр. 9):

*Ещё вдали не погас закат,
Сквозит листва узором чётким,
И серебрится уж под нею сад
Таинственным светом кротким.*

*Народился месяц молодой
И весенними робкими зорями
Над зеркальной светится водой,
В садах сияя меж ветвями.*

*Он с зарёю завтра выйдет вновь
И опять напомнит, одинокий,
Первую весну, и мою любовь,
И милый образ твой далёкий.*

Ну, что скажете? Ведь не хуже, чем у классика получилось? А говорят, что их трогать нельзя. Наш смелый автор так, определён-но, не считает.

А ещё он любит (править) женщину по имени Анна Ахматова. Помните, как это у Анны Андреевны?

*Сердце бьётся ровно, мерно.
Что мне долгие года!
Ведь под аркой на Галерной
Наши тени навсегда.*

*Сквозь опущенные веки
Вижу, вижу, ты со мной,
И в руке твоей навеки
Нераскрытый веер мой.*

*Оттого, что стали рядом
Мы в блаженный миг чудес,
В миг, когда над Летним садом
Месяц розовый воскрес, —*

*Мне не надо ожиданий
У постылого окна
И томительных свиданий.
Вся любовь утолена.*

*Ты свободен, я свободна,
Завтра лучше, чем вчера,
Над Невою темноводной,
Под улыбкою холодной
Императора Петра.*

А вот что с этим шедевром сотворил наш герой. Ему для самовыражения потребовалось лишь третье ахматовское четверостишие. Читаем у Гринёва (см. стр. 10):

*Оттого, что мы стали рядом
В этот час, в этот миг чудес,
Вижу я, как над Летним садом
Розовый месяц воскрес.*

Зато вместо маловыразительного ахматовского веера у гринёвского героя, откуда ни возьмись, в руках оказалось... знамя, осенённое светом далёкого маяка. Во как!

*И мне чудится, будто пламени
Моя коснулась рука,
Я чувствую в ней силу знамени,
Свет далёкого маяка.*

И при чём тут эти официозные предметы в любовном-то стихотворении? – спросите вы. А как ещё вы зарифмуете «пламя», как не со словом «знамя», а «рука» у мастеров стиха лучше всего идёт в паре со словом «маяка». Понимать же надо!

Идём дальше. Для тех, кто вообще ничего не уловил в стихотворении Ю. Гринёва «Тускло солнце встаёт над позёмкой...», написанном, кстати, от женского имени (он и так может!), есть добротный подстрочник – знаменитое стихотворение самой Анны Андреевны «Ты письмо моё, милый, не комкай...»

Но вначале – Гринёв (см. стр. 12):

*Тускло солнце встаёт над позёмкой,
Ты меня, долгожданный, прости.
Не хочу быть твоей незнакомкой
На твоём одиноком пути.*

*Не боюсь я небесного гнева,
Для тебя свою нежность храня.
Не служанка, не королева,
Средь людей ведь не падшая я.*

*Я в простом и будничном платье,
И на низких я каблуках.
Но такие жгучие объятья –
Страх таится в моих глазах.*

*И сердце моё бьётся чаще,
Любимым, единственным стань...
И поцелуй твой станет жарче,
Когда сниму я кисейную ткань.*

Ну как, скажите, без подстрочника разобраться в этом бреде? К счастью или, наоборот, к несчастью для стихописца, есть ещё люди, знакомые с первоисточником.

Читаем у Ахматовой:

*Ты письмо моё, милый, не комкай.
До конца его, друг, прочти.
Надоело мне быть незнакомкой,
Быть чужой на твоём пути.*

*Не гляди так, не хмурься гневно,
Я любимая, я твоя.
Не пастушка, не королева
И уже не монашенка я –*

*В этом сером будничном платье,
На стоптанных каблуках...
Но, как прежде, жгуче объятья,
Тот же страх в огромных глазах.*

*Ты письмо моё, милый, не комкай,
Не плачь о заветной лжи.
Ты его в твоей бедной котомке
На самое дно положи.*

Ну что, дорогие читатели, теперь разобрались в словесной мануфактуре? Уразумели, чем кисея отличается от драп-дерюги? То-то...

А погорел наш автор... на розочках. Если бы Иван Тургенев не воспользовался первой строчкой стихотворения поэта пушкинской поры Ивана Петровича Мятлева и не развил бы тему брэнности бытия в своём гениальном стихотворении в прозе «Как хороши, как свежи были розы...», то, может, и не бросился бы в глаза случайному читателю гринёвского сборника стихотворное воровство нашего автора. А уж так получилось – слишком на слуху теперь эта строчка, абсолютно хрестоматийный образ. Вот этого, похоже, и не учёл осмелевший плагиатор. Но, как считают японцы, и Конфуцию не всегда везло.

Русские более категоричны: когда сидишь на иголках, лучше не кашлять. А Гринёв кашлянул, ещё как! Перерабатывая стихотворение Мятлева, наш мастер художественной манипуляции попросту потерял осторожность. Ну, в самом деле, кто его, этого Мятлева сегодня знает?! Не Ахматова же и не Бунин. Если уж и с ними он... сами понимаете...

Решив так, Гринёв расслабился да и скалтал, благословясь, мятлевский стих почти под копирку! Судите сами. У Мятлева:

*Как хороши, как свежи были розы
В моём саду! Как взор прельщали
мой!*

*Как я молил весенние морозы
Не трогать их холодную рукой!*

*Как я берёг, как я лелеял младость
Моих цветов заветных, дорогих;
Казалось мне, в них расцвела*

*радость,
Казалось мне, любовь дышала в них.*

*Но в мире мне явилась дева рая,
Прелестная, как ангел красоты,
Венка из роз искала молодая,
И я сорвал заветные цветы.*

*И мне в венке цветы ещё казались
На радостном челе красивее, свежей,
Как хорошо, как мило соплетались
С душистою волной каштановых
кудрей!*

*И заодно они цвели с девицей!
Среди подруг, средь плясок и пиров,
В венке из роз она была царицей,
Вокруг её вились и радость и любовь.*

*В её очах — веселье, жизни пламень;
Ей счастье долгое сулил, казалось, рок.
И где ж она?.. В погосте белый
камень,
На камне — роз моих завянувший веноч.*

А что же наш импровизатор? — А вот и он, читайте! (См. стр. 13.):

*Как свежи были эти розы!
И взор они прельщали мой.
И я просил весенние морозы
Холодную не трогать их рукой.*

*Как я цветущую лелеял младость
Прекрасных роз, мне дорогих!
Я видел: в них светилась радость,
И чувствовал: любовь дышала в них.*

*Но предо мной явилась дева рая
Ангельской, прелестной красоты.
Из роз веноч искала красавица
младая —
Я ей заветные сорвал цветы.*

*В венке цветы ещё казались
На девичьем челе красивее, свежей,
И как прекрасно и мило касались
Каштановых чудных кудрей!*

*Они цвели с прекрасною девицей
Среди веселий, плясок и пиров.
В венке из роз она была царицей,
И в ней светились радость и любовь.*

Похоже, наш стихотворец опошляет всё, к чему прикасается. И чего это его на розочки вдруг потянуло? Писал бы уж лучше о диковинной кисее и туфлях без каблука.

В заключение — о научно-техническом прогрессе. Многие знают, что в Интернете есть специальный сайт «Антиплагиат». В учебных заведениях без его резолюции не допускают до защиты ни курсовые, ни дипломные работы, не говоря уже о диссертациях. Учёные, одним словом!

Поэтов пока на этот предмет не щупали. То ли доверяли всецело, то ли про-

сто в голову не приходило, что могут эти странные люди не сочинять в экстазе, а банально тырить стихи у собратьев по перу.

Получается, зря не проверяли! Ведь как удобно: вводите текст — и бах! Машина выдаёт тебе цифры: сколько процентов в тексте — твоё, а сколько — чужое. И у кого именно ты прихватил тот процент слов и мыслишек. А вывод делай сам: публиковаться тебе или, посыпав голову пеплом, удалиться в заповедные леса от людей подальше...

Да, точные цифры. С ними не поспоришь. Например, в случайно выбранном мною стихотворении Ю. Гринёва «В апреле, по ночам, в аллее...» оригинального текста оказалось меньше 30%. А 63,4% — всё тот же Бунин:

*Как в апреле по ночам в аллее,
И всё тоньше верхних сучьев дым,
И всё легче, ближнее и виднее
Побледневший небосклон за ним.
Этот верх в созвездьях, в их узорах,
Дымчатый, воздушный и сквозной,
Этих листьев под ногами шорох,
Эта грусть — всё то же, что весной.
Снова накануне. И с годами
Сердце не считается. Иду
Молодыми, лёгкими шагами —
И опять, опять чего-то жду.*

Стихи «В апреле, по ночам, в аллее...» Гринёва (с. 43) можете на плагиат проверить сами. Потренируйтесь, посоревнуйтесь с машиной. Введите текст — и получите чёткий ответ: с кем вы имеете дело — с коллегой-писателем или мошенником.

А вот и адресок: <http://content-watch.ru/text/>. Умная машина даже на содранный первоисточник укажет. Не постесняется.

Так зря, выходит, я тут читала-сравнивала... Надо было просто пропустить через компьютер гринёвские вирши и получить точные цифры плагиата.

Может, зря... А может, нет. Просто задача у меня была другая. Нет, я не буду стыдить старенького дяденьку Гринёва и напоминать ему ещё из пионерского детства знакомое правило: списывать, дружок, нельзя, это плохо, позорно, нечестно.

Вопрос в другом: что теперь с этим лихим стихотворцем делать? Ведь **плагиат** — это не забава, а позорное преступление, литературное воровство.

Как говаривал классик, «всё это было бы смешно, когда бы не было так грустно...»

Елизавета
МАРТЫНОВА

«Духовное соавторство... в рамках проекта»

Нетерпеливые строки: Стихотворения и проза. — Саратов:
ООО «Издательский центр «Новый проект», 2019. — 164 с.

«Нетерпеливые строки» – литературно-художественный альманах (правда, на титульном листе значится: «коллективный сборник») с любопытной аннотацией в виде обращения к читателю – надо же разнообразить аннотации, невзирая на то, что это строгий научный жанр. Впрочем, самое главное в ней сказано: выпуск «Нетерпеливых строк» – уже одиннадцатый по счёту, и представлены в нём произведения авторов нескольких поколений (начиная с сочинителей школьного возраста). Авторы эти пишут как стихи, так и прозу (да, ещё песни), а объединяет их то, что живут они в Саратовской области, и, видимо, то, что автор аннотации называет «духом свободного творчества» и «духовным соавторством». Это очень хорошо, что понятия географического и духовного в этой книге не мешают друг другу: не во всяком регионе существуют такая гармония творческих отношений, взаимное уважение и доброе соседство. Тем более (опять ссылаюсь на аннотацию) «в рамках проекта» постоянного издания.

Десяток полтора литературных объединений из области перечислены в предисловии. Впечатляет! Прогресс литературного процесса налицо: раньше в Саратове и области такого количества литературных объединений не было. Ну одно, ну два. Соответственно, если помножить эти полтора десятка на хотя бы десять участников сих объединений, то мы получим 150 поэтов. Хотя, я уверена, их гораздо больше, а со временем их число значительно увеличится. Так же, как и число созданных ими в результате «духовного соавторства» произведений, которые станут основой двенадцатого (и так далее) выпуска коллективного сборника или литературно-художественного альманаха (жанр на выбор).

Немало страниц альманаха посвящено рассказам-отчётам о творческих достиже-

ниях, литературных конкурсах, проведённых составителями и авторами альманаха (участниками Ассоциации свободных поэтических объединений Саратовской области), с подробным перечислением членов жюри и победителей. Как подтверждение творческих достоинств лауреатов после каждого «отчёта» представлены их стихи. Видимо, как раз те стихи, которые и снискали высокие награды.

Стоит отметить преобладание «тематического» отбора: стихи о войне, стихи о Родине, о необходимости выбора правильного жизненного пути – словом, стихи, несущие добро и свет и свидетельствующие о нравственной направленности «духовного сотворчества». Всё, как и положено на региональных конкурсах.

Вот стихотворение «Коллегам» Елены Потаповой (заглавие, первое стихотворение в сборнике):

*Учителем быть – как это непросто:
И рано вставать, и поздно ложиться,
И отвечать на любые вопросы,
И целую жизнь чему-то учиться –*

*Учиться учить, понимать и слушать,
Учиться пожизненно быть в ответе
За детские судьбы и детские души,
За всё, что творится на белом свете.*

*В том наша заслуга и наша вина –
И за плохое, и за хорошее,
Когда урожайем взойдут семена,
Что были с любовью учителем брошены.*

*Учителем быть – непростая судьба:
С нами дети становятся взрослыми.
Учителем быть – это помнить всегда:
Чему научили – за то и спросится.*

Разве здесь, в этих строках, есть что-то спорное или неверное? Каждая строч-

ка – абсолютная истина. Вряд ли найдётся учитель, который не подпишется под этим стихотворением, своеобразным «катехизисом» преподавательского дела. Таким образом, мы видим, что и в современности стихи могут иметь практическое приращение.

Но есть и чисто «творческие», как утверждается в предисловии, разделы: «Капля камень точит» (каталог стихотворных работ, принадлежащих участникам литературных объединений), «Граду и миру» (произведения саратовских авторов, к литературным объединениям отношения не имеющих). На латинском языке названия этих разделов звучат особенно внушительно и многообещающе. Действительно, это довольно-таки большая «капля», представляющая подборки 56 (!) авторов, которая участником «точит камень» современного литературного процесса.

В общий поток не сливаются, пожалуй что, стихи Максима Жигарова, Игоря Преснякова, Дарьи Татарчук, Гульсары Туктаровой, Ирины Китовой, Натальи Куценко. И это уже много. И мне очень приятно, что есть какой-то «костяк», прочная основа и в этом сборнике. Замечательно, что во втором разделе опубликованы стихи Ольги Жогло, Анны Морковиной, Михаила Муллина, Валерия Кремера, Зинаиды Дырченко; статьи Светланы Васильевны Кековой, Руслана Равиловича Измайлова «О духовном в русской словесности» и Анны Морковиной «Поэт Серебряного века, богослов и театровед Сергей Дурылин: опыт духовного становления». После прочтения их начинаешь верить, что «Нетерпеливые строки» действительно «тянут» на литературно-художественный альманах.

Отдельный разговор о редакции и отборе произведений. Не уверена, что издание украшают такие панибратски-патриотические стихи (автора не называю):

*Катится история, словно колобок.
Завалилась Родина на румяный бок.
Разлеглась Емелюшкой на своей печи.
Что ж ты, мать-Расеюшка, аль не любишь жить?*

*Сказки, прибауточки, детские стишки.
Мужики с побудочки вспомнят
про грешки,*

*А поля не паханы и не кормлен скот.
На кого надеешься? Чудо не придёт.*

Комментарии, как говорится, излишни.

И при этом, с одной стороны, сплошь и рядом я наткалась на штампы, плохие рифмы или их отсутствие (вроде рифмы «своеобразный» – «многообразный» (почти что «брат» – «двоюродный брат»), нарушения стихотворного размера (см. такой сбой стихотворного размера в 14-й стро-

ке уже процитированного мною стихотворения «Коллегам»). Впрочем, автор всегда прав, может быть изданным в том виде, который ему любезен, и проявлять «нетерпение своего сердца» в «нетерпеливых строках». И тут уж редактор ничего не сумеет сделать.

С другой стороны, во многих случаях для публикации отобраны хорошие лирические стихотворения. Вот одно из них.

*На городок мой захоластный
Упала снеговая мгла.
Поток небесный льётся густо,
Земля под ним занемогла.
Она мелеет и белеет,
Она уходит в тишину,
Она противиться не смеет
Немому плену своему.
А я люблюсь на ненастье
Из темноты ночных окон,
Осенних дум сомненья гаснут,
И свет летит со всех сторон.
Наемся снега – слаще хлеба!
По белой улице пройду,
Меня обнимет снежно небо,
И я всё небо обниму!
И ты, далёкий, станешь ближе,
Ведь между нами – белый снег:
Шепну – а ты меня услышишь,
Шагну – ты мой узнаешь след.*

(Гульсара Туктарова)

Чем больше будет таких удач, тем больше откликов вызовет альманах и тем больше у него будет шансов называться художественным. Прочитанным он точно будет, тираж для города по нынешним временам у него неплохой (250 экземпляров). И хотя, возможно, другие читатели будут менее пристрастными, чем я, всё же надеюсь, что многоуважаемый Игорь Иванович Пресняков – главный редактор альманаха «Нетерпеливые строки», поэт, президент РОО «АСПО СО» (меня очень впечатляет эта внушительная аббревиатура), руководитель ПК «Диалог» – не подумает, что мой отзыв вызван тем, что кое-что в рецензируемом издании мне пришлось не по душе. Тем более что я сама – один из авторов этого сборника. Как же после этого он может мне не нравиться? А если серьёзно, то я и как автор несу некоторую ответственность за издание, поэтому, видимо, имею право на критику. Да, недавно я рецензировала сборник «Радуга. XXI век», и там было ещё больше авторов, самодеятельных в том числе, но это был просто сборник произведений участников фестиваля. К подобному сборнику и отношение иное. А если издание считается литературно-художественным альманахом, то и требования другие. Профессиональные.

**Лилия
АЛИФЕРОВА**

К 100-ЛЕТИЮ ПУШКИНСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

Написать эти заметки меня побудили обстоятельства. Проработала я директором библиотеки почти 30 лет. За эти годы по моей инициативе, под моим непосредственным руководством произошло множество разных событий, дел, встреч, мероприятий, осуществлены проекты, программы, идеи. Всё это аккумулировалось в моей деятельности и сохранилось в моей памяти.

Иногда к нынешнему руководству обращаются с вопросами, на которые никто ответить не может (или не работали в те времена, или не участвовали в тех событиях, или не давали себе труда написать, запомнить). Например, спрашивают: «Как менялся статус библиотеки?», «Кто возглавлял библиотеку в разные годы?», «Какая организация возводила пристройку к библиотеке, какова её площадь?», «От какого владельца осталась лепнина?», «Когда на здании появился барельеф А. С. Пушкина и кто его автор?», «В какие годы в библиотеке работала детская студия «Солнышко»? Вот я и приняла решение написать о библиотеке, чтобы ответить на все возникающие вопросы.

В конце сентября 1985 года, вернувшись из очередного отпуска, я была приглашена в областное управление культуры Саратовского облисполкома (с 1992 года – министерство культуры Саратовской области). Начальник управления Евгений Никитович Курганов поручил побеседовать со мной своему заместителю Виталии Владимировне Юрченко, которая курировала культурпросветучреждения – музеи, библиотеки, клубы..

Я была членом КПСС, и потому разговор со мной был очень коротким. Мне предложили перейти на работу директором

-
- Лилия Ивановна Алиферова родилась в г. Балаково Саратовской области в 1937 году. Окончила Вольское педагогическое училище, исторический факультет Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, Московский государственный институт культуры. Работала библиотекарем, заведующей научно-методическим отделом Центральной городской библиотеки г. Саратова. С 1985 по 2015 гг. занимала пост директора Саратовской областной библиотеки для детей и юношества им. А.С. Пушкина, являлась вице-президентом Ассоциации провинциальных детских библиотек России и членом Российской библиотечной ассоциации. Награждена многочисленными почётными грамотами Министерства культуры, администрации г. Саратова. Почётный гражданин г. Саратова. Заслуженный работник культуры РФ.

Областной детской библиотеки им. А. С. Пушкина. Предложение было для меня неожиданным.

В то время я работала заведующей научно-методическим отделом Центральной городской библиотеки централизованной библиотечной системы Саратова уже 20 лет и менять место работы не собиралась. Я считала, что должна выполнять ту работу, которая мне нравилась и которую я могу делать хорошо.

Но в данном случае моего согласия не спрашивали, и времени на раздумья у меня не было. Была назначена встреча для собеседования с Федотовым, ответственным за работу учреждений культуры обкома партии. Он настоятельно просил привести библиотеку имени А. С. Пушкина в порядок: завершить многолетний ремонт, улучшить материально-техническое состояние учреждения и должным образом организовать методическую помощь и поддержку библиотекам области. Итак, задачи поставлены, напутственные слова сказаны...

Коллеги из Центральной библиотеки отнеслись к моему назначению по-разному. Одни были обеспокоены: «Куда ты идёшь? Там такой беспорядок, коллектива нет, нужен ремонт, это не библиотека, а «мусорный ящик». Другие, напротив, говорили, что мой опыт, знания, авторитет помогут преодолеть все трудности и сделать библиотеку соответствующей её статусу.

Что думала я? Принимая на себя обязанности директора, я хотела ответить себе на вопросы: смогу ли? На что я способна? Хватит ли сил, здоровья, опыта и мудрости, чтобы создать творческий коллектив, улучшить материально-техническую базу, создать условия для работы сотрудников и читателей, стать настоящим методическим центром для библиотек области и сделать Саратовскую область самой читающей в России, занять достойное место в библиотечном сообществе?

Накануне дня вступления в должность я пришла в библиотеку, чтобы посмотреть, что же она собой представляет. Да, Пушкинская библиотека выглядела не лучшим образом. Здание, которое занимает она, было построено в конце XIX столетия. Региональный памятник культуры – бывший доходный дом, как старый бедный родственник, был оставлен без средств к существованию. Я очень сожалею, что не провела тогда фотосессию (это дело в те годы не было таким популярным, как сейчас), поэтому вид Пушкинской библиотеки в 1985 году сохранился лишь в памяти у меня и тех, кто трудился тогда в ней. Это были работающие и ныне О. В. Ионова, Н. Ю. Позднякова, Е. В. Ильченко, В. Б. Степаненко, Т. С. Козлова; а также Е. Бурдо, Л. Ф. Кривова и А. Б. Белоглазова, которая недавно ушла из жизни... По библиотеке меня сопровождала Л. Ф. Кривова, временно исполнявшая обязанности директора. Предыдущий директор – Марат Исаакович Стольниц, проработавший 20 лет, – оставил должность в 1983 году и уехал в Израиль.

Вся площадь «Пушкинки» составляла тогда 746 кв. м. Ощущалась теснота помещений: рабочих площадей явно не хватало на те объёмы работы, которые выполняла детская библиотека.

Настроение моё от увиденного было удручающим. Мы дошли до абонемента для средних и старших школьников, где стояли жуткие железные стеллажи, на потолке работали гудящие, мигающие светильники (такие обычно используют на животноводческих фермах); на грязном потолке зияла дыра, в которую просвечивало небо от постоянного протекания кровли... Мне вспомнилась мелодия из оперы «Евгений Онегин»: «Не разойтись ли полюбовно?..» А потом – речитатив: «Нет, нет, нет...»

9 декабря 1985 года В. В. Юрченко представила меня коллективу. Кстати, 9 декабря – Юрьев день. В этот день на Руси было принято наниматься на работу. Представление было кратким: Юрченко рассказала обо мне, о ЦГБ города, где я работала. Я сказала, что, судя по тому, что я увидела, впереди у нас очень большая творческая работа, требующая много сил, знаний, желания достойно служить детям.

В тот же день я узнала, что из 35 человек по штатному расписанию работали только 16, из которых 8 человек занимали по 0,5 ставки. В целом о состоянии библиотек области никто не знал, информацией о проблемах детских библиотек не владели даже методисты.

Услышав о предстоящей большой работе, некоторые в тот же день подали заявления об уходе. Поскольку директора не было два года, в библиотеке не стало порядка, дисциплины, качественной работы. К тому же не работала отопительная система, было очень холодно...

Позвонила в администрацию Фрунзенского района, представилась, рассказала о проблемах, а мне в ответ строго: «Устранить и доложить!» «Ага, – сказала я себе, вспомнив цитату из одного журнала: «Если тебя назначили на должность, никогда не жалуйся, никого не проси, делай всё сама. Не поймут, не помогут, уважать перестанут». Так потом и работала: не звонила, не просила, не жаловалась, искала выход и делала всё сама. Но уж если что-то было нужно сделать, я руководствовалась принципами: делаю не для себя, а для читателей и для коллектива. Если не я, то кто же?! И шла, и приходила ещё, пока не добивалась положительного результата. Должна признать, что это нелегко, порой оскорбительно. При своей мягкости, застенчивости приходилось учиться овладевать пробивной силой и твёрдо отстаивать свои позиции.

Многие начальники становились друзьями, так как любили читать, следили за книжными новинками. В эти годы издавались «Дети Арбата» А. Рыбакова, «Белые одежды» А. Дудинцева, книги Александра Солженицына, Виктора Некрасова (тиражи были невелики). Пользовались спросом литературно-художественные журналы «Юность», «Новый мир», «Звезда», «Иностранная литература». Так, благодаря друзьям и начальникам – библиотекарям книжных новинку Ю. Вострикову, Г. Коптелову, К. Лёвину, В. Бочкарёву и другим (а в те годы читали много), я могла приобретать строительные материалы; руководители производств, служб предоставляли мне транспорт, технику по уборке снега... Я очень благодарна им за поддержку, понимание и помощь.

Разработала «Программу развития материально-технической базы библиотеки и совершенствования библиотечно-библиографического обслуживания читателей» на пять лет. Эта долгосрочная программа помогла продвигаться вперёд. Такого опыта раньше не было. В директорском кабинете стоял колченогий дерматиновый, весь обшарпанный диван, наполненный документами. Просматривая их, нашла проект реконструкции библиотеки от 1980 года, составленный архитекторами Ю. Менякиным, И. Прокопенко, Г. Юриным. По этому проекту определялись меры, направленные на перестройку библиотеки, увеличение её рабочих площадей за счёт присоединения соседнего здания, ранее занимаемого городским комитетом ЖКХ, и возведения пристройки, объединяющей эти два здания. Это то, о чём я думала. На основании этих документов была составлена смета большого капитального ремонта основного здания, где предполагалось разместить библиотечный фонд только в 150–200 тысяч экземпляров книг (в 1985 году фонд составлял свыше 240 тысяч экземпляров). Предложения реализованы не были.

Собрав все документы, я пошла к инженеру Г. Н. Юрину. Задала ему вопрос: «Почему проект не был реализован?» Он смотрел на меня как

на инопланетянку, очень разволновался, а потом закурил и выдал, что разработал столько проектов за годы своей работы, но никто никогда не спросил, почему проекты не были реализованы, почему работы не велись и почему документы выбросили в мусорную корзину. Оказывается, библиотеку некуда было перевести на время ремонта – в городе не нашлось свободных площадей. Но все прекрасно понимали, что это только предлог, просто этим никто не хотел заниматься. Меня это не устраивало: библиотека не могла существовать по-прежнему! Тем более эти несколько лет, вошедшие в историю как «перестройка», определили некоторые перемены в стране, повысили общественное мнение, подняли роль прессы; было весомо слово ГК КПСС.

Взяв за основу проектные документы и смету 1980 года, я отправилась к главному архитектору города и убедила Юрия Ивановича Менякина их переутвердить и пересогласовать. После чего приступила к реализации мер по улучшению материально-технического состояния библиотеки, внося в проект коррективы. Но скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Управление культуры облисполкома (Е. И. Курганов) к моей программе отнеслось недоверчиво. «Зачем вам это нужно? – спросили меня. – Это невозможно».

Дело в том, что был «нарисован» макет проекта Областной научной библиотеки, который должен был лечь в основу строительства библиотеки на улице Московской (Ленина) между Вольской и Чапаева. Это был уже второй макет, который пылился на шкафу в кабинете директора Н. И. Никифоровой. Первый должны были реализовать, построив здание на улице Университетской.

Курганов заявил: «Зачем вам строить? Вот построим научную библиотеку, и первый этаж отдадим под размещение библиотеки для детей». Но где гарантии? Я сказала: «Хорошо. Вы стройте, а мы пока займёмся благоустройством помещения. И дети, и коллектив должны иметь уют, комфорт, привлекательные интерьеры».

На ремонт ежегодно выделялось 15000 рублей и ни рубля больше. За эти деньги проекты реализованы не были. Ремонтное управление по давно сложившейся традиции выполняло работы крайне медленными темпами.

Обещанный в 1986 году ремонт произведён не был: то срочно школы, то детские сады, то ёлки, то ледовые дворцы на площади... А библиотека?

«Нет сил, – говорил начальник ремонтного управления и добавлял: – Да кому нужна ваша библиотека?» Год усилий: разработка сметы, поиск материалов, составление договоров, беготня по кабинетам, просиживание в очередях в приёмных к начальникам управлений, управляющему трестом – всё «псу под хвост». Начальник техотдела областного управления культуры В. А. Соснин сказал: «Я же говорил, что у вас ничего не получится». Я поняла, что должна сделать что-то глобальное.

Написала письмо секретарю ГК КПСС В. Г. Головачёву. Принесла в приёмную, взяли, зарегистрировали. Спрашиваю: «Прочитает? Когда?» – «Через месяц, может быть». Столько времени у меня не было. Вспоминала, как однажды на семинаре перед директорами учреждений культуры выступала журналист газеты «Коммунист» С. В. Лямзина. Прощаясь, сказала: «Если будут трудности, приходите, поможем». Договорились о встрече. Пришла. Рассказала о «беге с препятствиями». Выслушала меня Светлана Валентиновна и говорит: «А теперь всё подробно напиши». Так появилась в газете «Коммунист» в 1987 году статья за моей подписью, которую Лямзина назвала ёмко: «Пустословы».

Всё это было как взрыв бомбы и имело положительный эффект. Курганов сердился, «скрипел зубами», как мне сказали, но меня не ругал. В. Г. Головачёв вызвал А. В. Калининченку (строительный отдел ГК КПСС) и поручил ему контроль за ремонтом библиотеки. У нас была договорённость: если ремонтники на объекте не появляются, я ему звоню, он звонит управляющему строительным трестом Фетисенко, и далее – всё ниже и ниже.

Больше всего гневался как раз управляющий трестом; он собрал подчинённых у меня в кабинете (в то время выглядевшем убого) и начал назидать, воспитывать всех и журить меня: «зачем ходила, зачем писала», «ты как кость в горле у меня» и прочие аргументы. Сказала: «Кость надо удалить. Опасно оставлять». И с 1987 по 1991 годы в библиотеке проходил большой капитальный ремонт: убирали старые стеклянные перегородки, возводили новые, была проведена перепланировка залов. Из двух огромных залов было устроено четыре специализированных. В отделке применялись качественные строительные материалы: травертин, мрамор, ракушечник. Было проведено пять этапов ремонта, заменили полы и лестничные марши.

В театре оперы и балета тоже шёл ремонт, и я познакомилась с руководителем группы «Фасадник» Сергеем Владимировичем Шнуровозовым.

Группа специализировалась на лепных изделиях. Упросила их посмотреть наш объект, заняться отделкой внутренних помещений. Так на потолках и дверных проёмах появились лепнина, декоративно-художественная отделка. Затем я пригласила в библиотеку художников из объединения «Жёлтая гора» (руководитель – Евгений Солодкий). И на стене возникла композиция на тему «Пушкинская библиотека», была расписана «Комната сказок».

Деньги давали, так как были веские аргументы. Однажды Е. Н. Курганов на совещании сказал, обращаясь к директорам и начальникам учреждений культуры: «Ну что вы всё «щикатурите» да «щикатурите» – серо, скучно, ну хоть бы художественно отделали». Я это запомнила и его же слова ему напоминала периодически. Потом были приобретены красивые светильники, люстры, мягкая мебель – диваны, кресла, пуфики, театральные кушетки, красивые столы, стулья. Переутверждённая смета позволила провести работы по обновлению фасада. Из огромных магазинных витрин сделали нормальные окна; обновили цоколь, сделали рустовку, украсили лепными фрагментами (голова льва), обустроили карнизы, заменили входные двери, оконные рамы, покрасили золотистой охрой в сочетании с белым. Обычно фасад красили сереньким, жёлтеньким... «Какая лепнина? – говорил мне главный художник архитектурного управления. – Какие львы, зачем?» – «Чтобы охранять книжную мудрость». – «Зачем золотистая охра? Усложняйте!» – «Красиво». Потом согласился.

Шёл ремонт в областном музее краеведения, появились остатки мрамора, и я убедил Курганова передать остатки мрамора в библиотеку.

Но ремонт библиотеки лишь улучшал условия для работы, не увеличивая рабочих площадей. Хотя после вмешательства Фрунзенского РК КПСС (секретарь Тамара Васильевна Петрова) в 1990 году библиотеке были переданы площади бывшей конторы пуско-наладочного участка «Орггаз». Это 70 квадратных метров на первом этаже по улице Горького.

В 1911 году это был вход в кинотеатр «Мурава», который был пристроен к зданию госпожой Ольгой Сергеевной Кошкиной. Она получила это здание, купленное у владельцев доходного дома, в аренду от мужа, купца В. А. Кошкина, потомственного почётного гражданина города Саратова. Кинотеатр размещался на втором этаже, а эта территория была входом, украшена ками-

ном из изразцов Абрамцевских мастерских по рисункам Михаила Врубеля и Константина Коровина.

Конторы «Орггаз» уже не существовало, на этих площадях разместился кооператив «Газовик». Он занимался реализацией баллонов бытового газа. Утром приходили люди, приобретали баллоны, и целый день площади пустовали. И это в то время, когда библиотека жила в тесноте и нуждалась в помещениях. Записалась на приём к Т. В. Петровой, рассказала о своих наблюдениях, пригласила посмотреть. Тамара Васильевна не откладывала в долгий ящик. Пришла и увидела всё своими глазами. Решение о передаче помещения было принято мгновенно.

Мысль о возведении пристройки не покидала меня. Вновь обратилась к проектным предложениям архитекторов 1980 года. Помогла «перестройка». Было много талантливых молодых людей из бывших структур ВЛКСМ, КПСС. В 1989 году возник центр НТТМ (научно-технического творчества молодёжи) «Прогресс» Фрунзенского района (руководитель – Сергей Тарасов). Он и взялся по моей просьбе разработать проект пристройки, потом подключились рабочая группа архитектора Евгения Михайловича Елизарова и, наконец, творческое объединение «Арт-Дмитрий» (руководитель – Дмитрий Голубинов).

Работы «нулевого цикла» выполнил кооператив «Амфир» В. А. Скорокова: котлован, блоки под фундамент; потом – кооператив «Цитрон» Н. Пугачёва. Кооперативы работать не умели. Дело не продвигалось.

Вновь помогли друзья. Навестил меня как-то Александр Дмитриевич Лядов – яхтсмен, руководитель творческого объединения «Артефакт» (мы как-то приобрели у них для библиотеки замечательных кукол, наряженных гусарами 1812 года).

Разговорились, Александр Дмитриевич и спрашивает: «Вы что-то строите? А кто вам это делает?» Выслушав моё повествование, Лядов сообщил, что есть такая югославская фирма «Пираско инжиниринг», зарегистрированная на Кипре, со штаб-квартирой в Лимассоле; в то время она работала в Сочи. Лядов взялся стать посредником и договориться с ними. Через некоторое время прибыл их начальник. Подписали договор о намерениях, просчитали смету, и я решила, что строительные материалы будем покупать сами – ведь строительства библиотеки в планах министерства культуры не было, а значился большой капитальный ремонт.

Это был уже 1994-й год, произошли структурные изменения. Управление культуры стало министерством, министром назначили Илью Фёдоровича Кияненко, директора театра оперы и балета. Наше учреждение получило статус «Областная библиотека для детей и юношества». Эта идея принадлежала мне: в городе не было юношеской библиотеки.

Конечно, для юношества требовались дополнительные фонды и рабочие площади. Наша инициатива послужила началу объединения детских и юношеских библиотек в стране. Все ссылались на наш опыт, но ведь мы ни с кем не объединялись, а просто взяли на себя дополнительную функцию – работать с другой категорией читателей. Было и ещё одно обстоятельство, позволявшее нам самостоятельно существовать. В 1989 году Совет Министров СССР принял постановление «О новых условиях хозяйствования», которое позволяло нам самостоятельно определять структуру библиотеки, составлять штатное расписание и вести другую дополнительную деятельность, в том числе на платной основе.

Мы стали самостоятельно заключать договоры, вести хозяйственную деятельность. Большой популярностью пользовалась в городе студия «Солныш-

ко». Объявление о её открытии не публиковали, но молва делала своё дело: в библиотеку приходили дети 3–5 лет со всего города. Идея создания студии по эстетическому воспитанию родилась у меня давно, когда росли мои сыновья. Так хотелось, чтобы их учили музыке, пению, живописи, этикету, музыкальной грамоте специалисты. И вот такая возможность появилась. Специалисты консерватории, школ искусств, желая проявить своё мастерство и получить за это вознаграждение, заключали с библиотекой контракты на дополнительную работу. Цена была смешная, но она всё равно позволяла платить педагогам и приобретать для библиотеки необходимое. Студия просуществовала более двадцати лет, хотя педагоги менялись часто. Особенно приятно было работать с Натальей Владимировной Ивановой, Ольгой Ивановной Беликовой. Через студию прошли тысячи мальчиков и девочек, многие из которых стали музыкантами, художниками и просто хорошими специалистами.

Итак, договор с фирмой был заключён, смета утверждена, всё, что было построено ранее, – разобрано, т.к. не соответствовало проекту, и за 8 месяцев пристройка к библиотеке в три этажа площадью 400 кв.м была завершена. Я не оговорила – именно три этажа: по фасаду, выходящему на улицу Яблочкова, было два этажа (т.к. фасад должен был соответствовать существующему зданию), а с обратной стороны – три этажа. Это тоже было сделано по моей просьбе, всё из-за той же тесноты. Высота потолков была до 7 метров, вот и попросила строителей что-нибудь придумать. Они и придумали: сделали в крыше ещё один этаж мансардного типа около 60 кв.м. Это был первый в городе подобный проект. Позже его использовала контора жилищно-коммунального хозяйства по улице Горького, потом наши соседи – бывший трест строймеханизации. Строительными работами руководил прораб Милорад Екмеджич, молодой человек исключительной ответственности, добросовестности и порядочности. Работа его бригады была организована так, что никаких перекуров, передыхов, утром пришли, работали только с перерывом на обед, вечером всё убрали, мусор вывезли и ушли отдыхать. Мы любовались их работой. Это был гимн труду, даже соседние коммунальщики завидовали: где мы нашли такую фирму?!

Но без ложки дёгтя не обошлось. Трудности начались с первых дней, как только завезли строительные блоки. Сразу прибежали соответствующие «чины» и выписали штраф за неправильное хранение строительных материалов, сумма которого превышала в разы стоимость всего проекта. Помогали отбиваться руководитель Фрунзенской администрации Т.В. Петрова и зампреда горисполкома В.Д. Хлопов. Отбились! Но ненадолго. Ежедневно, как на работу, приходили люди из архконтроля. Особенно старался господин Рейхерт. То не так проектировали, то не так выполняли примыкание к соседнему зданию, то разрушили соседнюю контору. Но наша пристройка возводилась на территории, примыкающей к библиотеке, где были постройки, требующие сноса из-за их аварийного состояния. Они и упали аккуратно, как только был вырыт котлован – так легко опустились! Я шла в книгохранение и почувствовала под ногами «зыбкость», мы быстро убрали то, что можно было, и наблюдали, как опускаются наши «скворечники», имевшие огромные трещины. И когда пристройка быстро выросла благодаря строителям из Югославии, решили построенное у нас отобрать.

Чего только не предпринимал против меня Думчев! Заявление в прокуратуру, что спилили ценной породы дерево. На самом деле это был американский клён (их высаживали в городе после войны), уже наполовину сгнивший... Потом отправил жалобу в горархитектуру, что мы своей стройкой

разрушили памятник архитектуры – их контору, и потому требуют проведения ремонта за счёт библиотеки. Но мне-то хорошо было известно, что есть заключение «Облкоммунпроекта» от 1982 года о признании здания конторы ЖКХ (тогда гостиницы) аварийным, и оно около трёх лет не эксплуатировалось, т.к. восстановлению не подлежало. И наконец, была отправлена жалоба в облархконтроль о том, что было неправильно спроектировано примыкание к соседнему зданию. Был выставлен штраф мне, директору, на 2 млн рублей, а строительной организации на 22 млн рублей.

Я ещё раз убедилась в том, что ни одна государственная организация не вызвалась помочь библиотеке, а вот наказывать, отбирать, штрафовать – желающих в изобилии. Это было ещё одним поводом для шуток у наших строителей из Югославии. Они не могли понять, почему у нас так много праздников и выходных. С недоумением спрашивали: «Как, у вас опять праздники? Не работаете?» Или: «Какую же зарплату у вас получают библиотекари?» – «69 рублей». – «В день?» – «В месяц!» И потом: «Кто же у вас работает, если все только проверяют и контролируют?» Пристройку они выполнили за 8 месяцев. Подготовили все отчёты по строительству и вынуждены были отказать от работ по внутренней отделке помещения и вернуться в Сочи.

Мой штраф облархконтроль аннулировал, т.к. я не могла заниматься проектированием. Эту работу выполняли другие службы – архитекторы. Отделочные работы проводили по договорам «хозспособом». Интерьеры разрабатывала сама. Много делали всем коллективом. С возведением пристройки решались проблемы увеличения рабочих площадей: создан зал («Голубой») для творческих встреч и выставок; справочно-библиографический отдел (теперь – «Центр чтения»), на третьем этаже разместились отдел автоматизации и информатики, методический отдел, на первом этаже – отдел комплектования книжных фондов, редакционно-издательский отдел, оборудованы туалетные комнаты.

Пристройка и проведённая реконструкция помещений позволили существенно изменить структуру библиотеки, увеличить штатное расписание, ввести новые должности и обновить кадры.

Были созданы: отдел литературы на иностранных языках «Остров сокровищ» (1988), отдел краеведения (1990), отдел информатики (1991), редакционно-издательский отдел (1992), центр правовой информации (1997), центр психологической поддержки подростков «Успех» (1992), этикета и другие подразделения. Введены должности психолога, социолога, программиста, инженеров, редакторов. Всё это способствовало привлечению читателей, увеличению посещаемости: в 1992 году читателей стало более 20 тысяч, а штат вырос до 89 человек.

В 1997 году мир отмечал Международный день детской книги. Вячеслав Викторович Володин, вице-губернатор правительства области, прислал поздравительную телеграмму с пожеланием благополучия и успехов. Я ответила на поздравления благодарственным словом, а в конце письма приписала, что сожалею о том, что многие книги дети – читатели библиотеки – не увидят никогда, т.к. площадей по-прежнему не хватает, а книги упакованы в пачки. Через несколько дней позвонила Татьяна Александровна Пашкина, специалист в аппарате Володина, и сообщила, что Вячеслав Викторович собирается посетить нашу библиотеку.

Библиотека Володину понравилась: у нас уже была осуществлена информатизация, создан электронный каталог, велась электронная запись читателей, мы были в этом направлении первыми в России среди детских библиотек и в Ассоциации областных детских библиотек России, которую инициирова-

ли в 1992 году, отвечали за направление «Внедрение новых информационных технологий на базе компьютерной техники». Я была избрана вице-президентом Ассоциации, мы активно проводили с 1992 года конференции, обучающие семинары для специалистов из библиотек всех 89 регионов, от Калининграда до Владивостока.

После визита Володина было принято решение передать библиотеке 68 кв. м дополнительной площади соседнего здания треста «Строймеханизация» – там уютно разместился сначала отдел для младших школьников, а теперь – краеведения и экологического просвещения. И теперь библиотека, ласково называемая читателями «Пушкинка», на площади 1400 кв. м разместила более 20 структурных подразделений, обслуживающих около 30 тысяч юных граждан города.

Завершив в 1995 году строительство пристройки к библиотеке площадью 400 кв. м, которая повторяла фасад второго этажа основного здания по улице Яблочкова, 2, я обнаружила, что фасад первого этажа – входные двери, крылечко, ступени, стены – не обустроен, как и прилегающая территория. Деревья с огромными трещинами на стволах находились под угрозой слома, асфальт в заплатках. К тому же машины подъезжали прямо к крыльцу. Возникла мысль обустроить эту часть здания. К этому решению был веский повод: в 1999 году отмечались две важные даты – 200 лет со дня рождения А. С. Пушкина и 80 лет основания библиотеки.

Я написала письмо на имя председателя Саратовского отделения Союза архитекторов России Вячеслава Цоя с просьбой разработать проект фасада и прилегающей территории по улице Яблочкова. Получила одобрение, проект был разработан в короткие сроки. Он предусматривал благоустройство прилегающей территории: асфальтирование, оформление плиткой, облицовка цоколя, покраска фасада стен золотистой охрой, а рустовка, лепнина, пилястры, головы львов – белые. Также предполагались создание барельефа А. С. Пушкина, замена входных дверей, устройство крылечка, ступеней, навеса над ступенями, создание цветника. Препятствием для осуществления проекта было, как обычно, отсутствие финансирования.

Министерство культуры области напрямую не имело права финансировать деятельность организации, направленную на благоустройство территории города. «Умом Россию не понять» – эти строчки Тютчева сопровождали нас постоянно. Хорошо, что в 1989 году была создана детская студия «Солнышко» как дополнительная платная услуга населению, она приносила небольшие внебюджетные средства, и этими деньгами мы могли распоряжаться самостоятельно.

Барельеф А. С. Пушкина исполнен скульптором из Базарного Карабулака¹. Первый вариант принят не был, т. к. Пушкин был больше похож на Гоголя, чем на самого себя. Ныне на фасаде библиотеки – второй вариант барельефа.

В 2009 году удалось получить согласие администрации города на безвозмездную аренду помещения библиотеки. Решили на заложенные в смете средства арендовать дополнительные помещения. Разрешение было получено. Но с подачи финансистов планово-экономического отдела разрешение на аренду помещений содержало грозное предупреждение: «...разрешаю... без дополнительного финансирования и штатных единиц...» И это выглядело как наказание: хотели дополнительные площади – берите, но всё за счёт

¹ Скульптор – Николай Михайлович Крапивин (прим. – А.М.).

собственных средств и существующего штата. Я не роптала. Перераспределила штатные единицы: что-то убрала, что-то объединила, пересмотрела структуру и, главное, благодаря усилиям моего заместителя Валерия Владимировича Жучкова, нашли два отличных помещения. Одно – в посёлке Юбилейном, улица Усть-Курдюмская, площадью 230 кв. м (в 2009 году), и второе – на улице Пушкина, д. 12/16, площадью 180 кв. м – под размещение отдела искусств (2010 год).

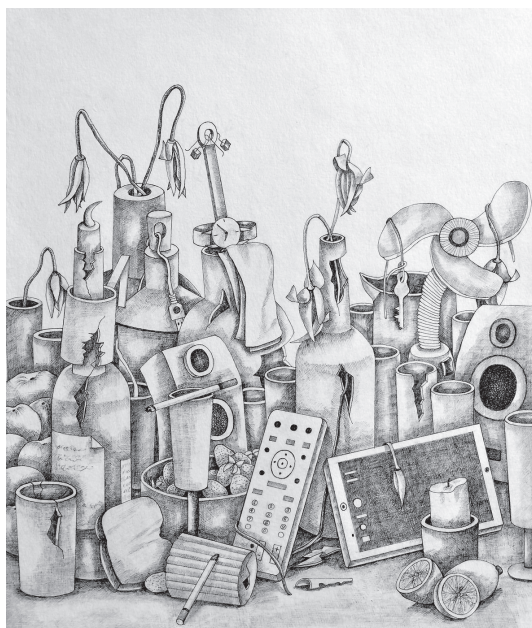
В 2009 году полномочный представитель Президента в Приволжском федеральном округе Григорий Алексеевич Рапота вручал мне в Нижнем Новгороде медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» II-й степени. Во время фотографирования я оказалась рядом с ним и спросила, как они отбирают кандидатов на награды и по какому принципу распределяются места для вручения наград. Он сказал: помнит, что в представлении обо мне было написано, что в 90-е годы удалось возвести пристройку к библиотеке, площадь которой даже больше, чем помещения некоторых областных библиотек в регионах: Самара, Ленинград, Ростов-на-Дону, Псков, Рязань и другие; преодолевая множество трудностей, я совершила героический поступок. Эта фраза привлекла внимание организаторов награждения.

Когда вспоминаю события тех лет, мне иногда не верится, что всё это я смогла пережить и завершить строительство, которое напоминало боевые действия местного значения, где силы были неравны. Каждый день начинался с битвы.

Когда Е. Н. Курганова сняли с должности – а он очень много сделал для культуры области, – он пришёл в библиотеку, извинился, что мало помогал мне, т.к. думал, что за моей спиной стоят влиятельные люди. Я сказала, что он прав. За моей спиной очень влиятельные люди – дети, их родители, бабушки, дедушки – уважаемые люди города, и мы всё делали для нашего будущего поколения – детей.

За годы моей работы директором, к сожалению, полностью реализовать проектные предложения главного архитектора города Ю. И. Менякина, архитекторов А. С. Папшева, Г. Н. Юрина о создании «Библиотечно-информационного и культурно-досугового центра для детей и юношества» не удалось. Библиотека по-прежнему живёт в тесноте. И стены в помещении все в трещинах, которые удалить очень сложно, в частности, из-за того, что нарушена целостность кирпичной кладки. Дело в том, что однажды хозяйственные руководители города решили установить троллейбусную растяжку и закрепить её на здании библиотеки. Однажды прихожу на работу и вижу: стоит на углу улицы машина, а в «люлке» рабочий вбивает в угол здания огромный штырь. Спрашиваю: «Что вы делаете? Кто приказал? Этого делать нельзя: здание – памятник культуры регионального значения, к тому же требует укрепления». Но кто же с нами считается!..

Через несколько дней из-за вибраций от прохождения троллейбусов здание библиотеки в этой части получило огромные трещины – была нарушена кирпичная кладка. Поставили «маяки», убедились, что разрушение продолжается. Штырь из стены удалили, но уже поздно, трещины возникли вновь, уже от верха до низа. Хочется верить, что в годы «Десятилетия развития детства» найдутся средства на капитальный ремонт фасада, тем более что 2019-й – год столетия Пушкинской библиотеки. Будем надеяться, что на «лице города» ни в будни, ни в праздники никогда не будет никаких изъянов.

Ольга Черенцова. «После вечеринки»

Журнал «Волга–XXI век» зарегистрирован МПТР РФ,
свидетельство ПИ № 77-16080 от 6 августа 2003 года.

Учредители: Министерство информации и печати Саратовской области, Саратовское региональное
отделение Общероссийской общественной организации «Союз писателей России».

Издатель: ГАУ СМИ СО «Регион 64».

Директор – Владислав Степанов.

Редакция:

Главный редактор – Елизавета Данилова.

Дизайн и вёрстка – Лилия Баранова.

Корректор – Елена Березина.

Художник – Ольга Черенцова.

Подписано в печать 23 апреля 2019 года.

Дата выхода в свет 30 апреля 2019 года.

Журнал отпечатан в ООО «Амирит».

Адрес типографии: г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.

Заказ №43/2304/9

Цена свободная.

Почтовый адрес: 410005, г. Саратов, а/я 3535.

Адрес редакции: г. Саратов, ул. Сакко и Ванцетти, 41.

Тел. (факс): (845-2) 69-54-41.

E-mail: lizamart@yandex.ru

Сайт: www.g-64.ru/volga

Подписной индекс 14320

При перепечатке ссылка на издание обязательна.

Редакция не рецензирует рукописи, а только сообщает о своём решении.

Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 15,60.

Бумага типографская. Печать цифровая.

Тираж свободный.

© ГАУ СМИ СО «Регион 64», 2019.

© «Волга–XXI век», 2019.

РАБОТЫ ХУДОЖНИЦЫ ОЛЬГИ ЧЕРЕНЦОВОЙ

Из серии «Портреты»

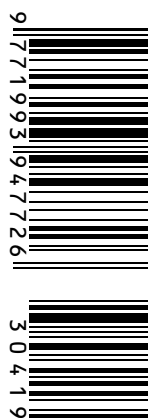
«Портрет писателя»

Из серии «Арки»

Ольга Черенцова. «Гнёзда»

ISSN 1993-9477

30419